

*XI international scientific conference
Toronto. Canada
08-09.10.2024*

QUESTIONS. HYPOTHESES. ANSWERS: SCIENCE XXI CENTURY

*Proceedings of the XI international
Scientific and Practical Conference*

08-09 October 2024

TORONTO. CANADA
2024

UDC 001.1

BBC 1

*XI International Scientific and Practical Conference «Questions.
hypotheses. answers: science XXI century», October 08-09, 2024,
Toronto. Canada. 102 p.*

ISBN 978-91-65423-89-3

DOI <https://doi.org/10.5281/zenodo.13960226>

Publisher: «SC. Scientific conferences»

Main organization:

Editor: Hans Muller

Layout: Ellen Schwimmer

The conference materials are in the public domain under the CC BY-NC 4.0 International license.

The publisher is not responsible for the materials published in the collection. All materials are provided in the author's edition and express the personal position of the participant of the conference.

*The sample of the citation for publication is Gugin Aleksandr,
Lisnievska Yuliia ANTI-ADVERTISING IN THE HOTEL BUSINESS // XI
International Scientific and Practical Conference «Questions.
hypotheses. answers: science XXI century », October 08-09, 2024,
Toronto. Canada. Pp.9-11, URL: <https://sconferences.com>*

Contact information

Website: <https://sconferences.com>

E-mail: info@sconferences.com

Content

Biological sciences

Jabbar Mustafa Mustafa Saleh Jabbar

HEALING OF SKIN WOUNDS IN LABORATORY ANIMALS WHEN USING HYDROGEL WITH THE ADDITION OF SAMSHITA EXTRACT (BUXUS SEMPERVIRENS L) 4

Chemical sciences

KlimkoYurii Evgenovich, Koshchii Iryna Volodymyrivna, Levandovskii Svyatoslav Ihorovych

EXAMPLES OF THE SYNTHESIS OF HETEROCYCLES BASED ON ADAMANTHYL-CONTAINING AMIDOALKYLATING REAGENTS 13

Cultural sciences

Nguyễn Thị Hạnh

THE ROLE OF FEMALE FISHERMEN IN CURRENT FAMILY LIFE IN SON TRA DISTRICT, DA NANG CITY, VIETNAM 18

Economic sciences

Abbasov Fuad, Farzaliyev Vugar

THE STIMULATING SIGNIFICANCE OF TAX POLICY IN THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP IN AZERBAIJAN 24

Munira Imramziyeva, Nazira Gumar

INNOVATIVE APPROACH TO SOLVING MORTGAGE LENDING PROBLEMS IN KAZAKHSTAN 27

Geographical sciences

Etigad. M. Bektashi, Naila. Z. Aliyeva, Aysun.İ.Hüseynova

RESEARCH ON THE RECREATIONAL POTENTIAL OF RESERVOIRS IN SHAKHRUR DISTRICT 31

Medical sciences

Arman Khozhayev, Aigul Sariyeva, Ruslan Saidenov, Kul Mukhammed Abdugaliyev, Petr Sebelev,

Yessenbek Agaibayev, Dmitriy Bessonov, Asmir Medetov 37

MULTIFACTORIAL ANALYSIS OF ETIO-PATHOGENETIC ASPECTS AND CLINICAL-DIAGNOSTIC APPROACHES IN STOMACH CANCER

Manole Virgiliu

INHALATION INJURIES IN BURNS: RISK FACTORS, CLINICAL MANIFESTATIONS, AND TREATMENT METHODS 45

Pedagogical sciences

Aliyeva Shabnam Ali

THE PRINCIPLE OF FORMING PRACTICAL SKILLS AND HABITS BASED ON THEORETICAL KNOWLEDGE OF THE AZERBAIJANI LANGUAGE 46

Gulnar Huseynova

TECHNOLOGICAL MODERN TEACHING APPROACHES IN TEACHING MATHEMATICS 49

Kristina Hrachyaevna Muradyan

THE INFLUENCE OF MOTIVATION ON LEARNING SUCCESS CHINESE LANGUAGE AT THE UNIVERSITY IN THE ARMENIAN LANGUAGE ENVIRONMENT 53

Inna R. Sargsyan, Khan Mingire

CHINESE-ARMENIAN BILINGUAL EDUCATION AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF MULTICULTURAL EDUCATION IN THE REPUBLIC OF ARMENIA 58

Philological sciences

<i>Kismetova G.N., Agniyazova A.K.</i> DIGITAL PLATFORMS IN LANGUAGE EDUCATION: THE POTENTIAL OF WORDWALL FOR EFFECTIVE LANGUAGE SKILLS DEVELOPMENT	64
<i>Arzu Huseynli</i> ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND SYNONYM SELECTION	69
<i>Abdullayeva Gunay Allahverdi</i> THEORETICAL ISSUES OF TERMINOLOGY	72
<i>Karimova Leyla Fizuli</i> EXPRESSING EMOTIONS BY MODAL MEANS	75
<i>Mammadova Sevinj Gulmammad</i> MODERN METHODS AND APPROACHES IN TEACHING ENGLISH	86
<i>Shalala Mammadova Arif</i> NONE NEGATIVE SUBSTITUTION AND ITS CONVERSATION IN AZERBAIJAN LANGUAGE	90
<i>Hamidova Tovus Arshad</i> NEGATIVE PRONOUNS IN MODERN AZERBAIJAN AND ENGLISH LANGUAGES	92

Psychological sciences

<i>Baubekova Gulzamira Juraevna, Zhantikeev Serik Krykbaevich, Nurtazinova Almagul Kastenovna</i> SPEECH ACTIVITY OF STUDENTS AND TEACHERS AS THE BASIS OF COMMUNICATIVE COMPETENCE	94
--	----

Technical sciences

<i>Mailova Inara Ruslan gizi, Kerimov BalaAga Asad</i> MOBILE MARKETING AT THE AIRPORT AS A CHANNEL FOR INCREASING COMFORT, PASSENGER AND CUSTOMER LOYALTY	99
---	----

Biological sciences

HEALING OF SKIN WOUNDS IN LABORATORY ANIMALS WHEN USING HYDROGEL WITH THE ADDITION OF SAMSHITA EXTRACT (BUXUS SEMPERVIRENS L)

Jabbar Mustafa Mustafa Saleh Jabbar

Institute of Biochemistry of Biologically Active Compounds of the National Academy of Sciences of Belarus, Grodno, Belarus

ЗАЖИВЛЕНИЕ КОЖНЫХ РАН У ЛАБОРАТОРНЫХ ЖИВОТНЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГИДРОГЕЛЯ С ДОБАВЛЕНИЕМ ЭКСТРАКТА САМШИТА (*Buxus Sempervirens* L)

Джаббар Мустафа Салех Джаббар

Институт биохимии биологически активных соединений НАН Беларуси, Гродно, Беларусь

Abstract

Introduction: The study of wound processes of various etiologies is an important issue in modern biology and medicine. At the same time, a significant increase in the number of patients with skin defects determines the relevance of the search, study and introduction into clinical practice of new effective and safe wound-healing drugs.

*Objective: to evaluate the wound-healing activity of the developed form of hydrogel in combination with a plant extract (*Buxus Sempervirens* L).*

*Materials and methods of research: In the study of the experimental model, female Wistar rats ($n = 21$) were used. The following dressings were used (to compare their properties): gauze discs; sterile hydrogel dressing; sterile hydrogel dressing with the addition of Boxwood extract - *Buxus Sempervirens* L. To identify the features of regeneration of full-thickness skin wounds (FSH) under the specified dressings, a model of healing of a full-thickness skin defect (FSD) was used, created in the interscapular region of rats and protected by a chamber, with the aim of regenerating damage mainly due to the mechanisms of wound contraction and marginal epidermization. Research method: immunological, histological, statistical.*

*Results: Boxwood extract in combination with hydrogel, compared with the control group, not only accelerates the healing time of wounds, but also allows maintaining a high level of phagocytic index and phagocytic number of leukocytes, which contributes to rapid wound cleansing and rapid epithelialization and healing. The mechanisms of action of boxwood (*Buxus*) on the healing process are probably due to the antimicrobial effect of guanidine, dilation of blood vessels and normalization of tissue microcirculation disorders, improvement of tissue metabolism, enhancement of neutrophilic phagocytosis function and activation of macrophages, which directly or indirectly affect the proliferation of fibroblasts and angioplasts. The best wound healing effect from the use of the studied developed hydrogel patches with extract (*Buxus sempervirens* L) was observed in comparison with that in animals of the control group and the group using a hydrogel dressing without plant extract ($p = 0.04$). The developed hydrogel patches with extract (*Buxus sempervirens* L) not only accelerate wound healing, but also allow maintaining a high level of phagocytic index and phagocytic number of leukocytes, which contribute to rapid wound cleansing, rapid epithelialization and healing.*

*Conclusion: The wound-healing activity of the developed form of hydrogel based on plant extract (*Buxus Sempervirens* L) was studied on an experimental model of a full-layer skin wound in rats of the (Wistar) line. It was found that in experimental animals, cutaneous applications of the developed hydrogel patches with extract (*Buxus sempervirens* L) contributed to a reliable reduction in the duration of wound healing compared to that in animals of the control group (without treatment) by an average of 3.5 days, and in animals treated with "hydrogel" by an average of 2.98 days.*

Аннотация

Введение: Изучение раневых процессов различной этиологии является важным вопросом в современной биологии и медицине. При этом значительное увеличение числа пациентов с дефектами кожного покрова обуславливает актуальность поиска, изучения и внедрения в клиническую практику новых эффективных и безопасных ранозаживляющих

препаратов.

Цель: оценить ранозаживляющую активность разработанной формы гидрогеля в комплексе с растительным экстрактом (*Buxus Sempervirens* L).

Материалы и методы исследования: В исследовании экспериментальной модели использовали самок крыс линии Wistar (n=21). В качестве перевязочных материалов (для сравнения их свойств) использовались: марлевые диски; гидрогелевая повязка стерильная; гидрогелевая повязка стерильная с добавлением экстракта Самшита - *Buxus Sempervirens* L. Для выявления особенностей регенерации полнослойных ран кожи (ПСК) под указанными перевязочными материалами была использована модель заживления полнослойного дефекта кожи (ПСД), созданная в межлопаточной области крыс и защищенная камергой, с целью регенерация повреждений преимущественно за счет механизмов сокращения раны и краевой эпидермизации. Метод исследования: иммунологический, гистологический, статистический.

Результаты: Экстракт Самшит в комплексе с гидрогелем, по сравнению с контрольной группой, не только ускоряет сроки заживления ран, но и позволяет поддерживать высокий уровень фагоцитарного индекса и фагоцитарного числа лейкоцитов, что способствует быстрому очищению ран и скорейшей эпителизации и заживлению. Механизмы действия самшита (*Buxus*) на процесс заживления, вероятно, обусловлены антимикробным действием гуанидина, расширением кровеносных сосудов и нормализацией нарушений микроциркуляции в тканях, улучшением тканевого метаболизма, усилением функции нейтрофильного фагоцитоза и активацией макрофагов, которые напрямую или косвенно влияют на пролиферацию фибробластов и ангиопластов. Лучший ранозаживляющий эффект от применения исследуемых разработанных гидрогелевых пластырей с экстрактом (*Buxus sempervirens* L), наблюдались по сравнению с таковым у животных контрольной группы и группы с использованием гидрогелевой повязки без растительного экстракта ($p = 0,04$). Разработанные гидрогелевые пластыри с экстрактом (*Buxus sempervirens* L) не только ускоряют сроки заживления ран, но и позволяют поддерживать высокий уровень фагоцитарного индекса и фагоцитарного числа лейкоцитов, что способствуют быстрому очищению ран, скорейшей эпителизации и заживлению.

Заключение: На экспериментальной модели полнослойной кожной раны у крыс линии (Wistar) исследована ранозаживляющие активности разработанной формы гидрогеля на основе растительного экстракта (*Buxus Sempervirens* L). Установлено, что у экспериментальных животных накожные аппликации разработанных гидрогелевых пластырей с экстрактом (*Buxus sempervirens* L) способствовали достоверному сокращению продолжительности заживления ран по сравнению с таковой у животных контрольной группы (без лечения) в среднем на 3,5 сутки, а у животных, лечение «гидрогелем» в среднем на 2,98 сутки.

Keywords: *Buxus sempervirens* L, hydrogel, full-layer skin wound, wound healing.

Ключевые слова: *Buxus sempervirens* L, гидрогель, полнослойная кожная рана, ранозаживление.

Введение

Повреждения кожи человека являются одной из патологий, широко распространенных в медицинской практике. По внешнему виду они могут быть различными: механические, термические (ожоги, обморожения), химические (после воздействия щелочей, кислот); язвы, пролежни и другие [1, 2, 3, 4]. Проблема разработки перевязочных материалов с терапевтическим эффектом, способных создать оптимальные условия для заживления ран, является одной из актуальных проблем медицины [5, 6, 7].

В последние годы в медицинской практике все шире используются новые перевязочные материалы, в том числе гидрогелевые композиции. По своим свойствам и характеристикам они могут превосходить традиционно используемые марлевые повязки [8, 9]. Фактически, на сегодняшний день, существует определенное научное поле для изучения эффектов, направленных на разработку перспективных перевязочных материалов с улучшенными свойствами [10, 11]. Реализация данной возможности во многом зависит от наличия у

исследователей адекватных лабораторно-экспериментальных моделей, которые могли бы наглядно продемонстрировать те или иные особенности новых материалов для заживления ран [12, 13, 14].

Целью нашего исследования являлось сравнение ранозаживляющих свойств двух вариантов гидрогеля (Самшит - *Vixus Sempervirens* L. и без него) как между собой, так и в сравнении с традиционно используемым антисептическими компонентами (хлоргексидин).

Материал и методы.

В исследовании экспериментальной модели использовали самок крыс линии Wistar ($n=21$) массой 246 ± 17 г. Исследование одобрено локальным этическим комитетом. Все манипуляции, проводимые с животными, потребовавшие их обезболивания или иммобилизации (защитной камера раны, лигирование, фотографирование, декапитация), проводились под глубоким эфирным наркозом. Животные находились в стандартных условиях вивария Института биохимии биологически активных соединений НАН Беларуси на стандартном рационе питания. Исследование проведено в соответствии с Международными рекомендациями по проведению биомедицинских исследований с использованием животных, принятыми Международным советом научных обществ (CIOMS) в 1985 г., со ст. XI Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации и правилами лабораторной практики.

В качестве перевязочных материалов (для сравнения их свойств) использовались: марлевые диски (марля хлопчатобумажная отбеленная синяя - «Барановичское производственное объединение», Беларусь); гидрогелевая повязка стерильная (ОДО «Радмедтех», Беларусь); гидрогелевая повязка стерильная с добавлением спиртового экстракта Самшита - *Vixus Sempervirens* L. (ГП «Институт биохимии биологически активных соединений НАН Беларуси», Беларусь).

Для выявления особенностей регенерации полнослойных ран кожи (ПСК) под указанными перевязочными материалами была использована модель заживления полнослойного дефекта кожи (ПСД), созданная в межлопаточной области крыс и защищенная камергой, с целью регенерация повреждений преимущественно за счет механизмов сокращения раны и краевой эпидермизации. Согласно данной модели кожу межлопаточной области животных очищали от шерсти, промывали и обрабатывали спиртом. Затем к коже пришивали пластиковую защитную камеру (толщина стенок 1 мм; внутренний диаметр 19 мм), внутри которой путем удаления участка кожи площадью 1 см^2 (вместе с подкожной клетчаткой) создавалась раневая поверхность (РП). Площадь последней составляла $121,5 \pm 20,5 \text{ мм}^2$. Всем экспериментальным животным в первые сутки рану накладывали 4 марлевых диска и сверху накладывали марлевый тампон, защитная камера закрывалась крышкой.

Началовревянок – через 24 часа от начала эксперимента, во время которой удаляли перевязочные материалы. Все раны подвергались фотофиксации – камеру Sony Cybershot; 20,1 мегапикселей). После фотофиксации каждой из групп животных накладывали перевязочный материал:

- марлевые диски и тампон, которые затем ежедневно меняли, РП подвергалась фотофиксации, (группа "контроль"; рис. 1), $n=7$;
- гидрогель без добавления экстракта (группа «гидрогель»; рис. 1, $n=7$) и тампон; через 48 часов производили перевязку ран животных с заменой гидрогеля и тампона, РП подвергалась фотофиксации;
- гидрогель с добавлением экстракта Самшит (группа «Самшит», рис. 1, $n=7$) и тампон; через 48 часов производили перевязку ран животных с заменой гидрогеля и тампона, РП подвергалась фотофиксации.

Рис. 1. Завытие раневой поверхности различными перевязочными материалами (а – раневая поверхность, б – марля, в – нанесенный гидрогелевый компонент, г – нанесенный гидрогелевый компонент с экстрактом).

С помощью полученных макрофотографий и компьютерной программы обработки изображений в течение 13 дней после операции измеряли площадь раны, ограниченную краем неповрежденной кожи. Для количественного описания процесса регенерации (уменьшения размера раны) использовали относительные показатели: за 100% принималась площадь РП, ограниченная краем интактной кожи, какой она была через 1 сутки после создания ПСД. Оценивалась площадь выросшего на ране эпидермиса (измеряли через 7, 9 и 11 суток после создания ПСД), что позволило оценить вклад эпидермизации в процесс заживления. Фиксировали момент наступления полной эпидермизации раны: оценка параметров регенерации ПСД, ее продолжительность и темп (параметр получали путем деления площади раны через 1 сутки после ее создания на продолжительность ее заживления).

Три экспериментальных животных (по одной из каждой группы) были выведены из эксперимента через 9 суток после создания РП для контрольного патоморфологического исследования. Еще трое животных (по одному из каждой группы) были выведены из эксперимента с той же целью через 24 часа после наступления полной эпидермизации. Взятие образцов тканей осуществляли следующим образом: из области РП вырезали прямоугольные фрагменты кожи размером 6×15 мм, ориентированные по сагиттальной линии. Ткани в расправленном состоянии фиксировали в смеси формалин – спирт – уксусная кислота и готовили тканевые блоки в парафине. Получали срезы толщиной 4,5 мкм на микротоме, проходившие по сагиттальной линии относительно тела животного. Срезы окрашивали красителем гематоксилин-эозин, изучали с помощью микроскопа Leica (x200) и делали микрофотографии. Оставшихся животных (по 5 в каждой группе) выводили из эксперимента путем декапитации через 21 день после создания РП (после полной эпидермизации). Кровь животных использовали для оценки иммунологических параметров (фагоцитарный индекс, фагоцитарное число): микроскопа Leica (x900).

Статистическая обработка полученных данных выполнена с помощью программ Excel и Statistica 10.0. Различия показателей ($M \pm m$) между группами животных (непарный t-критерий) считали статистически значимым при $p < 0,05$.

Результаты исследования

Значимыми интегральными показателями, с помощью которых можно оценить качество используемых перевязочных материалов, являются средняя продолжительность заживления РП в каждой группе экспериментальных животных и ее временные интервалы. Из данных, представленных на рисунке 2 видно, что при достаточно близкой средней начальной площади РП в трех группах экспериментальных животных максимальная продолжительность заживления ПСД установлена у животных контрольной группы: достоверно больше, чем в группе «Самшит» и у животных в группе «гидрогель» на 5, 7 и 9 сутки наблюдения. Скорость регенерации повреждений кожи к контролю была самой низкой.

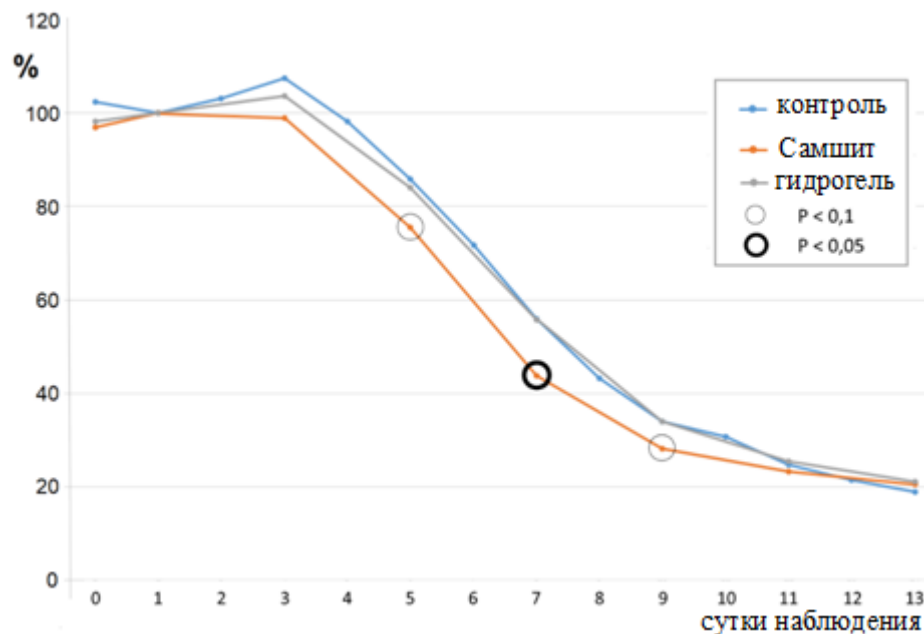

Рис. 2. Динамика изменения площади ПСД (измеренной по краю интактной дермы) у экспериментальных животных. Скорость заживления ран в группе "Самшит" в сравнении с группой "контроль" статистически значима к 7 суткам.

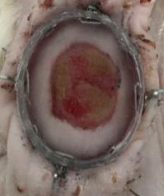
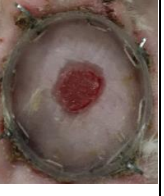
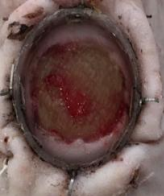
Таким образом, полученные данные показали:

- гидрогелевое покрытие самостоятельно в целом не улучшило условия регенерации механически поврежденной кожи по сравнению с классическим марлевым покрытием и хлоргексидином;
- при добавлении экстракта Самшит гидрогелевый перевязочный материал улучшает заживление кожных ран.

Фотодинамика изменения РП в процессе заживления у экспериментальных животных представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Изменения РП в процессе заживления у экспериментальных животных (заживление ПКР, площадь – мм²)

Группа животных	Средняя площади раны, см ²					
	2-е сутки	4-е сутки	6-е сутки	8-е сутки	10-е сутки	14-е сутки
Контроль						
	2,56±0,16	2,44 ± 0,12	1,81 ± 0,09	1,14 ± 0,09	0,77 ± 0,05	0,02 ± 0,01
Гидрогель						
	2,62 ± 0,15	2,64 ± 0,18	1,93 ± 0,07	1,30 ± 0,06	0,94 ± 0,05	0,02 ± 0,01

Гидрогель с экстрактом Самшит						
	$2,26 \pm 0,05$	$1,83 \pm 0,09$	$1,03 \pm 0,09$	$0,31 \pm 0,08$	$0,01 \pm 0,01$	

Полученные количественные показатели площади заживления ран показали, что на интервале 5-9 суток скорость уменьшения размеров раневой поверхности максимальная в группе животных с использованием разработанного гидрогелевого компонента с экстрактом Самшит: различия статистически достоверны с контрольной группой ($p=0,007$) и группой с использованием одного гидрогелевого компонента ($p=0,005$).

Морфологическое исследование позволило установить определенные изменения. Так, у крыс, раны которых заживали под марлевой повязкой (контроль) в течение 7-8 суток, на месте дефекта наблюдалась развитая грануляционная ткань, насыщенная коллагеновыми волокнами, фибробластами, макрофагами, кровеносными сосудами, некоторым количеством адипоцитов, тучными клетками, нейтрофилами и эозинофилами (рис. 3).

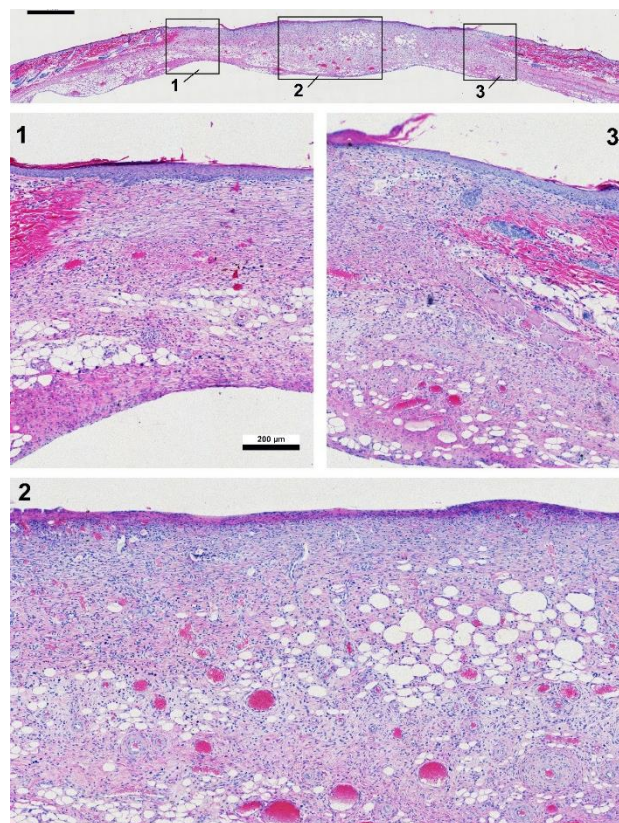

Рис. 3. Гистологическая картина участка кожи (раневая поверхность), сагиттально-вертикальный срез, 8 сутки после создания ПСД. В центре раны имеется развитая грануляционная ткань, покрытая тонким слоем фибрина, на которой по краям визуализирован многослойный эпидермис (прорастает под фибрином). В толще грануляционной ткани имеются фибробласты, макрофаги, тучные клетки, кровеносные сосуды, адипоциты

Стоит отметить, что на поверхности раны имеется тонкий слой фибрина. Под ним, двигаясь от краев раны по поверхности грануляционной ткани, разрастался эпидермис.

У животных экспериментальной модели «гидрогель» и «гидрогель с экстрактом Самшит», общая морфологическая картина была аналогичной, за исключением того, что в толще грануляционной ткани имелись многочисленные участки «полупрозрачного вещества» (рис. 4).

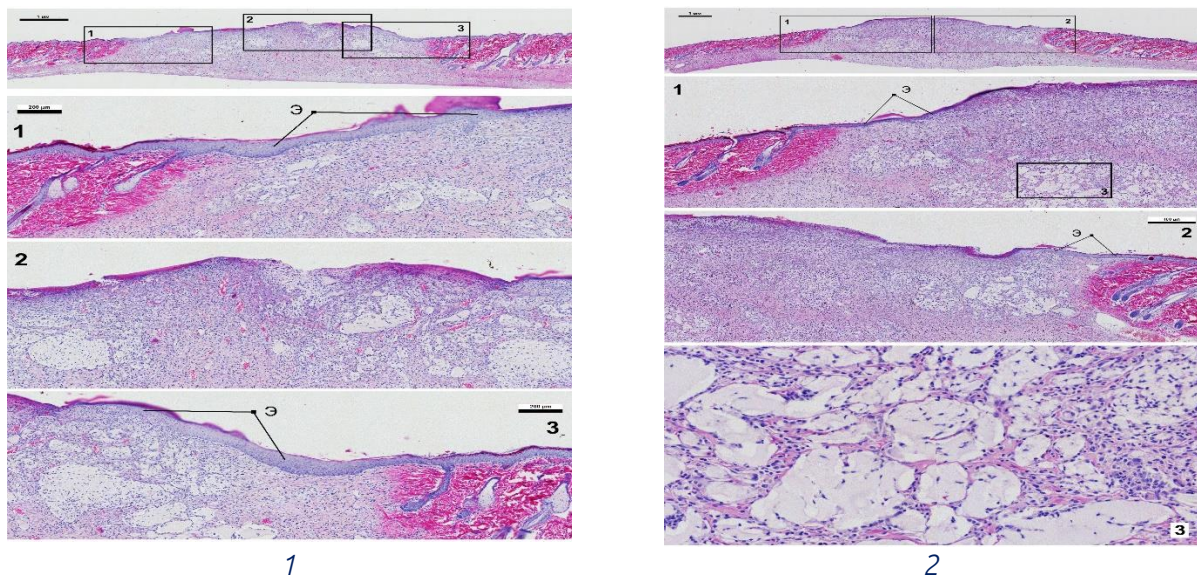

Рис. 4. Морфологическая картина участка кожи (раневая поверхность): видимая на срезе той же направленности через 8 суток после создания ПСД (1 - «гидрогель», в массе грануляционной ткани видны участки полупрозрачного вещества, инфильтрированного преимущественно мононуклеарными клетками, имеется небольшое количество нейтрофильных и эозинофильных гранулоцитов; 2 - гидрогель с экстрактом Самшит, морфологическая картина схожа с группой «гидрогель»

Можно предположить, что участки этого вещества представляют собой небольшие фрагменты (кусочки) гидрогеля, включенные в грануляционную ткань при ее формировании. Гистологические исследования, проведенные у остальных животных подтвердили, что полное заживление ПСР на 10-14 сутки после их создания, обусловлены полной эпидермизацией места бывшего кожного дефекта.

Данные оценки иммунологических параметров крови экспериментальных животных приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Фагоцитарная активность лейкоцитов при заживлении ран

Группа	Время после травмы (ранения)					
	3 сутки		5 сутки		7 сутки	
	ФИ, %	ФЧ	ФИ, %	ФЧ	ФИ, %	ФЧ
Контроль	53,50±1,10	6,0±1,1	81,00±2,21	12,0±2,4	65,10±4,13	12,6±3,0
Гидрогель	60,50±8,39	9,0±2,4	60,01±4,53	14,0±2,7	47,10±5,41	11,1±2,9
Гидрогель с экстрактом Самшит	81,30±1,30	15,0±3,1	88,00±0,41	21,0±2,2	41,10±3,40 ^a	9,1±1,4
Фагоцитарный индекс - ФИ, % фагоцитов, содержащих стафилококк; Фагоцитарное число - ФЧ, среднее количество стафилококка в 1 фагоците						

Экстракт Самшит в комплексе с гидрогелем, по сравнению с контрольной группой, не только ускоряет сроки заживления ран, но и позволяет поддерживать высокий уровень фагоцитарного индекса и фагоцитарного числа лейкоцитов, что способствует быстрому очищению ран и скорейшей эпителизации и заживлению. Механизмы действия самшита (*Víxus*) на процесс заживления, вероятно, обусловлены антимикробным действием гуанидина, расширением кровеносных сосудов и нормализацией нарушений микроциркуляции в тканях, улучшением тканевого метаболизма, усилением функции нейтрофильного фагоцитоза и активацией макрофагов, которые напрямую или косвенно влияют на пролиферацию фибробластов и ангиопластов.

Заключение.

На экспериментальной модели полнослойной кожной раны у крыс линии Wistar исследована ранозаживляющая активность разработанной формы гидрогеля с растительным экстрактом Самшит (*Vixus Sempervirens* L). Предложенный новый перевязочный материал (форма - гидрогель) для лечения и заживления ран, содержащий экстракт самшита (*Vixus*) показал высокую терапевтическую активность на каждом этапе заживления ран: ускоряет процессы заживления ран, усиливает процессы пролиферации клеток и, таким образом, обеспечивает скорейшее полное заживление.

На экспериментальной модели полнослойной кожной раны у крыс линии (Wistar) исследована ранозаживляющие активности разработанной формы гидрогеля на основе растительного экстракта (*Vixus Sempervirens* L). Установлено, что у экспериментальных животных накожные аппликации разработанных гидрогелевых пластырей с экстрактом (*Vixus sempervirens* L) способствовали достоверному сокращению продолжительности заживления ран по сравнению с таковой у животных контрольной группы (без лечения) в среднем на 3,5 сутки, а у животных, лечение «гидрогелем» в среднем на 2,98 сутки.

Механизмы действия экстракта самшита (*Vixus*) на процесс заживления, вероятно, обусловлены антимикробным действием гуанидина, расширением кровеносных сосудов и нормализацией нарушений микроциркуляции в тканях, улучшением тканевого метаболизма, усилением функции нейтрофильного фагоцитоза и активацией макрофагов, которые напрямую или косвенно влияют на пролиферацию и пролиферацию.

Разработана новая форма повязки – гидрогель для лечения и заживления ран, содержащая экстракт самшита (*Vixus*), может быть использована в практике лечения ран, после проведения клинических исследований.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Financing. The study was conducted without financial support.

Conformity with the principles of ethics. The study was approved by the local ethics committee.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование проведено без финансовой поддержки.

Соответствие принципам этики. Исследование одобрено локальным этическим комитетом.

Список использованных источников

1. Абаев, Ю. К. Биология заживления острой и хронической раны / Ю. К. Абаев // Мед. новости. – 2003. – № 6. – С. 3–10.
2. Галимзянов Ф.В. Лечение инфицированных ран и раневой инфекции / Ф.В. Галимзянов // Учебное пособие. Екатеринбург: УГМА, 2012. – С.88
3. Машковский, М. Д. Лекарственные средства / М. Д. Машковский // 16-е изд., перераб., испр. и доп. – М. : Новая волна, 2012. – 1216 с.
4. Regulation of late cornified envelope genes relevant to psoriasis risk by plant-derived cyaniding / H. R. Austin [et al.] // Biochem. Biophys. Res. Commun. – 2014. – Vol. 443, No 4. – P. 1275–1279.
5. Wound healing property of isolated compounds from Boesen bergia kingie rhizomes / T. Sudsai, C. Wattanapiromsakul, S. Tewtrakul // J. Ethnopharmacol. – 2016. – Vol. 184. – P. 42–48.
6. Шубина, В. С. Мишени действия растительных экстрактов при регенерации кожи / В. С. Шубина, Ю. В. Шаталин // Рецепторы и внутриклеточная сигнализация. 2015. – Т. 2. – С. 717–722.
7. Шубина, В. С. Регенерация кожи после химического ожога в присутствии препаратов на основе производных таксифолина / В. С. Шубина, Ю. В. Шаталин // Клеточные технологии в биологии и медицине. – 2012. – № 3. – С. 160–166.
8. Черняков, А. В. Профилактика и лечение патологических рубцов в хирургической практике / А. В. Черняков // Хирургия. – 2017. – № 28. – С. 2063–2068.
9. Wound healing effect of naringin gel in alloxan induced diabetic mice / M. E. Okur [et al.] // Ankara Universitesi Eczacilik Fakultesi Dergisi. – 2020. – Vol. 44, N 3. – P. 397–414.
10. Melittis Melissophyllum – therapeutic opportunities / M. Tomulewicz [et al.] // Collection of articles of the international scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Biochemistry of Biologically Active Compounds of the National Academy of Sciences. 5-6.10.2021. - Grodno. - 2021. - P. 641-646.

11. Selective cholinesterase inhibitors from *Buxus sempervirens* L. and their molecular docking studies / E.I. Orhan [et al.] // *Current computer-aided drug design*, 2011. – 7(4). – p.276-286.
12. Джаббар, М. С. Химический состав растительного экстракта *Buxus sempervirens* L / М. С. Джаббар // *Биохимия и молекулярная биология*. – 2024. – Т. 3, № 1(4). – С. 128–135.
13. Healing of experimental aseptic skin wound under the influence of the wound dressing / S. M. Smotryn [et al.] // *containing silver nanoparticles. Am J Nanotechnol Nanomed.* – 2018. – Vol. 1, No2. – P. 69 - 77.
14. Interleukin-10 reduces scar formation in both animal and human cutaneous wounds: results of two preclinical and phase II randomized control studies / J. Bush [et al.] // *Wound Repair Regen.* May-Jun; 2013.– Vol. 21, No3. – P. 428-36.

References

1. Abaev Yu.K. *Biology of healing of acute and chronic wounds.* Med. news. 2003; 6: 3-10.
2. Galimzyanov FV. *Treatment of infected wounds and wound infection. Study guide.* Ekaterinburg: UGMA, 2012; 88.
3. Mashkovsky MD. *Medicines.* 16th ed., revised, corrected. and additional. – M.: Novaya Volna, 2012; 1216.
4. Austin HR [et al]. Regulation of late cornified envelope genes relevant to psoriasis risk by plant-derived cyaniding. *Biochem. Biophys. Res. Commun.* 2014; 443(4):1275-1279.
5. Sudsai T, Wattanapiromsakul C, Tewtrakul S. Wound healing property of isolated compounds from *Boesen bergia kingie* rhizomes. *J. Ethnopharmacol.* 2016; 184: 42-48.
6. Shubina VS, Shatalin YuV. Targets of plant extracts in skin regeneration. *Receptors and intracellular signaling.* 2015; 2: 717-722.
7. Shubina VS, Shatalin YuV. Skin regeneration after a chemical burn in the presence of drugs based on taxifolin derivatives. *Cellular technologies in biology and medicine.* 2012;(3):160-166.
8. Chernyakov AV. Prevention and treatment of pathological scars in surgical practice. *Surgery.* 2017;(28): 2063-2068.
9. Okur ME [et al]. Wound healing effect of naringin gel in alloxan induced diabetic mice. *Ankara Universitesi Eczacilik Fakultesi Dergisi.* 2020; 44(3):397–414.
10. Tomulewicz M[et al]. *Melittis Melissophyllum – therapeutic opportunities.* Collection of articles of the international scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Biochemistry of Biologically Active Compounds of the National Academy of Sciences. 5-6.10.2021. - Grodno.2021; 641-646.
11. Orhan EI [et al]. Selective cholinesterase inhibitors from *Buxus sempervirens* L. and their molecular docking studies. *Current computer-aided drug design.* 2011; 7(4): 276-286.
12. Jabbar MS. Chemical composition of the plant extract of *Buxus sempervirens* L. *Biochemistry and Molecular Biology.* 2024; 3, 1(4):128-135.
13. Smotryn SM [et al]. Healing of experimental aseptic skin wound under the influence of the wound dressing. *Containing silver nanoparticles. Am J Nanotechnol Nanomed.* 2018; 1(2):69-77.
14. Bush J [et al]. Interleukin-10 reduces scar formation in both animal and human cutaneous wounds: results of two preclinical and phase II randomized control studies. *Wound Repair Regen.* May-Jun; 2013; 21(3):428-36.

Chemical sciences

EXAMPLES OF THE SYNTHESIS OF HETEROCYCLES BASED ON ADAMANTHYL-CONTAINING AMIDOALKYLATING REAGENTS

KlimkoYurii Evgenovich

Ph.D, Ass. prof

National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute"

Kiyv. Ukraine

Koshchii Iryna Volodymyrivna

Ph.D, prof

National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute"

Kiyv. Ukraine

Levandovskii Svyatoslav Ihorovych

student

National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute"

Kiyv. Ukraine

Introduction.

The chemistry of derivatives of nitrogenous heterocycles attracts the attention of chemists, since these compounds are of great scientific and practical importance. They are used in the production of polymeric materials, dyes, drugs, insecticides, herbicides, plant growth regulators.

However, many heterocyclic compounds are difficult to obtain, which limits their scope. Therefore, the search for new regioselective heterocyclizations based on available reagents is highly relevant. These reagents currently include various adamantyl-containing compounds and amidoalkylating agents based on them.

The presence of an adamantyl fragment in the amidoalkylating agents should be especially emphasized. Pharmacologists are well aware that the presence of such a moiety can confer unique pharmacophore properties to compounds.

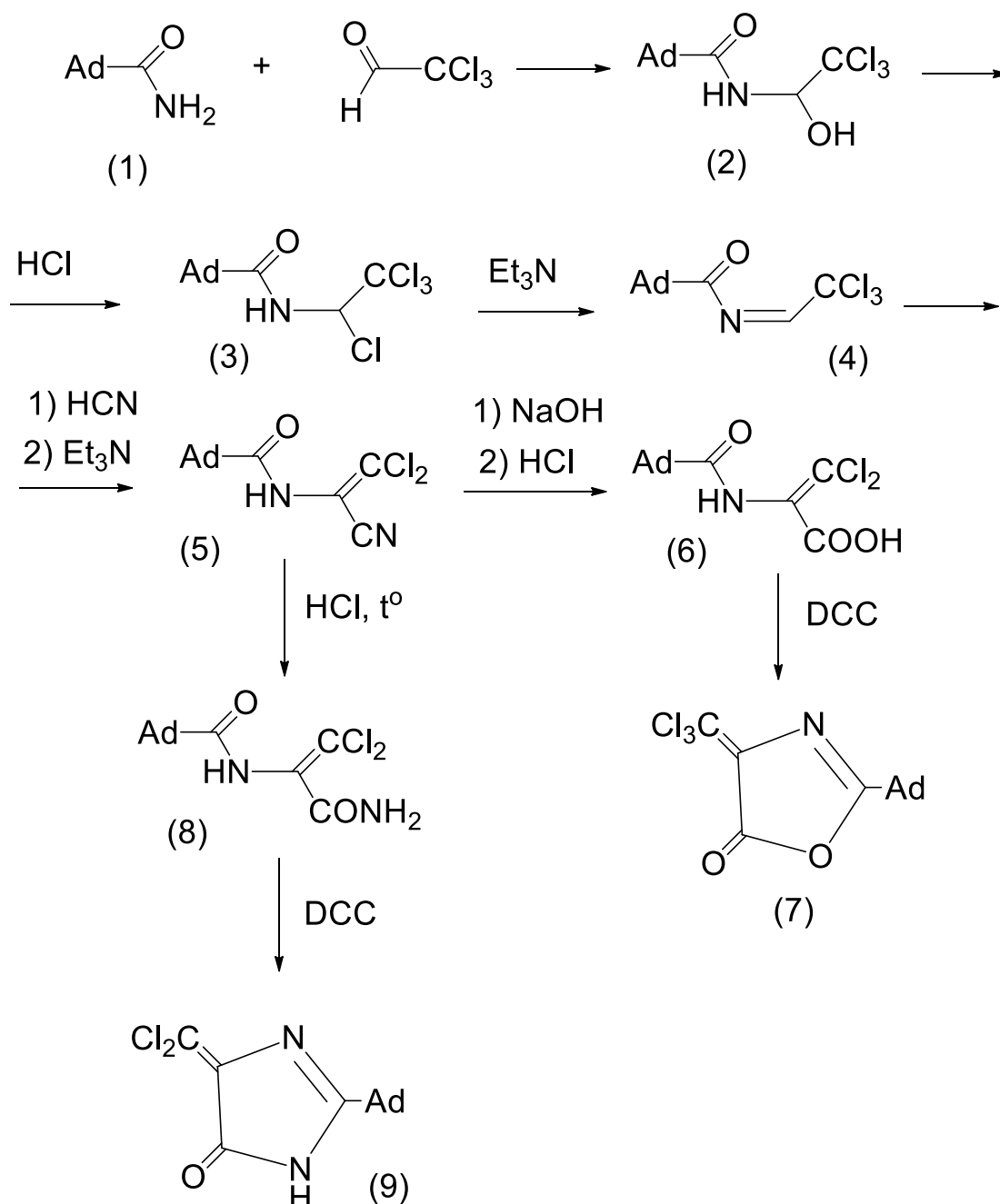
Aim.

This article describes the preparation of some nitrogen-containing heterocycles based on adamantyl-containing amidoalkylating reagents synthesized by us and presented in .

Results and Discussin.

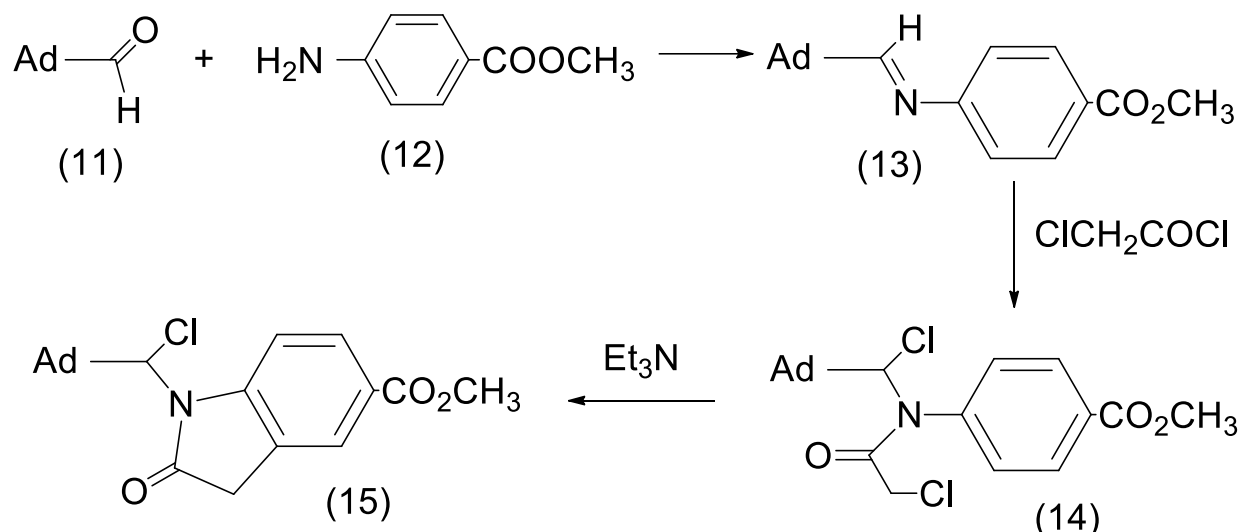
Syntheses were carried out according to standard procedures. Some of them are given in the monograph [1].

The structure of intermediate and final products was established using IR, NMR spectroscopy and MS spectrometry.

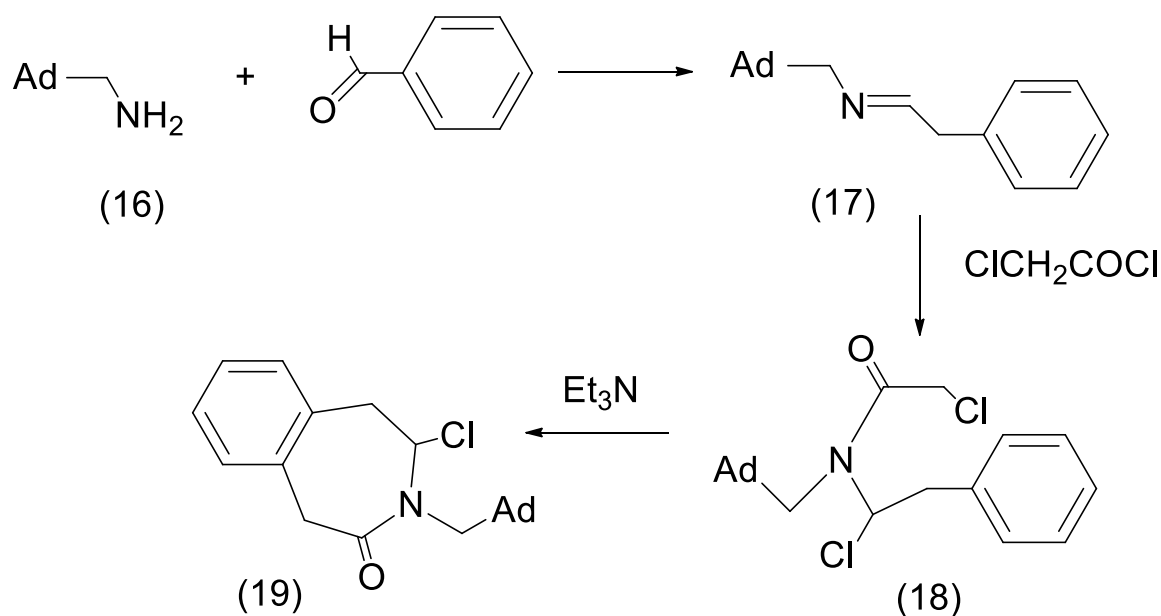

The scheme shows the scheme for the synthesis of imidoalkylating reagents (6) and (8). Treatment of (6) with dicyclohexylcarbodiimide (DCC) in dry chloroform gave oxazolone (7) in 87% yield. Similarly, heterocycle (9) was obtained from amide (8) in 85% yield.

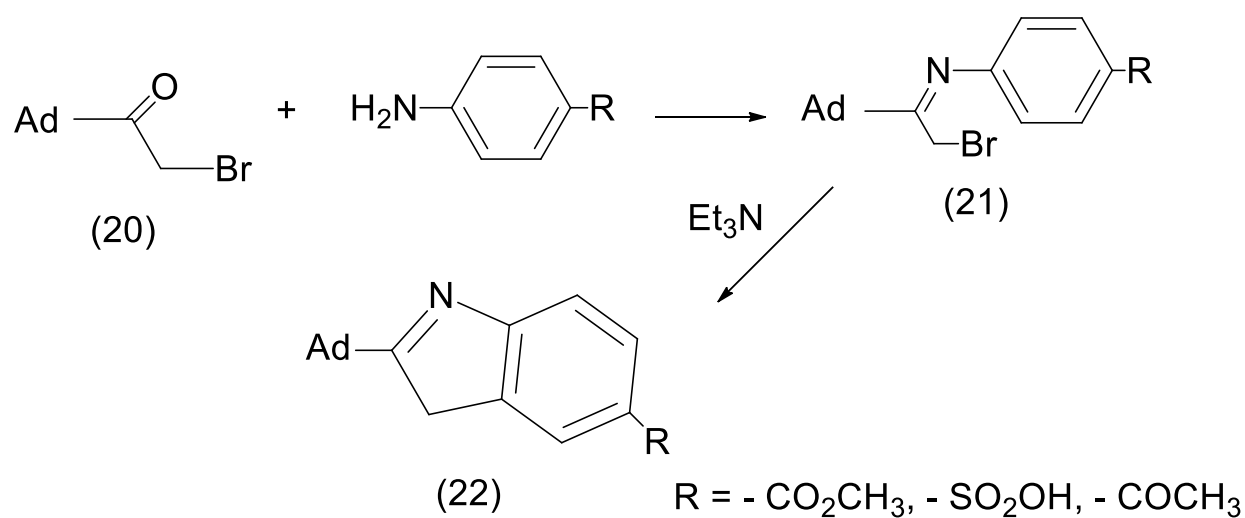
The following scheme shows the synthesis of heterocycle (15) from reagent (14). The concerted alkylation proceeds by refluxing in dry toluene in the presence of an equimolar amount of triethylamine. The yield of product (15) was 91%.

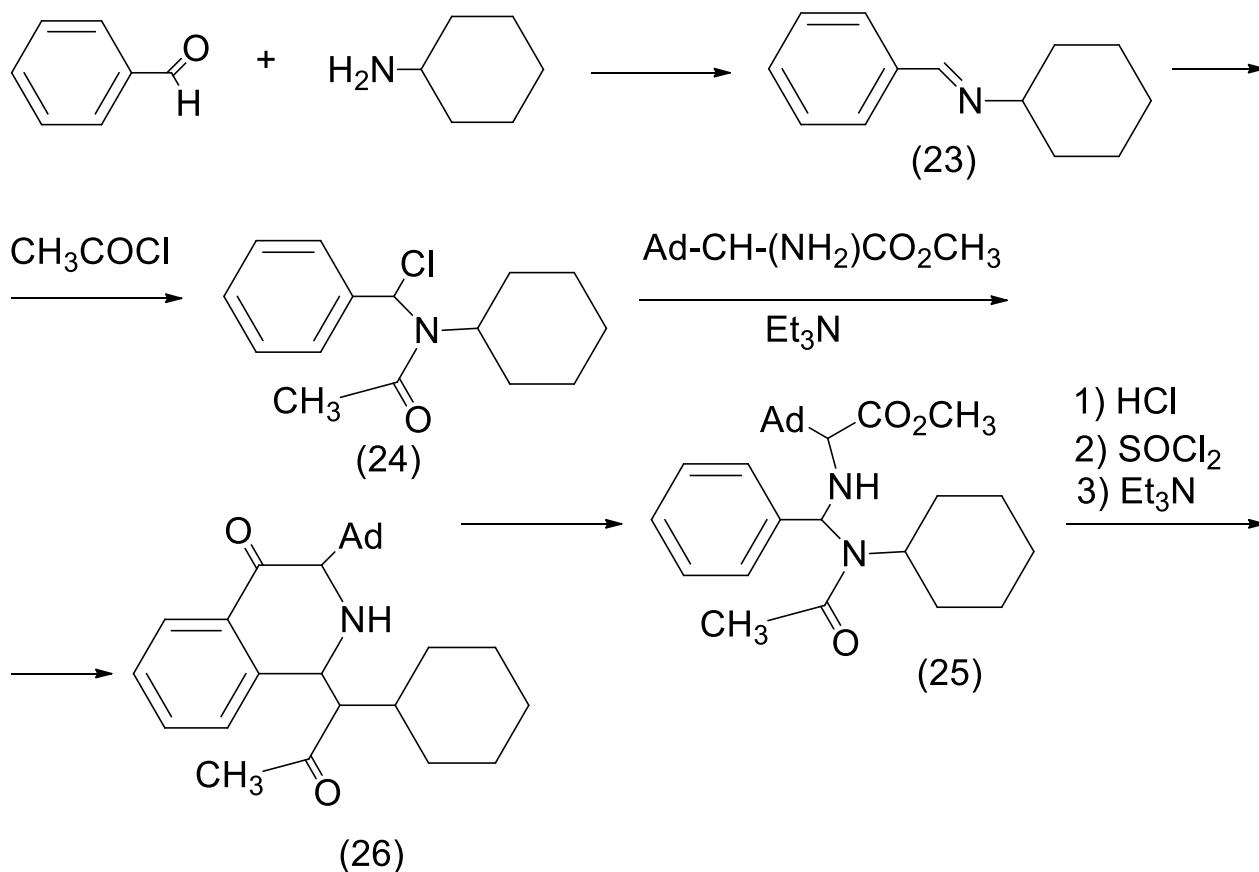
The use of amine (16) and its homologues as components for the preparation of Schiff bases (17) and then the N-acylated precursor (18) made it possible to synthesize seven-membered condensed lactam (19) in 49% yield.

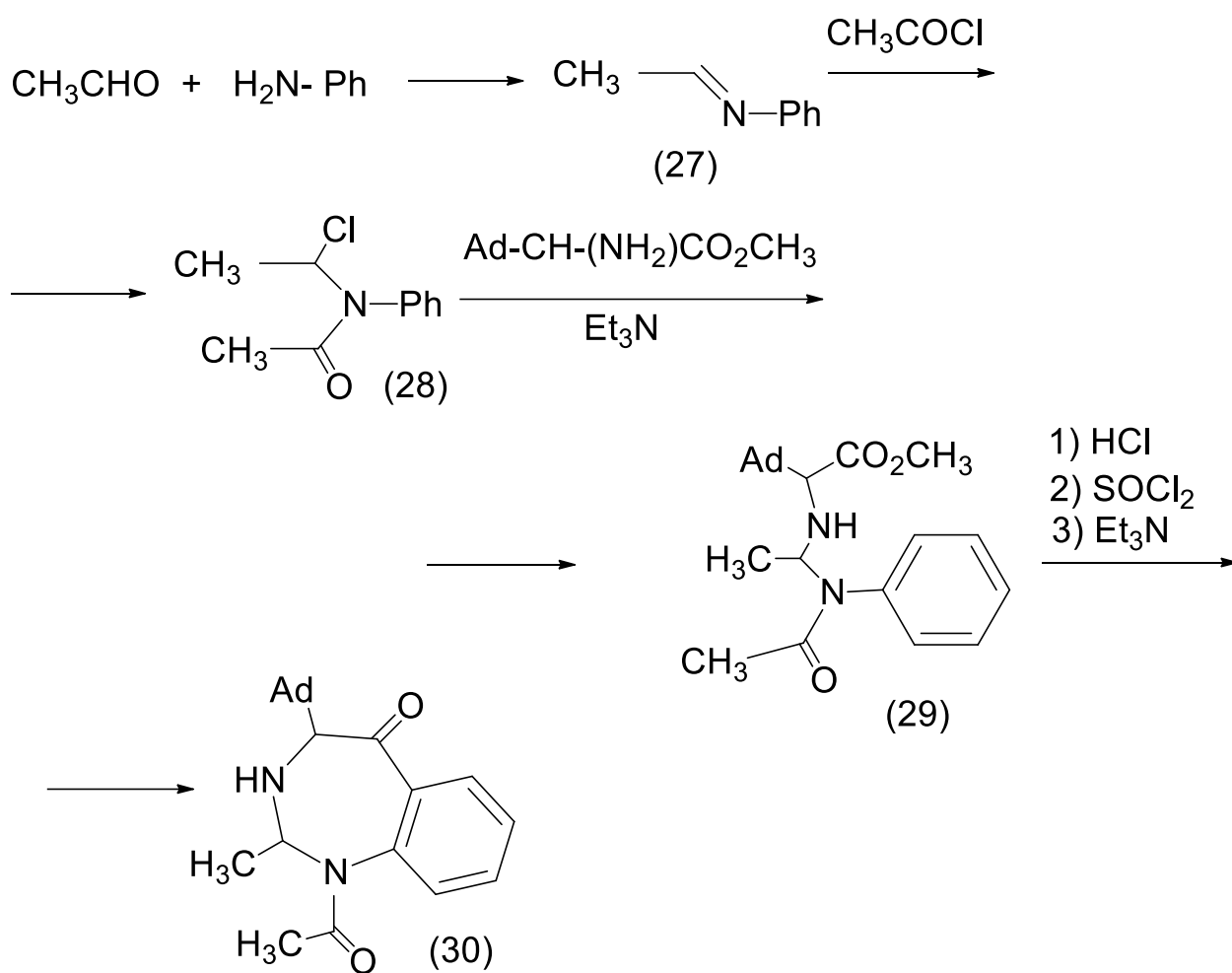

Of particular interest is the Schiff base (21), since it allows one to obtain hard-to-reach heterocycles (22) in one step. The substituents on the parent amine must be electron withdrawing groups to ensure consistent orientation during alkylation. The yields of heterocycles (22), depending on the substituent, were 57%, 63%, and 60%, respectively.

The following two examples show the introduction of the pharmacophore group of 1-adamantylglycine into heterocycles (26) and (30). Yields (26) and (30), however, were mediocre at 39% and 43%, respectively.

References

1. Drach B.S., Brovarets V.S., Smoliy O.B.//Synthesis of nitrogen-containing heterocyclic compounds based on amidoalkylating agents/ Kyiv.: Naukova Dumka, 1992.- 174 p. [Published in Russian].

Cultural sciences

THE ROLE OF FEMALE FISHERMEN IN CURRENT FAMILY LIFE IN SON TRA DISTRICT, DA NANG CITY, VIETNAM.

Nguyễn Thị Hạnh

*in culture, Researcher - Institute of Social Sciences of the Central Region,
Vietnam Academy of Social Sciences, Danang, Vietnam*

Abstract

The article focuses on researching the role of female fishermen in current family life in Son Tra district, Da Nang city, Vietnam. The project uses documents through annual reports on the local socio-economic situation according to the report of the Women's Union of the Executive Committee of Son Tra District. This article studies the role of female fishermen in three wards (Man Thai Ward, Nai Hien Dong Ward and Tho Quang Ward). Combine in-depth interview materials with a variety of ages to collect stories about family life, community life, and how to adapt to the ecological environment where they live. Although the life in river delta of fishing households still faces many difficulties, the role of women has contributed significant values in family life. Through key roles such as women doing housework; performing psychological and emotional functions in the family; role in generating income; role in family decisions.

Keywords: *women, family, coastal fishing, Son Tra District, Da Nang city, Vietnam.*

1. Introduction

In the trend of integration and development, women always affirm their role and position in the development of a country. As the economy develops, women have more opportunities to develop their careers. It broke the rigid gender division of labor, allowing women to participate in the market economy and forcing men to share the responsibility of caring for the family. This eases the burden of housework for women, giving them more leisure time to participate in other social activities. However, in today's society there is still gender inequality, somewhere the ideology of "respecting men over women" and the problem of "domestic violence" are still happening. So, enhancing the role of women, as well as propagating awareness about gender equality for men, is extremely necessary. So that they are properly aware of the position and role of women, especially women in remote, remote and coastal areas. In Vietnam, gender is a new concept, used in the 80s of the last century. This concept has not been recognized at a strategic level. On the one hand, it encourages and requires women to study like men and have the same career opportunities as men; on the other hand, it does not require or encourage women to reduce housework for men to shoulder (Vu Manh Loi, 1991). Although in-depth research on the role of women in households exploiting and trading seafood in Son Tra district, it seems not to have been mentioned much. So the question is what is the role and position of women fishermen today? Is there any difference from the role of women in the context of urbanization?

In the current context of households that exploit seafood, men often go to sea, women stay at home to trade, do housework, and take care of children. However, some shortcomings still exist. Many of them have unstable jobs, low income, and some internal conflicts in family life. However, they still have certain contributions in family life.

2. Research Method

The article uses qualitative research methods, through in-depth interviews as the main method, to collect information and analyze the research problem. Interview subjects were men and women in households trading and exploiting near shore and offshore. Combining the method of synthesizing and analyzing local secondary documents and previous practical research projects, to have a multi-dimensional perspective on the role of women in the family life of the coastal fishing community Son Tra district, Da Nang city, Vietnam.

3. Research Result

3.1. The role of female fishermen in housework

Before discussing the role of women in family life, we first mention the role of wives and mothers in performing housework such as shopping, cooking, and cleaning the house. housekeeping, washing

dishes, teaching, taking care of children and taking care of the elderly in the family. During the survey, we found that there are a few common characteristics such as fisher women in three wards (Tho Quang, Man Thai and Nai Hien Dong ward) are the ones responsible for the main housework. This clearly shows that men mainly go to sea, there are two types of exploitation such as nearshore and offshore. The process of going offshore to fish is divided into 3 steps.

By taking on the main job of "mending nets", we see that all 3 wards (Man Thai, Tho Quang, Nai Hien Dong) of Son Tra district, that is the main task of women before their husbands go to sea and after mining. For fishermen who fish offshore, housework is entirely done by women. From cooking, washing, mending nets, preparing food and fishing gear for their husbands to go to sea, it is considered their unavoidable task. When asked about the husband's share of the woman's daily chores, almost all of them confide such as "Of course, every time the husband goes to the beach for a long time, everything at home is done by me." take care of everything in the house, but now who takes care of me, the husband does his job, I also have to do my own chores, when the sea is rough and he can't go to the beach, he helps me out more. Taking children to school, shopping and cooking are still my main job" (48-year-old female interviewer, Tho Quang ward).

However, for near-shore mining households, there is also help and sharing from the husband, but in general, women are still the main ones in charge of housework. "My husband has been at sea for 20 years now, that's his main job, and when he comes back, he helps out a little, but shopping, cooking, and cleaning the house are my job. Because he's at sea and if I don't work at home, who will do it for me? But after so many years, I'm used to my daily work. Sometimes when I'm tired, I don't complain, because my daily work is faced with dangerous turbulence and he still does it to take care of business. for the family". (female interviewer, 45 years old, Nai Hien Dong ward). This can be clearly seen that, due to the nature of the work of each gender being divided differently, healthy men often cope with the storms of the sea, while women are the weaker sex and take on light jobs. It's easier than staying at home. So, on the one hand, due to the nature of the work of husbands in fishing households, they do not have time to share housework with their wives. On the other hand, gender stereotypes still exist in the mindset of fishermen's families. They believe that men do heavy and dangerous work; The weaker sex takes on the lighter tasks that belong to women. This opinion is similar to the survey results of Nguyen Huu Minh, an expert in women and gender studies. The project "Division of labor between husband and wife in families in the North Central region", surveying 605 people in 6 communes/wards in 2 provinces of Nghe An and Ha Tinh in 2013 said such as "For housework, which is traditionally women's work, the proportion of women responsible for this work is significantly high, accounting for 85%, while men's participation is only about 5% and both spouses only accounts for about 5%" [5]. However, previous research results show that such as The author has studied that husbands in urban families participate in more housework than in rural families despite the difference not big. In addition, the presence of maids in many urban families is a factor that helps reduce the housework of mothers and wives in the family (Le Thai Thi Bang Tam, 2008) [6]. In highly educated couples, the husband also shares more housework with the wife. One of the reasons is that people with higher education have less gender bias in household chores, so they are more willing to participate in housework (Ministry of Culture, Sports and Tourism, and other agencies). 2008) [1]. Thus, it can be seen that depending on urban - rural areas, mountainous - plain areas, coastal areas and factors affecting the division of housework such as qualifications, education, work work and income of husband and wife. Research results show that the division of labor by gender is different. Although, there are differences in the division of labor in the family for each gender. However, from the fieldwork of the project and based on a number of survey results, it has been shown that although currently there is more or less sharing of housework from the husband, due to traditional elements of division of gender-based labor, combining the unique nature of each gender's work, so women in fisherman households still play a crucial role in taking on housework.

3.2. Role in performing psychological and emotional functions in the family

These are issues related to teaching, caring for children, and emotional connections between family members; connecting brothers - relatives and resolving family conflicts. In the past, the view of fishermen households was to give birth to many sons to go to sea to continue their father's traditional profession. So, it is normal for a family to have 5 to 7 children. In their minds, teaching and guiding their children's education is not important. But nowadays, there is a general change in awareness about this issue, people have fewer children and also invest in their children's education more fully than before. When it comes to educating children, the husband's participation is insignificant, but the wife's main role is. "You know, his job is often offshore fishing. He used to go with friends, now he has a boat, but he doesn't have time to stay home, except on stormy days. But then on days when the sea is rough, shipmates

invite us to eat and drink, but he rarely teaches his children to study. At best, he is lucky to take them to school" (39-year-old female interviewer, Tho Quang ward). "My family used to be poor, it was difficult to have enough food to feed the children two days a day, but fortunately my husband and I always advised us to study for the university entrance exam, and not stay at home and pursue a career in the sea like our parents. but not enough to eat. But when my children see their parents struggling, they also try to study. The first child learned a trade, went to work and earned his own income. Now the second oldest child is studying abroad and working, and the younger child is also preparing to learn a trade and follow his sister to a foreign country" (male interviewer, 64, age ward). Tho Quang). Although the wife is mainly responsible for taking care of the children on a daily basis, the perception of children's education has also changed a lot compared to before in fisherman couples. Gradually, they no longer had the idea of advising their children to drop out of school to make a living. Instead, women in coastal areas play an important role in caring for, educating and guiding their children's careers. For connecting relatives, through tasks such as death anniversaries, weddings, and sick visits of paternal and maternal relatives. For the near-shore exploitation and fishing group in Man Thai ward, the rate of participation in domestic and foreign affairs of husband and wife is the same. When the husband is away from home, the wife participates, and when the wife is busy with work, the husband participates. However, in Nai Hien Dong and Tho Quang wards, the more often the man goes offshore fishing, the more his wife participates in work related to relatives. This is also almost similar to the results of the 2006 Vietnam Family Survey. Clan work, a job that carries a heavy ideology of high responsibility for men, has long been associated with the role of a servant. The husband now has the active participation of women. About 56% of this work involves the participation of women, of which about 17% is mainly undertaken by women alone and 39% is responsible for both husband and wife [1]. Besides, resolving conflicts in fishermen's families today is an aspect of concern. Because when researching livelihood issues, income and gender inequality in the North Central coastal fishing community. The results of the authors' quantitative research on the issue of domestic violence in the North Central Coast are as follows: 23.05% and 22.36% of households participating in the survey believe that domestic violence is locally at low and very low levels. More than 37% of households had no opinion when asked about the situation of domestic violence in the locality. The number of households saying that domestic violence in the locality is high and very high accounts for 16.63%. This is not a small number, demonstrating the current situation of domestic violence in coastal localities. In many families, women still suffer physical violence from men and their husbands [5].

Based on the above research results, we also found that, through a number of in-depth interviews with women, as well as male fishermen in 3 wards (Man Thai, Tho Quang and Nai Hien Dong ward) such as "In the past, domestic violence in general in fishermen's households also happened. You know, there are many children, the economy is weak, income from fishing is unstable, there is not enough food, and the husband works in the sea. People often focus on drinking, playing cards, gathering with friends, and when it comes to economics, husband and wife quarrel, talk back, get into fights, and even chase each other. Now the economy is better, adult children earn their own income, domestic violence has decreased a lot and is no longer significant in fisherman households" (60-year-old female interviewer, vice president Women's Association of Nai Hien Dong ward). Another share such as "The husband got angry and beat things, hit and cursed, I couldn't stand him, once, twice, three times and then both sides used force" (55-year-old female interviewer, Man Thai ward). But now, fisherman couples have a different way of looking at this issue, changing their thinking. They participated in "positive discipline" classes - a training program under the World Vision Organization Project (World Vision - a project to protect the rights of women and children). This article combines with the Women's Union of the wards to support women, especially poor, unemployed, and vulnerable groups of women. Positive discipline classes have changed the perception of resolving conflict issues in the family of many women in the association. "In the past, my husband and I often argued loudly with each other. My husband is a shipmate who can work some days, some days he can't. Later, when he got sick, he couldn't work. The family's finances became even more difficult, with many children, I couldn't afford it alone. Many times I could not control my anger, many times my husband and I kept arguing, leading to many conflicts that sometimes reached a climax that could not be resolved, requiring the intervention of the local government. But since I joined the positive discipline class, I seem to feel the change, no longer hot-tempered, no longer nagging and imposing like before." (female interviewer 50, Nai Hien Dong ward). The perception of the mother's role has clearly changed in family life. The husband's perception also changed from the wife's change such as I see that my wife used to spend all day worrying about cooking and yelling at her husband and children, but now she is happy and comfortable..earning income and no longer depends on her husband and children. the husband too (Reporter Male, 55 years old, Tho Quang ward. So, the husband's thinking also changed, no longer

thinking of the wife as a dependent person, but instead sharing, helping, and understanding more than others. So, compared to before, the problem of domestic violence has also decreased a lot. This is easily seen in the role of coastal women in resolving conflicts in the family. Previously, due to their family's economic circumstances, they were not able to go to school and got married early. So, awareness of family and domestic violence is somewhat limited and resolution of family conflict issues is still spontaneous and emotional. Currently, by participating in classes, women know how to control their emotions and raise their awareness about this issue.

3.3. Role in generating income to contribute economically to the family

The fieldwork of the project shows that the income of female fishermen in 3 coastal wards is divided into three main income groups. Women's groups play a role in the seafood trade. When the ship is docked ashore, the woman is responsible for selling wholesale or retail the products her husband brings back from fishing. When asked about their income, they answered, "This maritime profession is very erratic. Going to sea in the right season for the first half of the year still earns income, but during the stormy season from August onwards, there are days when there are days when they don't. A return trip to the sea, excluding fuel, only earns ten million, which is generally there to cover living expenses" (female interviewer, 49 years old, Nai Hien Dong ward). This group's income is unclear, generally depending on the husband's labor, but with the main role as a bridge to consume products made by the husband, they are considered a form of "husband's work". wife". Sharing this view, Mai Huy Bich and Le Thi Kim Lan, when researching the status of women fishermen in some fishing villages in the Central region, the authors concluded that such as "In general, in some types of fisheries exploitation and in some stages of the exploitation cycle, women play an irreplaceable role, such as selling seafood. Women dominate the number of sellers in the seafood market; All men do is carry fish to the market, watch their wives sell, and occasionally add a few sentences. According to one woman, the reason is that men sell very cheaply, so they earn less money from the same amount of seafood than women. Even when a woman is sick and no one in her family sells seafood, she has to hire neighbors to sell and then pay them (about 5,000 VND). That means if women cannot fulfill their role as sellers, their families will suffer financially, and women's role as sellers is irreplaceable"[2]. While families do not have a fishing boat, or the husband goes with friends, the woman's work starts at 4 such as 30 a.m. early in the morning until 11 such as 00 a.m. late at night. Observations at Man Thai beach or Tho Quang fishing port will clearly show that when boats fishing near the shore leave in the afternoon and return in the morning, women have to go to the beach early to buy grouper for the local market to consume. In the evening, they go to the fishing port to wait to buy products from offshore fishing vessels returning to sell wholesale or retail at wholesale markets. Their activities seem to revolve around a day from early morning to late evening, peaking in the early morning and late at night. There is no substitute for living the life of hard-working wives and mothers in coastal areas. "The market is very erratic, sometimes even if I don't work hard every month, I still earn 6 to 7 million VND, enough for my children's education and household expenses" (55-year-old female interviewer, Tho Quang ward). For young women from 25 to 35 years old, the sea fluctuates with the seasons, so they work as workers in industrial parks, processing zones, or as service staff at restaurants and hotels. However, to discuss the role of coastal women in contributing to family income, it will be difficult to determine exact, clear and separate numbers. Sometimes the wife has an equal contribution role with the husband, maybe higher, but due to the nature of their shared work, along with their income depends on the season and weather. In addition to days when the sea is rough and the husband cannot go to sea, they proactively change jobs and look for part-time jobs to cover family life. They actively participate in job search clubs of Women's Union branches of groups and wards. This is also one of the projects of the Vision Organization (World Vision) to create conditions for women in coastal areas with unstable income to have jobs. Organize aid for industrial cleaning tools, assign them to the group's branch leader, act as a focal point to receive labor contracts with companies and organizations such as cleaning construction sites, industrial parks, cleaning hotels, restaurants. "To call on the women in the group to participate, support the women with transportation, the women who know how to ride motorbikes, and the women who do not know how to ride, from the day the women join the labor force, they also have income for the family, while also motivating and creating a happy spirit to share with more disadvantaged women" (60-year-old female interviewer, Head of the Women's Union of Nai Hien Dong ward). If some previous studies assumed that women in coastal areas were completely dependent on their husband's income, now there is a difference. They are completely proactive in finding jobs to contribute to the family economy. This has reduced the rate of economic dependence on her husband.

3.4. Role in decision making

Discussing the family decision-making rights of Da Nang women in general and fisher women in the three wards of Son Tra district in particular, there are many issues to mention. However, within the framework of the topic, we only focus on some main decision-making rights such as the right to manage revenue and expenditure; The right to decide the number of children and the right to name important documents. First is the right to manage income and expenditure in the family. During fieldwork in 3 coastal wards of Son Tra district, we received common answers for all types of fishery women. Although men play a more central role in family income, wives are often considered to be the key players, having the right to decide on income and expenditure issues, such as spending money on daily shopping, spending money on children's education, paying for medical visits, etc. As cited above, in a work 25 years ago, discussing the status of coastal women in the North Central region, the author also affirmed that this was completely true such as "Women don't even have the right to decide on things related to their bodies such as the use of contraceptives (ie not being in control of their own bodies) and the number of children. It is husbands who decide on these matters, and often decide against their wives' wishes. This is the general picture, which is why fisherman families often have many children, some families even have 12 children"[2]. However, currently this research result seems to be in complete contrast with coastal fishing families in Son Tra district. Women have full authority to decide on contraceptive methods and the number of children. Because they believe that having many children does not have the economic conditions to feed them and educate them, and they no longer idealize the importance of having a son to go to sea. So, in today's fisherman family, the number of children is only two to three. As one woman shared, "Actually, my family doesn't care about having a girl or a boy. I gave birth to 3 children, and I also took care of sending them to vocational training to find jobs. Even now, staying at home and staying at the beach doesn't have enough to eat" (female interviewer, 52 years old, Tho Quang ward). "It's up to me to decide how many children I have. He doesn't give birth. If I don't have more children, he has to bear it. It's hard to give birth and raise the children on my own" (female interviewer, 48 years old, Man Thai ward). Thus, compared to before, female fishermen now seem to have full authority to decide on the number of children in the family. Women's voices are more respected, and equality between husband and wife is also promoted more than before. Finally, the right to name important documents such as real estate documents, ship owners' names, and business loans. During in-depth interviews in the research area, we found that the majority of women owned ships, applied for loans, and had the presence of the wife and husband in the real estate documents (formerly, Real estate is mainly in the husband's name). This finding also coincides with the results of recent research by the authors, when studying livelihoods, income and gender inequality in the North Central coastal fishing community. "An interesting thing about fishermen households in coastal areas is that the household's assets are almost always owned by the wife, especially fishing. However, the fact that women are the owners does not necessarily mean that women have equal decision-making rights with men. This is due to the occupational characteristics of households. Men often go to sea and are away from home for long periods of time, so having their wife's name on them will bring many advantages in carrying out administrative procedures related to occupations and means of exploitation" [3]. "Women do not understand mechanical techniques, so they have to depend on men to buy and use motorized boats. This explanation seems to be consistent with the view of some researchers that the norms and values of fishermen come from their professional requirements and the way they have to adapt to the problems of making a living on the river. sea water" (Barfield, 1997, pp. 191-192) quoted by author Mai Huy Bich [5]. Thus, from the results of in-depth interviews of the topic and from the perspective of previous research results, we also noted that, partly due to the specific nature of the profession, fishing households often have to Face the storm to build a life for their family. On the other hand, because some male fishermen are illiterate, their wives apply and sign related administrative paperwork with local authorities. Thereby realizing the importance of river women, not only in their familiar roles in daily life such as housework, shopping, and taking care of children, but also as owners of large assets in the family.

Conclusion

So above are the main roles of female fishermen in Son Tra district, Da Nang city. Research results note that female fishermen have certain contributions in all aspects of family life. Although, coming from a family of pure fishermen, life has to face ups and downs to make a living. Due to the specific nature of the job, as well as the living environment. Women become strong, decisive, resilient, and hard-working to cope with the river environment. If compared to previous research results, they were people with low social status, then now it is completely opposite. They are female fishermen who have an important voice in the family as well as in society.

References

1. Ministry of Culture, Sports and Tourism and other agencies. (2008). *Results of the 2006 Vietnam Family Survey*. Hanoi: Ministry of Culture, Sports and Tourism and UNICEF Vietnam.
2. Mai Huy Bich, Le Thi Kim Lan. (1999). "Status of female fishermen in some fishing villages in the Central region". *Journal of Sociology*, No. 3.
3. Hoang Hong Hiep, Tong Thi Hai Hanh. (2023). "Livelihoods, income and gender inequality in the North Central coastal fishing community". *Proceedings of the Family and Gender Scientific Conference, Conference topic: Building families and promoting gender equality in the Central region: Current status and raised issues, held in Da Nang City, Vietnam*.
4. Vu Manh Loi. (1991). *Differences between men and women in rural families in the Northern Delta*. Social Sciences Publishing House, Hanoi.
5. Nguyen Huu Minh. (2016). "Division of labor between husband and wife in North Central families, some initial observations". *Journal of Social Sciences*, No. 1.
6. Le Thai Thi Bang Tam. (2008). *Division of labor and decision making in the family by Tran Thi Van Anh and Nguyen Huu Minh (Eds.)*. Gender equality in Vietnam. Hanoi: Publishing house. Social science.

Economic sciences

THE STIMULATING SIGNIFICANCE OF TAX POLICY IN THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP IN AZERBAIJAN

Abbasov Fuad
Farzaliyev Vugar

Master,
Azerbaijan University of Technology

AZƏRBAYCANDA SAHİBKARLIĞIN İNKİŞAFINDA VERGİ SİYASƏTİNİN STİMULLAŞDIRICI ƏHƏMİYYƏTİ

Abbasov Fuad
Fərzəliyev Vüqar

magistr
Azərbaycan Texnologiya Universiteti

Abstract

This article analyzes the stimulating role of tax policy in the development of entrepreneurial activity in Azerbaijan. Tax policy, as one of the main means of economic development of the country, has an important impact on improving the business environment and strengthening the non-oil sector of the economy. Tax incentives and reforms reduce the tax burden of entrepreneurs, increase their financial resources, and create conditions for expanding investments. The stability of the state budget and the development of the non-oil sector are the main results of these reforms. Future reforms and improvement of the tax system will provide continuous support to the country's economy.

Xülasə

Bu məqalə Azərbaycanla sahibkarlıq fəaliyyətinin inkişafında vergi siyasətinin stimullaşdırıcı rolunu təhlil edir. Vergi siyasəti ölkənin iqtisadi inkişafının əsas vasitələrindən biri kimi sahibkarlıq mühitinin yaxşılaşdırılmasına və iqtisadiyyatın qeyri-neft sektorunun gücləndirilməsinə mühüm təsir göstərir. Vergi güzəştləri və islahatlar sahibkarların vergi yükünü azaltmaqla onların maliyyə resurslarını artırmaqla yanaşı, sərmayə qoyuluşlarını genişləndirməyə şərait yaradır. Dövlət büdcəsinin dayanıqlılığı və qeyri-neft sektorunun inkişafı bu islahatların əsas nəticələrindəndir. Gələcək islahatlar və vergi sisteminin təkmilləşdirilməsi ölkənin iqtisadiyyatına davamlı dəstək verəcəkdir.

Аннотация

В данной статье анализируется стимулирующая роль налоговой политики в развитии предпринимательской деятельности в Азербайджане. Налоговая политика является одним из основных инструментов для улучшения деловой среды и укрепления ненефтяного сектора экономики. Налоговые льготы и реформы не только снизили налоговое бремя для предпринимателей, но и позволили увеличить финансовые ресурсы, что способствовало дальнейшим инвестициям. Устойчивость государственного бюджета и рост ненефтяного сектора являются основными результатами этих реформ. Будущие реформы и улучшения налоговой системы будут продолжать оказывать поддержку экономике страны.

Keywords: entrepreneurship, tax policy, tax incentives, economic development, non-oil sector, fiscal reforms

Açar sözlər: sahibkarlıq, vergi siyasəti, vergi güzəştləri, iqtisadi inkişaf, qeyri-neft sektoru, fiskal islahatlar

Ключевые слова: предпринимательство, налоговая политика, налоговые льготы, экономическое развитие, ненефтяной сектор, фискальные реформ

Vergi siyasəti hər bir ölkənin iqtisadi idarəetmə mexanizminin əsas elementlərindən biridir və sahibkarlıq fəaliyyətinin stimullaşdırılmasında mühüm rol oynayır. Azərbaycanda vergi siyasəti vasitəsilə sahibkarların fəaliyyəti üçün əlverişli şərait yaradılmış və bu, ölkənin iqtisadiyyatının dayanıqlı inkişafına mühüm töhfə vermişdir. Dövlət tərəfindən həyata keçirilən islahatlar və vergi güzəştləri sahibkarlıq mühitini yaxşılaşdırmağa yönəldilmişdir. Azərbaycanda iqtisadi şaxələndirmə və qeyri-neft sektorunun inkişafı dövlətin əsas iqtisadi prioritetləri sırasına daxildir. Bu məqsədlə vergi siyasətində həyata keçirilən islahatlar, xüsusən də kiçik və orta sahibkarlıq subyektləri üçün tətbiq edilən vergi güzəştləri, iqtisadiyyatda rəqabət qabiliyyətini artırmış və daha çox sərmayə yatırımı üçün şərait yaratmışdır.

Vergi siyasətində həyata keçirilən islahatlar çərçivəsində dövlətin əsas məqsədi sahibkarlıq fəaliyyətinin dəstəklənməsi və genişləndirilməsi olmuşdur. Azərbaycanda dövlət büdcəsi gəlirləri üzrə vergi daxilolmalarının mütləq həcmi 2005-ci ildən etibarən təxminən üç dəfə artmışdır və bu artım sonrakı illərdə də davam etmişdir. 2016-cı il üzrə dövlət büdcəsi gəlirləri proqnozu 16 milyard 822 milyon manat təşkil etsə də, faktiki gəlirlər 17 milyard 501 milyon manata çatmışdır. Bu da dövlətin fiskal siyasətinin uğurunu və iqtisadiyyatın genişlənməsini göstərən vacib göstəricilərdən biridir. Azərbaycan iqtisadiyyatının dayanıqlı inkişafı üçün sahibkarlığın dəstəklənməsi böyük əhəmiyyət kəsb edir və vergi siyasəti bu istiqamətdə əsas vasitələrdən biri kimi çıxış edir. Xüsusilə kənd təsərrüfatı, tikinti və xidmət sektorları üzrə tətbiq edilən vergi güzəştləri bu sahələrin inkişafını təmin etmişdir. 2016-cı ildə sənaye sektoru üzrə vergi daxilolmaları 2 milyard 435 milyon manat təşkil etmişdir, bu da sənayenin iqtisadiyyatda mühüm yer tutduğunu göstərir.

Azərbaycanda sahibkarlıq fəaliyyətinin inkişafı dövlətin iqtisadi şaxələndirmə siyasətinin bir hissəsidir və bu siyasət çərçivəsində vergi güzəştləri sahibkarların maliyyə yükünü əhəmiyyətli dərəcədə azaltmışdır. Məsələn, kənd təsərrüfatı sahəsində fəaliyyət göstərən sahibkarlar uzunmüddətli vergi azadolmalarından faydalanır ki, bu da bu sahənin inkişafını dəstəkləyir. 2016-cı ildə Azərbaycan iqtisadiyyatında qeyri-neft sektoruna yönəldilən investisiyalar ümumi investisiyaların 69%-ni təşkil etmişdir. Bu, dövlətin qeyri-neft sektorunun inkişafına verdiyi diqqəti və vergi siyasətinin bu sahədəki əhəmiyyətini vurğulayır. Qeyri-neft sektorunun güclənməsi, ölkənin valyuta ehtiyatlarının artırılması və beynəlxalq iqtisadi sarsıntılara daha davamlı bir iqtisadi mühitin yaradılması üçün zəruri hesab olunur. 2016-cı ilin sonunda Azərbaycanın valyuta ehtiyatları 37,1 milyard ABŞ dolları səviyyəsinə çatmışdır ki, bu da ölkənin maliyyə sabitliyini təmin edir.

Azərbaycanda sahibkarlığın inkişafında vergi siyasətinin rolu iqtisadi artımı stimullaşdırmaq və dövlət büdcəsinin dayanıqlılığını təmin etmək baxımından mühüm əhəmiyyətə malikdir. Dövlət büdcəsinə vergi və digər daxilolmaların mütləq həcmi 2005-ci ildən 2010-cu ilə qədər üç dəfə, 2014-cü ilə qədər isə təxminən beş dəfə artmışdır. Bu göstəricilər Azərbaycanda vergi siyasətinin iqtisadiyyatın inkişafına olan müsbət təsirini göstərir. Vergi güzəştlərinin sahibkarlıq fəaliyyətinə olan təsiri də əhəmiyyətlidir. Sahibkarlar üçün tətbiq edilən güzəştlər onların vergi öhdəliklərini azaltmaqla yanaşı, əlavə maliyyə resurslarının əldə edilməsinə və daha çox sərmayə yatırımı üçün imkanlar yaradılmasına şərait yaradır. Vergi islahatları ilə dövlət iqtisadiyyatın qeyri-neft sektorunu inkişaf etdirmək və sahibkarlığın rəqabət qabiliyyətini artırmaq üçün geniş imkanlar təmin etmişdir.

Azərbaycanda iqtisadiyyatın diversifikasiyası və qeyri-neft sektorunun gücləndirilməsi məqsədilə həyata keçirilən vergi islahatları, xüsusilə sahibkarlıq fəaliyyətinin stimullaşdırılması baxımından mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Dövlət tərəfindən tətbiq edilən sadələşdirilmiş vergi sistemi kiçik və orta sahibkarlıq subyektlərinin vergi yükünü əhəmiyyətli dərəcədə azaltmışdır ki, bu da onların fəaliyyətlərinin genişləndirilməsinə və bazarda rəqabət qabiliyyətlərinin artırılmasına şərait yaratmışdır. Xüsusilə 2019-cu ildə həyata keçirilən vergi islahatları kiçik sahibkarların vergi dərəcələrinin daha da azalmasına və onların əlavə maliyyə resurslarına çıxış imkanlarının genişlənməsinə səbəb olmuşdur.

Vergi siyasətində həyata keçirilən islahatlar, sahibkarların iqtisadi fəaliyyətlərini stimullaşdırmaq və onların vergi öhdəliklərini daha şəffaf şəkildə yerinə yetirmələrinə imkan yaratmaq məqsədi daşıyır. Dövlətin təqdim etdiyi elektron vergi sistemi və elektron audit xidmətləri sahibkarların vergi prosedurlarını daha asan və şəffaf şəkildə yerinə yetirməsinə imkan verir. Bu islahatlar sahibkarlıq fəaliyyətini daha da genişləndirməyə, yeni investisiyaların cəlb edilməsinə və iqtisadiyyatın rəqabət qabiliyyətinin artırılmasına yönəlmişdir. Rəqəmsallaşmanın genişlənməsi və elektron xidmətlərin tətbiqi vergi siyasətindəki yeniliklərdən biridir və bu yeniliklər sahibkarların fəaliyyətinin şəffaflığını təmin edir.

Azərbaycanda sahibkarlığın inkişafında vergi siyasətinin stimullaşdırıcı rolu müxtəlif istiqamətlərdə özünü göstərir. Sahibkarlar üçün tətbiq edilən vergi güzəştləri onların fəaliyyətlərini genişləndirmək, yeni bazarlara daxil olmaq və daha çox iş yerləri yaratmaq üçün geniş imkanlar təmin

edir. Eyni zamanda, dövlət tərəfindən həyata keçirilən vergi islahatları ölkədə iqtisadi fəallığı artırmaq və qeyri-neft sektorunun inkişafını dəstəkləmək məqsədilə aparılır. Vergi siyasətində tətbiq edilən bu yeniliklər ölkənin iqtisadi şaxələndirilməsini təmin etmək və sahibkarların fəaliyyətlərini daha da genişləndirmək məqsədi daşıyır.

Azərbaycanda vergi siyasətində aparılan islahatlar sahibkarların fəaliyyətini stimullaşdırmaqla yanaşı, onların iqtisadi fəallığını artırmaq üçün geniş imkanlar yaradır. Dövlət tərəfindən həyata keçirilən vergi siyasəti islahatları kiçik və orta sahibkarlıq subyektləri üçün daha geniş fəaliyyət imkanları təmin etmişdir. Sadələşdirilmiş vergi sistemi, vergi yükünün azaldılması və bürokratik maneələrin aradan qaldırılması sahibkarlığın inkişafına təkan vermişdir. Bu, sahibkarların iqtisadi fəaliyyətlərini genişləndirmək və daha çox sərmayə qoyuluşu etmək üçün əlavə imkanlar yaratmışdır.

Vergi siyasətinin sahibkarlıq fəaliyyətinə göstərdiyi müsbət təsir, xüsusilə iqtisadiyyatın qeyri-neft sektorunun inkişafı baxımından əhəmiyyətlidir. Dövlət tərəfindən sahibkarlar üçün təqdim edilən güzəştlər onların iqtisadi fəaliyyətlərini stimullaşdırmaq və bazar rəqabətində daha güclü olmaq üçün geniş imkanlar yaradır. Eyni zamanda, dövlətin təqdim etdiyi geniş maliyyə dəstəyi proqramları və vergi güzəştləri sahibkarların fəaliyyətlərini daha səmərəli şəkildə həyata keçirməsinə şərait yaradır. Bu isə ölkənin iqtisadi inkişafının dayanıqlılığını təmin edir və yeni iş yerlərinin yaradılmasına şərait yaradır.

Vergi siyasətində həyata keçirilən islahatlar, dövlətin iqtisadi inkişafını dəstəkləmək və sahibkarlıq mühitini yaxşılaşdırmaq məqsədi ilə həyata keçirilmişdir. Bu islahatlar çərçivəsində dövlət büdcəsi gəlirləri artmış və sahibkarların vergi yükü əhəmiyyətli dərəcədə azalmışdır. Eyni zamanda, bu islahatlar sahibkarlar üçün yeni investisiya imkanları yaratmış və onların fəaliyyətlərinin genişləndirilməsinə şərait yaratmışdır. Azərbaycan iqtisadiyyatının dayanıqlı inkişafı və sahibkarlıq fəaliyyətinin genişlənməsi məqsədilə vergi siyasətində aparılan bu islahatlar ölkənin iqtisadi gücünü artırmışdır. Gələcəkdə bu sahədə daha çox islahatın həyata keçirilməsi sahibkarlığın inkişafına və iqtisadiyyatın qeyri-neft sektorunun güclənməsinə mühüm töhfələr verəcəkdir.

Nəticə olaraq, Azərbaycanda sahibkarlıq fəaliyyətinin inkişafında vergi siyasətinin stimullaşdırıcı rolu mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Vergi siyasətində həyata keçirilən islahatlar və sahibkarlar üçün tətbiq edilən vergi güzəştləri onların iqtisadi fəallığını artırmaqla yanaşı, ölkənin iqtisadi inkişafına da mühüm töhfə vermişdir. Dövlət tərəfindən həyata keçirilən bu islahatlar sahibkarların fəaliyyətini genişləndirmək və yeni iş yerləri yaratmaq üçün geniş imkanlar təmin etmişdir. Gələcəkdə daha geniş islahatların həyata keçirilməsi və sahibkarlar üçün daha əlverişli vergi mühitinin yaradılması Azərbaycanın iqtisadi inkişafına davamlı dəstək verəcəkdir.

Ədəbiyyat Siyahısı

1. Y.A.Kəlbəyev. "Vergi siyasətinin konseptual əsasları və praktiki aspektləri." Bakı, 2012.
2. İ.Rzayev. "Azərbaycan Respublikasında regionların davamlı sosial-iqtisadi inkişafı: mövcud vəziyyət və gələcək perspektivlər." Bakı, 2010.
3. T.Ə.Sadiqov, İ.M.Rzayev. "Vergi ucotu və auditi." Bakı, 2014.
4. Демчук И.Н. "Налоговый риск: сущность и содержание понятия." Вестник Томского государственного университета, №1, 2010, с. 10-15.
5. Лапуста М.Г. "Риски в предпринимательской деятельности." Москва, ИНФРА-М, 1998, 224 с.
6. Мигунова М.И., Е.А.Цыркинова. "Оценка налоговых рисков." Красноярск, 2005.
7. Шахов В.В. "Введение в страхование." Москва, 1996, 16 с.
8. OECD. "Tax Policy Studies: Tax and the Economy." 2021.
9. Dünya Bankı. "Vergi islahatlarının təsiri." Hesabatlar, 2019.
10. Yusifov C.R. "Azərbaycanın vergi təhlükəsizliyinin milli iqtisadiyyatın rəqabətqabiliyyətliliyində rolu." Azərbaycanın vergi jurnalı, №1, 2013.

INNOVATIVE APPROACH TO SOLVING MORTGAGE LENDING PROBLEMS IN KAZAKHSTAN

Munira Imramziyeva
PhD,

Nazira Gumar
candidate of Economics,
Caspian University

Abstract

The system of lending to the population directly affects the development of any country. Mortgage lending has a complex effect on the development of various sectors in the state economy. As a result of the development of the mortgage lending system, the volume of housing construction increases, industry, agriculture, and the social sphere develop.

Mortgage lending solves socio-economic issues related to the acquisition of housing. In the banking sector, mortgage lending allows solving the problem of long-term financing. Mortgage also serves as an effective means of overcoming instability in society, since it allows providing the population with as much housing as possible. Construction companies consider mortgages as a method of making a profit, because, thanks to mortgage lending, they can sell a larger amount of residential real estate.

The development of mortgage lending promotes the activity of realtors, appraisers and notaries, which has a positive effect on the country's economy. Mortgage loans allow lending banks to receive long-term financing through stable income from mortgage payments. At the same time, mortgages carry minimal credit risk for banks due to the presence of collateral in the form of real estate. In addition, the growth of the mortgage market increases the level of employment and stimulates the development of related industries, such as construction and insurance. Improving the availability of mortgage loans also leads to an improvement in the housing conditions of the population, which in turn contributes to an increase in the overall quality of life and social stability.

Despite the growth in mortgage lending, Kazakhstan has a number of problems in this sector that directly affect efficiency. In the context of instability in financial markets and changes in the economy, mortgage lending plays a key role in attracting investment in the construction sector and improving the affordability of housing. To improve mortgage programs, commercial banks need to conduct a thorough analysis of current credit mechanisms, identify problem areas and develop effective strategies to overcome them. Second-tier banks in the country have a small resource base for issuing mortgage loans, which is due to the lack of access to external sources. Interest rates on mortgage loans in Kazakhstan are significantly higher than in developed European countries by 2-3 times. This increases the level of overpayment for borrowers many times over, limiting the payment demand for mortgages. The constant growth of prices in the real estate market and high inflation make mortgages accessible to a limited circle of the population with sufficient income for the down payment.

The article has been prepared within the implementation of a project funded by the Scientific Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, No. AP14871750, titled "Development of innovative products and services as the basis for improving lending in commercial banks in the context of digitization".

Keywords: banking operations, innovation, innovative approaches, mortgage lending, second-tier banks.

An integral part of the work of banking organizations is credit activity. The level of quality of bank management is shown by how effectively the credit process is organized in a bank. As a rule, many problems that arise in the activities of modern banks are associated with the incorrect organization of credit policy, illegal manipulations in the area of issuing bank loans, as well as the overall economic downturn in the activities of a banking organization.

Today, stagnation processes are observed in the work of credit mechanisms in many banking organizations of the Republic, which negatively affects the activities of banks and the development of the banking sector in the country. One of the most important tasks facing the National Bank of the

Republic of Kazakhstan and all second-tier banks is to create effective mechanisms for ensuring credit policy [1].

As practice shows, today in Kazakhstan the process of forming mortgage lending mechanisms has not been fully completed. In this regard, there are quite a lot of risks in the mortgage lending system that need to be planned for in order to prevent possible economic losses for both banks and borrowers. A mortgage is an effective financial and economic mechanism only when it is beneficial for all its participants. Therefore, in order to increase the economic profitability of a mortgage, it is necessary to create conditions for reducing the interest rate on mortgage loans.

As the analysis of international mortgage lending practice has shown, a mortgage can bring great benefits to the state economy and the solution of the socio-economic problems of the population. A mortgage allows solving the housing problems of citizens, normalizing the social situation in society, and stimulates the initiative of citizens. From a financial point of view, the benefit of a mortgage lies in the effective use of domestic funds in the form of savings of the population [2]. Due to the use of these funds, domestic sectors of the economy are financed, to a greater extent, construction and related areas.

An effective solution to the problems of mortgage risks is their insurance by second-tier banks. The mortgage loan insurance system will provide guarantees to banks in the event of non-repayment of a mortgage loan by the borrower and will stabilize the mortgage lending system as a whole.

Mortgage risk insurance allows you to manage risks, minimizing the incidence of their occurrence. Providing a guarantee for the return of a mortgage loan occupies a key place in the banking sector. Mortgage insurance helps to delimit risks between the subjects of mortgage relations and the policyholder himself, thereby increasing the reliability of the mortgage system as a whole, reducing the size of the down payment when taking out a real estate loan. And this, in turn, will make mortgages more accessible to the population [5].

For further development of the mortgage lending market, it is also necessary to improve the regulatory framework in this area. In the process of improving the legislative framework, it is important to:

- reduce the terms of registration of rights and transactions with real estate;*
- attract investment in the construction sector;*
- ensure the process of quick registration of pools for the purchase of housing;*
- improve the taxation system in the process of registration of mortgage loans;*
- develop a separate Mortgage Lending Code;*

• create effective mechanisms of social protection when evicting citizens from residential premises in the event of foreclosure on mortgaged property [6, p. 101]. When improving the mortgage lending system, it is certainly important to take into account the specifics of the Kazakhstan real estate market. Many citizens of the country are quite pessimistic about mortgages, as they associate them with high interest rates, hidden bank fees and long mortgage loan payments. Providing reliable public information by banks about the mortgage products offered, eliminating hidden fees for banking transactions will make borrowers more optimistic about obtaining a mortgage. Particular attention should be paid to the development of programs with fixed interest rates, which will help borrowers avoid unpleasant surprises in the form of increased monthly payments. It is also important to implement educational programs and consultations that will help citizens better understand the terms of mortgage lending and manage their financial obligations.

As the analysis showed, Kazakhstan has one of the highest mortgage interest rates in comparison with foreign countries. The issue of reducing mortgage interest rates remains open today. There is no direct law that would regulate the procedure for reducing mortgage interest rates yet. In this direction, it seems appropriate to introduce a number of changes to the legislation regarding increasing the powers and responsibilities of the regulator (the body that controls securitization transactions and processes) [3]. This will allow for effective control over mortgage lending processes, reducing risks and, accordingly, the interest rate.

To date, the above proposals are not included in the legislation of the Republic of Kazakhstan. However, these measures can increase transparency not only in the mortgage lending market, but also in the financial markets as a whole, which will also have a positive effect on the development of the economy and the banking sector of the country. The implementation of these measures will improve the investment climate and increase confidence in the country's financial system, helping to attract both local and foreign investors. To increase the availability of the "7-20-25" program, it is necessary to analyze current prices on the real estate market for primary housing by region [4]. Based on the results of the conducted analysis of prices on the real estate market, it is necessary to increase the limits for the

purchase of housing.

Thus, the identified problems and proposed solutions to these problems are summarized in Table 1.

Table 1

Problems and ways to improve mortgage lending in the Republic of Kazakhstan

№	Problem	Possible solutions to the problem in the sphere of mortgage lending
1	2	3
2	Impossibility to purchase real estate under the preferential program "7-20-25" due to the absence of a certificate of commissioning of housing and/or a low cost limit for the acquired real estate, not corresponding to market prices	Based on the results of the analysis of prices on the real estate market, it is necessary to increase the limits on the purchase of housing.
3	The failure of potential borrowers to meet the bank's requirements and the uncertainty of a large portion of borrowers about the stability of their financial situation	Provision by banks of reliable public information about the mortgage products offered, elimination of hidden fees for banking operations. In addition, transparent and accessible information about fees and terms of mortgage lending helps to reduce the possibility of misunderstandings and conflicts between banks and clients.
4	High interest rates and, as a result, large overpayments on mortgage loans in second-tier banks	In this direction, it seems appropriate to introduce a number of changes to the legislation regarding the increase in the powers and responsibilities of the regulator (controlling securitization transactions). This will allow for effective control over mortgage lending processes, reducing risks and, accordingly, the interest rate.
5	Low liquidity of collateral property and the presence of interest and credit risks for the bank	Insurance of second-tier banks' own risks. The mortgage loan insurance system will provide guarantees to banks.
6	The problem of developing and improving the legislative framework in the field of mortgage lending	In the context of improving legislation it is necessary to: • reduce the terms of registration of rights and real estate transactions; • attract investments in the construction sector; • ensure the process of quick registration of pools for the purchase of housing; • improve the taxation system in the process of registration of mortgage loans; • develop a separate Code of Mortgage Lending;
Note: compiled based on data from source [5]		

Thus, the mortgage lending system is the most important mechanism that promotes the socio-economic development of the country. Therefore, special attention should be paid to its improvement. In case of solving the designated problems in the sphere of mortgage lending, further growth of the mortgage market, increase in consumer demand and increase in the provision of housing to the population are expected. It is also important to pay attention to the need to improve the availability of mortgage loans for various social groups, such as young families or people with low income. Support for such categories of the population contributes to the sustainable development of the housing market and an increase in the general welfare of society. These circumstances will undoubtedly have a positive effect on the development of the banking sector, the construction sector, and the socio-economic development of the country as a whole.

References

1. Torgautov B., Zhanabaev A., Tleiken A., Turkilmaz A., Mustafa M., Karacha F. Circular economy: challenges and opportunities in the construction sector of Kazakhstan // *Buildings*. – 2021. – No. 11(501). – P. 51-60.
2. Aitkazy E. "7-20-25" zhane "Nurlyzher" Baspanaly boluga bagyttalghan bagdarlamalar kalay oryndaluda? // *Egemen Kazakhstan*. - 2018. - 9 Tamyz (No. 150).
3. Kachalova N. The present and future of mortgages in Kazakhstan // Newspaper "Kursiv", No. 13. - URL: <https://kz.kursiv.media/2023-04-14/nastoyashhee-i- budushhee-ipoteki-v- kazahstane/> (date of access 29.03.2024).
4. Khaertdinova A., Malyashova A., Gadelshina S. Economic development of the construction industry as a basis for sustainable development of the country // *E3S Web of Conferences*. - 2021. - No. 274 (10021). - P. 5-11.
5. Norouzi M., Shafer M., Cabeza L.F., Jimenez L., Bur D. Circular Economy in Construction: A Scientific Evolutionary Analysis // *Journal of Civil Engineering*. – 2020. – No. 9(12). – P. 44-52.
6. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan // September 23. – 2022. – № 736 «Concept of development of housing and communal infrastructure until 2026».

Geographical sciences

RESEARCH ON THE RECREATIONAL POTENTIAL OF RESERVOIRS IN SHAKHRUR DISTRICT

Etigad. M. Bektashi

senior teacher, Nakhchivan State University, Azerbaijan

Naila. Z. Aliyeva

PhD student,

Nakhchivan State University, Azerbaijan

Aysun.İ.Hüseynova

Laboratory assistant of Nakhchivan State University

ŞƏRUR RAYONUNDA SU ANBARLARININ TURİZM-REKREASIYA POTENSIALININ TƏDQIQI

Etigad. M. Bektashi

baş müəllim, Naxçıvan Dövlət Universiteti, Azərbaycan

Nailə. Z. Əliyeva

PhD tələbəsi,

Naxçıvan Dövlət Universiteti, Azərbaycan

Aysun.İ.Hüseynova

Naxçıvan Dövlət Universitetinin laborantı

Abstract

In recent years, many decrees have been issued by the leadership of the Nakhchivan Autonomous Republic regarding the expansion of the non-oil sector, particularly in the Shakhur district. One of these sectors is tourism, where extensive efforts have been made to develop it within the Autonomous Republic. However, there is still much work to be done to advance all areas of tourism. Natural landmarks, in particular, attract more tourists. Therefore, evaluating the existing reservoirs in the Republic from a tourism and recreation perspective is one of the most pressing issues today. The main objective of this research is to characterize the reservoirs located in the area from a tourism perspective and to scientifically prove their suitability for different tourism sectors. The potential of these reservoirs in areas such as ecotourism, adventure tourism, and recreational tourism can present new opportunities for increasing the use of these resources. Modern assessment of the reservoirs for tourism will contribute to the development of the local economy, the preservation of ecological balance, and the stimulation of tourism activities in the region. This research will also emphasize the importance of natural landmarks in attracting tourists and can play a key role in the future development of broader tourism strategies. Thus, the results of the research will create opportunities for the formation of new approaches to the development of tourism in the Nakhchivan Autonomous Republic and for the more effective use of reservoirs in this context. This will enhance the region's tourism potential and help improve the socio-economic conditions of the local population.

Xülasə

Son illərdə Naxçıvan Muxtar Respublikasında, eləcə də Şərur rayonunda qeyri-neft sektorunun genişləndirilməsi ilə bağlı respublika rəhbərliyinin bir çox fərmanları qəbul edilmişdir. Bu sahələrdən biri də turizm sektorudur ki, onun Muxtar Respublikasında inkişaf etdirilməsi məqsədilə geniş miqyaslı işlər görülmüşdür. Lakin turizmin bütün istiqamətlərinin inkişaf etdirilməsi üçün hələ də çox iş görülməlidir. Xüsusilə təbiət abidələri turistləri daha çox cəlb edir. Buna görə də, respublikada mövcud olan su anbarlarının turizm-rekreasiya cəhətdən qiymətləndirilməsi, bu günün ən aktual problemlərindən biridir.

Bu tədqiqatın əsas məqsədi, ərazidə yerləşən su anbarlarını turizm nöqteyi-nəzərdən xarakterizə etmək, onların fərqli turizm sahələri üçün uyğunluğunu elmi əsaslarla sübut etməkdir. Su anbarlarının ekoturizm, macəra turizmi və istirahət turizmi kimi sahələrdəki potensialı, bu mənbələrin istifadəsinin artırılması üçün yeni imkanlar təqdim edə bilər.

Su anbarlarının turizm üçün müasir cəhətdən qiymətləndirilməsi, yerli iqtisadiyyatın inkişafına, ekoloji tarazlığın qorunmasına və bölgədə turizm fəaliyyətinin stimullaşdırılmasına kömək edəcək. Bu tədqiqat, həmçinin turistlərin diqqətini cəlb etmək üçün təbiət abidələrinin əhəmiyyətini vurğulayaraq, gələcəkdə daha geniş miqyasda turizm strategiyalarının hazırlanmasında əsas rol oynaya bilər.

Beləliklə, tədqiqatın nəticələri, Naxçıvan Muxtar Respublikasında turizmin inkişafına dair yeni yanaşmaların formalaşmasına və su anbarlarının bu kontekstdə daha effektiv istifadə olunmasına imkan yaradacaq. Bu, həm bölgənin turizm potensialını artıracaq, həm də yerli əhalinin sosial-iqtisadi vəziyyətini yaxşılaşdırmağa kömək edəcək.

Keywords: Tourism-recreation, reservoir, Arpaçay, ecotourism, Shakhur district.

Açar sözlər: Turizm-rekreasiya, su anbarı, Arpaçay, ekoturizm, Şərur rayonu

Giriş. Naxçıvan Muxtar Respublikası ərazisində, eyni zamanda Şərur inzibati rayonunda gözəl və səfalı növləri olan çoxlu hidroloji obyektlər mövcuddur ki, bu da turistlərin diqqətini müxtəlif hidroloji və relyef amilləri ilə cəlb edə bilər. Bu hidroloji obyektlər mineral mənbələr, şalələlər, bataqlıqlar və göllərdən ibarətdir. Hər bir hidroloji obyekt fərqli xarakterə və relyefin müxtəlif xüsusiyyətlərinə malikdir.

Bu obyektlər arasında göllər xüsusi yer tutur. Naxçıvan Muxtar Respublikasında olan göllər, onların bənzərsiz gözəlliyi və ekosistemləri ilə tanınır. Bu göllər, yerli flora və faunanın qorunmasında, eləcə də ekoturizm fəaliyyətlərinin inkişafında mühüm rol oynayır.

Bu göllər, həmçinin turizm potensialı baxımından da diqqətəlayiqdir. Onların unikal mənzərələri, ziyarətçilər üçün istirahət və sərfəli vaxt keçirmək imkanı yaradır. Naxçıvan Muxtar Respublikasının hidroloji obyektləri, ətraf mühitin gözəlliyini vurğulamaqla yanaşı, turizm sektoru üçün də yeni imkanlar təqdim edir.

Şərur rayonu, Naxçıvan Muxtar Respublikasının şimal-şərq hissəsində yerləşir. Rayonun fiziki xüsusiyyətləri, onun coğrafi, geoloji, iqlim və hidroloji amilləri özünəməxsusdur. Şərur rayonu, şimalda Ermənistan, qərbdə Türkiyə ilə sərhəddir. Bu, rayona strateji əhəmiyyət verir. Rayon, dağlıq və düzənlik ərazilərdən ibarətdir. Dağlar və təpələr, Şərur rayonunun mərkəzində yerləşir, düzənliklər isə ətrafında mövcuddur. Şərur rayonunda quru və yarımsəhra iqlimi hökm sürür. Yazlar isti və quraq, qışlar isə mülayim soyuq keçir. Rayonun illik yağıntı miqdarı 300-600 mm arasında dəyişir. Yağışlar, əsasən yaz və payız aylarında baş verir. Rayonun ərazisində bir neçə çay axır, bunlar arasında Arpaçay, Şərurçay və digər kiçik çaylar var. Bu çaylar, əkinçilik üçün əhəmiyyətli su resurslarıdır. Aşağı Yaycı və Arpaçay su anbarları, rayonun suvarma sistemlərinin əsasını təşkil edir.

Şərur rayonunun fiziki xüsusiyyətləri, onun kənd təsərrüfatı, iqtisadiyyat və ekoloji vəziyyəti ilə sıx bağlıdır. Rayonun dağlıq və düzənlik əraziləri, su ehtiyatları və iqlim şəraiti, burada yaşayan insanların həyat tərzinə və yerli iqtisadi fəaliyyətə təsir edir. Bu fiziki amillər, Şərur rayonunun inkişafında və resurslarının idarə olunmasında mühüm rol oynayır.

Arpaçay su anbarının mövcudluğu və fəaliyyəti, regional su təchizatı və kənd təsərrüfatının inkişafı baxımından müasir dövrdə xüsusilə aktuallıq kəsb edir. Su resurslarının səmərəli istifadəsi, global iqlim dəyişiklikləri, su ehtiyatlarının azalması və əkinçilikdə suvarma sistemlərinin optimallaşdırılması kimi məsələlər, bu su anbarının əhəmiyyətini daha da artırır.

Ermənistan ərazisində Arpaçayın istifadəsi nəticəsində su tutumunun azalması, transsərhəd su münaqişələrinin yaranmasına səbəb olmuşdur. Bu, yalnız yerli əhalinin suya olan tələbatını deyil, həm də əkinçilik məhsuldarlığını təsir edir. Belə bir kontekstdə Arpaçay su anbarının resurslarının düzgün idarə edilməsi, həm regionda sosial-iqtisadi inkişafın təmin edilməsi, həm də ekoloji tarazlığın qorunması üçün mühüm əhəmiyyət daşıyır.

Eyni zamanda, su anbarının ekosistemə təsiri, hidroloji və hidrogeoloji şəraitin dəyişməsi, su keyfiyyəti və bioloji müxtəlifliyin qorunması məsələləri də müzakirə olunur. Bu baxımdan, Arpaçay su anbarının tədqiqi, yalnız yerli və regional miqyasda deyil, eyni zamanda global su resursları idarəçiliyi kontekstində də əhəmiyyətli bir mövzudur. Bu səbəbdən, Arpaçay su anbarının idarə olunması və onun müasir dövrdəki rolu, tədqiqatların və müzakirələrin aktual sahəsi olaraq qalmaqdadır.

Şəkil 1. Arpaçay su anbarı

Arpaçay su anbarı, Dəvəölən bölgəsində, Arpaçayın gətirmə konusundan bir neçə kilometr yuxarıda, Dərələyəz dağlarının kan-yonvari dərəsi üzərində yerləşir. Okean səviyyəsindən 910 metr hündürlükdə olan bu su anbarı, 30,000 hektar sahənin suvarılmasını təmin etmək məqsədilə tikilmişdir. Anbarın tam həcmi 150 milyon m³, faydalı su tutumu isə 135 milyon m³-dür. Su anbarının sahəsi 2,6 ilə 6 km² arasında dəyişir.

Son dövrlərdə Arpaçayın suyunun Ermənistanda istifadəsi, su tutumunun azalmasına səbəb olmuşdur. Anbarın bəndinin hündürlüyü 69 m, uzunluğu isə 9,2 km-dir. Ermənistanda qalan 1,5 km-lik hissəsi çay gətirmələri nəticəsində tam dolmuş, bu proses Azərbaycanın hissəsində də davam etməkdədir. Bəndin tikilməsi sayəsində Arpaçay üzərindəki asılı maddələrin və çay gətirmələrinin Araz çayına daxil olmasının qarşısı alınmışdır. Bu, sel hadisələrinin dağıdıcı təsirini ləğv etmiş, Arpaçay deltasının hidrogeoloji şəraitini dəyişmiş və Araz çayının rejimində əsaslı dəyişikliklərə səbəb olmuşdur.

Arpaçay su anbarını üç fərqli sahəyə bölmək mümkündür. Yaz dövründə qarların aktiv əridilməsi və yağışların tez-tez baş verməsi səbəbindən anbarın yuxarı hissəsi minimal şəffaflığa, maksimum lillənməyə məruz qalır. Bu dövrdə platina ilə yuxarı zona arasında yerləşən keçid zonasının mexaniki və kimyəvi su tərkibi, yuxarı zonanın xüsusiyyətlərini təkrarlayır. Avqust-sentyabr aylarında isə keçid zona aşağı platina zonasının xüsusiyyətlərini daşıyır. Tədqiqatlar nəticəsində şəffaflıq bənd zonasında 160 sm, keçid zonasında 180 sm olmuşdur.

Anbarın güzgüsü maksimum səviyyə zamanı okean səviyyəsindən 969 m hündürlükdə yerləşir. Bu zaman onun sahəsi 7,15 km², tutumu isə 180 milyon m³-ə çatır. Faydalı su tutumu 150 milyon m³-dür. Su anbarının bəndinin hündürlüyü 69 metr, uzunluğu 480 metr, ən yuxarı hissədə eni 10 metrdir. Bəndin mərkəzi hissəsi 81 metr hündürlüyə malik dəmir-beton konstruksiyadan ibarətdir.

Arpaçay su anbarında, təqribən 1 km çay mənsəbinə doğru Aşağı Yaycı su paylayıcı hidrotexniki qurğu tikilmişdir. Bu qurğunun tam su tutumu 74,5 milyon m³, faydalı tutumu isə 70,0 milyon m³-dür. Bəndin hündürlüyü 35 metrdir. Sulu dövrdə maksimum səviyyə 887,5 metr hündürlükdə yerləşir və bu zaman su güz-güzünün sahəsi 460 hektardır. Bu su anbarı, suvarma sistemlərinin əsas hissəsini təşkil edir.

Su paylayıcı kanallar, yəni magistral kanallar bu su anbarından başlamaqla Arpaçay su anbarından ayrılan suvarma suyunu sağ və sol kanallarına ötürür. Həmçinin, üzərində nasos stansiyaları da qurulmuşdur. Bu nasos stansiyaları, Şəhur, Kəngərli və Sədərək düzlərinin minlərlə hektar əkin sahələrini su ilə təmin edir. Nasos stansiyaları ilə suvarılan əkin yerlərinin ümumi sahəsi isə 3923 hektara bərabərdir.

Arpaçay su anbarı, regional su təminatı, kənd təsərrüfatının inkişafı və ekologiyanın qorunması baxımından əhəmiyyətli bir rol oynayır. Bu su anbarının effektiv istifadəsi, suvarma sistemlərinin davamlılığını və məhsuldarlığını artırmağa imkan tanıyır.

Arpaçay Su Anbarı, yerləşdiyi mövqeyə görə, həm də gözəl mənzərəyə malikdir. Su anbarının qərb hissəsi dağ yamacları ilə sərhəddir, əks tərəfdən isə Arpaçay boyunca uzanan kəndlərə avtomobil yolu ilə bağlantı vardır. Bu xüsusiyyətlər, bölgədə müxtəlif turizm növlərinin inkişafı üçün əla imkanlar yaradır.

Ən diqqətçəkən cəhət isə, su anbarının qərb hissəsi boyunca uzanan yüksək dağ yamaclarının, günün müəyyən hissəsində Günəş şüalarının qarşısını kəsərək qızmar yay günlərində ətrafa təbii sərinlik bəxş etməsidir. Bu, ziyarətçilər üçün rahat və sərfəli bir istirahət mühiti yaradır.

Nəticə etibarilə, Arpaçay Su Anbarı yalnız irrigasiya məqsədilə deyil, həm də turizm potensialı baxımından diqqət çəkir. Bu cür təbii gözəlliklər, bölgənin turizm inkişafına müsbət təsir göstərə bilər.

Aşağı Yaycı su anbarı, Arpaçay su anbarından yuxarıda su təminatı funksiyasını yerinə yetirmək məqsədilə tikilmişdir. Anbarın tam tutumu 74,5 milyon m³, faydalı tutumu isə 80 milyon m³-dür. Bəndin hündürlüyü 35 metrdir. Bu su anbarı, suvarma sistemlərinin əsas hissəsini təşkil edir.

Şəkil 2. Aşağı Yaycı su anbarı

Su paylayıcı kanallar, yəni magistral kanallar, bu su anbarından başlayaraq Arpaçay su anbarının suvarma məqsədilə ayrılan suyunu sağ və sol kanallara ötürür. Eyni zamanda, bu anbarın ətrafında nasos stansiyaları da qurulmuşdur.

Nasos stansiyaları Şərur və Kəngərli bölgələrində minlərlə hektar əkin sahələrini suvaran suvarma kanalları ilə yanaşı fəaliyyət göstərir. Bu nasos stansiyaları ilə suvarılan əkin sahələrinin ümumi sahəsi 3923 hektara bərabərdir.

Aşağı Yaycı su anbarı ilə əlaqədar olaraq, Arpaçay suvarma sistemləri kanalları ətrafında 20-yə yaxın stasionar nasos stansiyaları mövcuddur. Bu nasos stansiyaları müxtəlif güclərdə fəaliyyət göstərir və su varma qabiliyyəti ilə seçilir.

Yuxarı Sovxoz, Şərur və Sol kanallarının ətrafında yerləşən nasos stansiyaları və onların texniki vəziyyətləri ilə bağlı məlumatlar cədvəldə ətraflı verilmişdir. Cədvəldə göstərilən kimi, bu nasos stansiyaları Arpaçay suvarma sistemlərinin magistral kanallarının tərkibinə daxildir.

irrigasiya sistemlərində istifadəyə dair qaydalara riayət edərək suvarma işlərini yaxşılaşdırmaq, suvarılan sahələrin meliorativ vəziyyətini yüksəltmək vacibdir. Meliorativ vəziyyəti yaxşı olmayan torpaqlarda suyun hesabı aparılmalı, sudan səmərəli istifadə olunması təmin edilməli, yeraltı suların səviyyəsi və mineralizasiya müəmmədi olaraq izlənməlidir. Bu, şoran torpaqlardan daha məhsuldar sahələr yaratmaq üçün şərait yaratmağı məqsəd qoyur.

Naxçıvan MR-in Araz ətrafında su sərfi modulu 1 l/san/km²-dir. Ancaq yağışlı dövrdə suvarılan sahələrin suya olan tələbatının 50-60%-i ödənilir. Bu vəziyyət, torpaq resurslarının effektiv idarə olunmasının vacibliyini ortaya qoyur. Su çatışmazlığı problemini həll etmək üçün son illərdə respublikada bütün inzibati rayonlarda su rejimi tənzimlənmiş, bir sıra su anbarları inşa edilmişdir. Bu su anbarlarından çıxan magistral kanalların tikilməsi nəticəsində suvarılan sahələrin sayı son beş ildə 47,8 min hektardan 51,2 min hektara qədər artmışdır.

Aşağı Yaycı su anbarı, regional suvarma sistemlərinin səmərəli idarə olunmasında və kənd təsərrüfatının inkişafında mühüm rol oynayır. Suvarma sistemlərinin optimallaşdırılması, həm torpaq məhsuldarlığını artırır, həm də su resurslarının mühafizəsinə imkan tanıyır.

Şurur rayonu ərazisində yerləşən su anbarları, xüsusilə Arpaçay və Aşağı Yaycı su anbarları, Naxçıvan Muxtar Respublikasında yerləşən və öz bənzərsiz təbiəti ilə turistlərin diqqətini cəlb edən hidroloji obyektlər olaraq, geniş turizm imkanları təqdim edir. Su anbarlarının mühitinin gözəlliyi, ekosisteminin zənginliyi və ətrafdakı dağların mənzərəsi, ziyarətçilər üçün unikal bir təcrübə təmin edir.

Arpaçay və Aşağı Yaycı su anbarları, su idmanları üçün mükəmməl bir məkandır. Üzgüçülük, kanoe, kayak və sörf kimi su idmanlarının inkişaf etdirilməsi, ziyarətçilərin aktiv istirahət etməsi üçün əlverişli şərait yaradır. Bu cür fəaliyyətlər, turistlərin anbarlarının gözəl mənzərələrini kəşf edərək, eyni zamanda sağlamlıqlarını qorumaq imkanını təqdim edir.

Su anbarları ətrafında yerləşən təbiət abidələri və müxtəlif bitki örtüyü, ekoturizm üçün ideal şərait yaradır. Turistlər, burada yerli flora və faunanı araşdıraraq, ekosistemlə yaxından tanış ola bilərlər. Bu, həm də təbiətə marağı olan ziyarətçilər üçün əla bir fürsətdir.

Arpaçay və Aşağı Yaycı su anbarları, sakit mühiti və gözəl mənzərələri ilə istirahət mərkəzi kimi istifadə edilə bilər. Burada günəş vannaları qəbul etmək, pikniklər təşkil etmək və açıq hava fəaliyyətləri həyata keçirmək mümkündür. Su anbarının yaxınlığında balneoloji xidmətlər təqdim edən müəssisələrin yaradılması, turistlər üçün əlavə cəlbedicilik təmin edə bilər.

Su anbarlarının ətrafında tarixi və mədəni abidələr mövcuddur. Turistlər üçün bu abidələrə ekskursiyalar təşkil edilərək, bölgənin tarixi, mədəniyyəti və adət-ənənələri haqqında məlumat verilməsi mümkündür. Bu, həmçinin yerli mədəniyyətin tanınması baxımından da əhəmiyyətlidir.

Arpaçay su anbarının suyu, mineral tərkibi ilə diqqət çəkir. Bu suyun müalicəvi xüsusiyyətləri varsa, onu terapevtik məqsədlər üçün istifadə etməklə, balneoloji turizmin inkişafına da böyük töhfə verə bilər.

Rayonda yerləşən su anbarları, həm ekoturizm, həm də su idmanları baxımından geniş imkanlar təqdim edir. Bu turizm fəaliyyətlərinin inkişaf etdirilməsi, yerli iqtisadiyyatın canlanmasına, bölgənin tanınmasına və ekoloji tarazlığın qorunmasına kömək edəcək. Beləliklə, Arpaçay su anbarı həm ekoturizm, həm də istirahət turizmi baxımından böyük potensiala malikdir və bu cür fəaliyyətlərin həyata keçirilməsi bu bölgənin həm turistlər üçün cəlbedici bir məkana çevrilməsinə həm də yerli iqtisadiyyatı canlandırmağa kömək edəcək.

References

1. Atlas of the Azerbaijan SSR. Baku-Moscow, 1963.
2. Bababəyli N.S., Qurbanov Ə.K., Məmmədova Y.F. Unexplored Lakes of Salvard. Works of the Azerbaijan Geography Society. Volume X.
3. Zamanov X.C. Water Balance of the Lakes and Reservoirs of the Lesser Caucasus. Baku, Elm, 1969.
4. İmanov F.Ə. River Flow. Baku, BDU Publishing, 2002.
5. Annual Bulletin and Reports of the Melioration and Water Management Agency.
6. Mirzəyev P.S. Agroclimatic Characteristics of the Nakhchivan ASSR. Baku, Elm, 1972.
7. Məmmədov M. Hydrology of Azerbaijan. Baku, 2002.
8. Məmmədova F. Chemical Composition of Water Sources in Nakhchivan AR. Study of the History, Material and Spiritual Culture, and Natural Resources of Nakhchivan. Baku, Elm, 2004.
9. Əsgərov C.F. Vaykhir Reservoir. Study of the History, Material and Spiritual Culture, and Natural Resources of Nakhchivan. Baku, Elm, 2004.

10. Qurbanov Ə., Mustafayeva N., Bababəyli N., Bəkirova M. *Ecogeographical Features of the Arpaçay Reservoir. Scientific Works of NDU, 2013, No. 1 (49).*
11. Qurbanov Ə., Humeyra Kul., Abduləzizova N. *Ecogeographical Conditions of the "Araz Water Junction" Reservoir. Scientific Works of NDU, 2013, No. 1 (49).*
12. Bababəyli N., Qurbanov Ə., Bababəyli Y. *Some Hydrological Characteristics of the Nakhchivanchay. Scientific Works of NDU, 2015, No. 7 (72).*

Medical sciences

UDC: 616.33-006.6-092/-073/-071

MULTIFACTORIAL ANALYSIS OF ETIO-PATHOGENETIC ASPECTS AND CLINICAL-DIAGNOSTIC APPROACHES IN STOMACH CANCER

Arman Khozhayev

Professor of the Department of Oncology named after S.N. Nugmanov, Asfendiyarov Kazakh National Medical University, Almaty, Kazakhstan

Aigul Sariyeva

*Oncologist-Chemotherapist,
Regional Oncological Dispensary, West Kazakhstan region,
Uralsk, Kazakhstan*

Ruslan Saidenov

*Oncologist-Surgeon,
Regional Oncological Dispensary, West Kazakhstan region,
Uralsk, Kazakhstan*

Kul Mukhammed Abdugaliyev

*Head of the Clinical and Diagnostic Department,
Regional Oncological Dispensary, West Kazakhstan region,
Uralsk, Kazakhstan*

Petr Sebelev

*Anesthesiologist-Resuscitator,
Regional Oncological Dispensary, West Kazakhstan region,
Uralsk, Kazakhstan*

Yessenbek Agaibayev

*Oncologist-Surgeon,
Regional Oncological Dispensary, West Kazakhstan region,
Uralsk, Kazakhstan*

Dmitriy Bessonov

*Anesthesiologist-Resuscitator,
Regional Oncological Dispensary, West Kazakhstan region,
Uralsk, Kazakhstan*

Asmir Medetov

*Oncologist-Surgeon,
Regional Oncological Dispensary, West Kazakhstan region,
Uralsk, Kazakhstan*

Abstract

This scientific and analytical work presents modern global and local-regional data on incidence, mortality, lethality and five-year survival rate of such a common oncological pathology as stomach cancer. The issues related to risk factors, etiopathogenesis, peculiarities of spread and clinical manifestations, as well as measures for the prevention of this formidable disease are covered in detail. The epidemiological characteristics of this nosological form of malignant neoplasms in our republic in the context of the regions of the country are given.

Keywords: *oncology, stomach cancer, risk factors, etiopathogenesis, epidemiology, incidence, mortality, lethality, five-year survival rate, prevention, prognosis.*

Stomach cancer (SC) is a multifactorial disease. Despite a decline in incidence and mortality during the last decades, SC is one of the main health challenges worldwide. According to the GLOBOCAN 2020 estimates, SC caused approximately 800000 deaths (accounting for 7.7% of all cancer deaths), and ranks as the fourth leading cause of cancer deaths in both genders combined. About 1.1 million new cases of SC were diagnosed in 2020 (accounting for 5.6% of all cancer cases). About 75% of all new cases and all deaths from SC are reported in Asia. SC is one of the most lethal malignant tumors, with a five-year

survival rate of around 20%. There are some well-established risk factors for SC: *Helicobacter pylori* infection, dietary factors, tobacco, obesity, and radiation. To date, the most important way of preventing SC is reduced exposure to risk factors, as well as screening and early detection. Further research on risk factors can help identify various opportunities for more effective prevention. Screening programs for SC have been implemented in a few countries, either as a national or opportunistic screening of high-risk individuals only. Generally, due to its high aggressiveness and heterogeneity, SC still remains a severe global health problem [1].

No pathognomonic symptoms of SC have been established. Complaints may correspond to manifestations of various stomach diseases (chronic gastritis, gastric ulcer, etc.): pain in the epigastric region; dysphagia; nausea; vomiting (including "coffee grounds"); loss of appetite; weight loss.

During physical examination: 1) the position of the patient in late stages of SC, often forced with severe adynamia; 2) when examining the face, a decrease in the shine and liveliness of the eyes may occur; 3) pallor of the skin may be an indication of gastrointestinal bleeding; the skin of patients with late stages of SC acquires a waxy or earthy tint; in some cases, with the development of metastases in the sympathetic nodes of the abdominal cavity, pronounced diffuse hyperpigmentation of the skin can be observed; in advanced stages of SC, dry skin and decreased skin turgor are also noted; 4) severe weight loss, reaching the degree of cachexia, occurs in cancer of the distal stomach; in such cases, patients also develop protein-free edema; in the late stages, in the supraclavicular region on the left between the legs of the sternocleidomastoid muscle, it is sometimes possible to identify a dense lymph node with an uneven surface, not fused to the adjacent skin (Virchow's metastasis); 5) when examining the oral cavity, patients with SC may experience foul odor from the mouth - a sign of the disintegration of a malignant tumor of the stomach; 6) bulging of the abdominal wall in the epigastric region is observed in advanced forms of SC; with sudden weight loss, in some cases it is possible to visually determine the contours of the stomach, its lesser and greater curvature; 7) with the development of tumor stenosis of the pylorus, in some patients periodic wave-like movements are detected, lifting the anterior abdominal wall in limited areas, which become more distinct after preliminary light tapping of the abdominal wall in the epigastric region [2].

When palpating the anterior abdominal wall, stomach tumors are clearly palpable in cases where they are located predominantly in the distal parts of the stomach (antral, pyloric) and reach several centimeters in diameter. With percussion, you can clarify the position of the lower border of the stomach and detect changes in Traube's space (for cancer of the subcardial part of the stomach).

Laboratory studies include: 1) cytological examination (increase in cell size up to giant, change in the shape and number of intracellular elements, increase in the size of the nucleus, its contours, different degrees of maturity of the nucleus and other cell elements, changes in the number and shape of nucleoli); 2) histological examination (large polygonal or spine-shaped cells with well-defined cytoplasm, round nuclei with clear nucleoli, with the presence of mitoses, cells are located in the form of cells and strands with or without the formation of keratin, the presence of tumor emboli in the vessels, the severity of lymphocytic-plasmacytic infiltration, mitotic activity tumor cells): HER-2, Cytokeratin 7, Cytokeratin 8/18, CD45; 3) comprehensive genomic profiling in patients with a severe clinical course, aggressive tumors, with a high risk of progression, and lack of effect from traditional methods of antitumor treatment.

Instrumental research methods include: 1) fibroesophagogastroduodenoscopy (allows you to see the mucosal defect, determine its size and nature, take a piece of tissue for histological examination); 2) fluoroscopic examination of the esophagus with contrast, fluoroscopic examination of the stomach with contrast (double contrast) – allows you to determine the extent and extent of the stomach tumor, as well as determine the tactics of surgical intervention; 3) comprehensive ultrasound diagnostics (liver, gallbladder, pancreas, spleen, kidneys, supraclavicular lymph nodes) – echoic presence of enlarged lymph nodes of the abdominal cavity and retroperitoneal space, the presence of metastases in the abdominal cavity, as well as germination of SC into adjacent structures; 4) computed tomography of the abdominal organs and retroperitoneal space (more clear visualization of the presence of enlarged lymph nodes of the abdominal cavity and retroperitoneal space, the presence of metastases in the abdominal cavity, as well as the germination of a malignant neoplasm of the stomach into neighboring structures); 5) morphological examination is the main method of differential diagnosis of SC with other diseases; at the same time, the detection of malignant cells in a biopsy specimen clearly indicates esophageal cancer, although the absence of signs of a tumor in a single sample obtained does not exclude this disease; only with repeated negative results along with dynamic observation can the pathological process be considered benign [2].

Tamura T. et al. [3], in their study, examined in detail the effects of alcohol on the development of SC, as the authors note, the association between alcohol intake and SC risk remains controversial. Our colleagues undertook a pooled analysis of data from six large-scale Japanese cohort studies with 256 478 participants on this topic. Alcohol intake as ethanol was estimated using a validated questionnaire. The participants were followed for incidence of SC. Researchers calculated study-specific hazard ratios (HRs) and 95% confidence intervals (CIs) for SC according to alcohol intake using a Cox regression model. Summary HRs were estimated by pooling the study-specific HRs using a random-effects model. During 4 265 551 person-years of follow-up, 8586 SC cases were identified. In men, the multivariate-adjusted HRs (95% CIs) of SC were 1.00 (0.87- 1.15) for occasional drinkers, and 1.00 (0.91- 1.11) for <23 g/d, 1.09 (1.01-1.18) for 23 to <46 g/d, 1.18 (1.09-1.29) for 46 to <69 g/d, 1.21 (1.05-1.39) for 69 to <92 g/d, and 1.29 (1.11-1.51) for ≥ 92 g/d ethanol in regular drinkers compared with nondrinkers. In women, the multivariate-adjusted HRs were 0.93 (0.80- 1.08) for occasional drinkers, and 0.85 (0.74-0.99) for <23 g/d, and 1.22 (0.98-1.53) for ≥ 23 g/d in regular drinkers compared with nondrinkers. The HRs for proximal and distal cancer in drinkers vs nondrinkers were 1.69 (1.15-2.47) and 1.24 (0.99-1.55) for ≥ 92 g/d in men, and 1.60 (0.76-3.37) and 1.18 (0.88-1.57) for ≥ 23 g/d in women, respectively. In conclusion, the authors conclude that alcohol intake increased SC risk in men, and heavy drinkers showed a greater point estimate of risk for proximal cancer than for distal cancer.

Song Y. et al. [4] indicate that in their work they have sought to estimate the incidence, mortality, and disability-adjusted life-years (DALYs) of SC at the global, regional, and national levels. SC resulted in 1.3 million (1.2-1.4 million) incident cases, 9.5 hundred thousand (8.7-10.4 hundred thousand) deaths, and 22.2 million (20.3-24.1 million) DALYs in 2019. The age-standardized incidence rate, death rate and DALY rate were 15.6 (14.1-17.2), 11.9 (10.8-12.8), and 268.4 (245.5-290.6) per 100,000 person-years, respectively. Between 1990 and 2019, the global age-standardized incidence rate, death rate, and DALY rate decreased by - 30.5% (- 36.7 to - 22.9), - 41.9% (- 47.2 to - 36.3), and - 45.6% (- 50.8 to - 39.8), respectively. In 2019, most of the global numbers of incidence, death and DALYs were higher among males than females. A considerable burden of SC was attributable to smoking and a high-sodium diet. The largest numbers of incident SC in 2019 were in East Asia (626,488, 95% UI 526,591 to 741,267), high-income Asia Pacific (128,168, 95% UI 108,454 to 147,685) and South Asia (99,399, 95% UI 87,309 to 113,633). The lowest incidence numbers were in Oceania (937, 95% UI 714 to 1186), Australasia (3449, 95% UI 2788 to 4205) and southern sub-Saharan Africa (3610, 95% UI 3282 to 3970). The largest number of deaths due to SC in 2019 were in East Asia (432,991, 95% UI 364,163 to 504,145), South Asia (99,071, 95% UI 96,309 to 112,441) and high-income Asia Pacific (69,855, 95% UI 59,748 to 75,610). The lowest numbers of deaths were in Oceania (908,693 to 1143), Australasia (2046, 95% UI 1836 to 2224) and southern sub-Saharan Africa (3656, 95% UI 348 to 4009). East Asia (10.1 million, 95% UI 8.5-11.9 million), South Asia (2.8 million, 95% UI 2.4-3.2 million) and high-income Asia Pacific (1.2 million, 95% UI 1.1-1.2 million) had the largest number of DALYs attributed to SC, while these numbers were lowest in Oceania (28,669, 95% UI 21,580 to 36,725), Australasia (38,906, 95% UI 35,984 to 41,627) and southern sub-Saharan Africa (95,721, 95% UI 86,515 to 106,654). In all regions in 2019, the incidences, deaths, and DALYs were higher among males than females. East Asia (30.2, 95% UI 25.5-35.5 per 100,000 person-years), high-income Asia Pacific (28.2, 95% UI 24.2-32.3 per 100,000 person-years) and Andean Latin America (22.4, 95% UI 18.3-27.2 per 100,000 person-years) had the highest age-standardized incidence rates, while high-income North America (6.1, 95% UI 5.4-6.9 per 100,000 person-years), southern sub-Saharan Africa (6.5, 95% UI 5.9-7.1 per 100,000 person-years) and Southeast Asia (6.7, 95% UI 5.9-7.5 per 100,000 person-years) had the lowest rates.

Although the global age-standardized incidence and death rates have decreased, continued growth in absolute numbers in some regions, especially in East Asia, poses a major global public health challenge. To address this, public health responses should be tailored to fit each country's unique situation. Primary and secondary prevention strategies with increased effectiveness are required to reduce the incidence and mortality of SC, particularly in populations with a high disease burden [4].

Trinh T.T.K. et al. [5] conducted a study that aimed to study the patterns of clustering patterns of lifestyle risk factors for SC and examine the association of risk factor clusters with SC screening adherence. Data from the 2019 Korean National Cancer Screening Survey, an annual cross-sectional nationwide survey, were used. The study population included 3539 adults aged 40-74 years with no history of cancer. Six SC risk factors, including smoking, drinking, physical inactivity, obesity, meat intake, and salted food intake, as well as SC screening behaviors, were assessed. The most frequent risk factor for SC was physical inactivity, followed by smoking in males and high salted food intake in females. Compared with participants subjects with no risk factors, those with three or more risk factors were less

likely to adhere to screening guidelines (males: adjusted odds ratio [aOR] = 0.35, 95% confidence interval [CI] 0.23-0.53; females: aOR = 0.32, 95% CI 0.21-0.48). As noted by the authors, the findings indicate a disparity in SC screening, such that those with more risk factors are less likely to get screened. Increasing public awareness, providing behavioral counseling, and targeting high-risk populations for screening interventions are critical for promoting cancer screening adherence and reducing the disparity in cancer screening.

A very informative scientific study was conducted by Poorolajal J. et al. [6]. They examined information on 14 behavioral and nutritional factors that can be addressed in SC prevention programs. PubMed, Web of Science, and Scopus were searched through December 2018. Reference lists were also screened. Observational studies addressing the associations between SC and behavioral factors were analyzed. Between-study heterogeneity was investigated using the χ^2 , τ^2 , and I^2 statistics. The likelihood of publication bias was explored using the Begg and Egger tests and trim-and-fill analysis. Effect sizes were expressed as odds ratios (ORs) with 95% confidence intervals (CIs) using a random-effects model. Of 52,916 identified studies, 232 (including 33,831,063 participants) were eligible. The OR (95% CI) of factors associated with SC were as follows: *Helicobacter pylori* infection, 2.56 (95% CI, 2.18 to 3.00); current smoking, 1.61 (95% CI, 1.49 to 1.75); former smoking 1.43 (95% CI, 1.29 to 1.59); current drinking, 1.19 (95% CI, 1.10 to 1.29); former drinking, 1.73 (95% CI, 1.17 to 2.56); overweight/obesity, 0.89 (95% CI, 0.74 to 1.08); sufficient physical activity, 0.83 (95% CI, 0.68 to 1.02); consumption of fruits ≥ 3 times/wk, 0.48 (95% CI, 0.37 to 0.63); consumption of vegetables ≥ 3 times/wk, 0.62 (95% CI, 0.49 to 0.79); eating pickled vegetables, 1.28 (95% CI, 1.09 to 1.51); drinking black tea, 1.00 (95% CI, 0.84 to 1.20); drinking green tea, 0.88 (95% CI, 0.80 to 0.97); drinking coffee, 0.99 (95% CI, 0.88 to 1.11); eating fish ≥ 1 time/wk 0.79 (95% CI, 0.61 to 1.03); eating red meat ≥ 4 times/wk 1.31 (95% CI, 0.87 to 1.96), and high salt intake 3.78 (95% CI, 1.74 to 5.44) and 1.34 (95% CI, 0.88 to 2.03), based on two different studies. In conclusion, the researchers note that this meta-analysis provided a clear picture of the behavioral and nutritional factors associated with the development of SC. These results may be utilized for ranking and prioritizing preventable risk factors to implement effective prevention programs.

For example, there are persistent disparities in SC mortality among racial-ethnic groups in the USA, but the extent to which these patterns vary geographically is not well understood. In this paper [7], the following was evaluated age-standardised mortality for five racial-ethnic groups, in 3110 USA counties over 20 years, to describe spatial-temporal variations in SC mortality and disparities between racial-ethnic groups. Redistribution methods for insufficient cause of death codes and validated small area estimation methods were applied to death registration data from the US National Vital Statistics System and population data from the US National Center for Health Statistics to estimate annual SC mortality rates. Estimates were stratified by county and racial-ethnic group (non-Latino and non-Hispanic [NL] American Indian or Alaska Native [AIAN], NL Asian or Pacific Islander [Asian], NL Black [Black], Latino or Hispanic [Latino], and NL White [White]) from 2000 to 2019. Estimates were corrected for misreporting of racial-ethnic group on death certificates using published misclassification ratios. Authors masked (i.e., did not display) estimates for county and racial-ethnic group combinations with a mean annual population of less than 1000; thus, our colleagues report estimates for 3079 (of 3110) counties for the total population, and 474, 667, 1488, 1478, and 3051 counties for the AIAN, Asian, Black, Latino, and White populations, respectively.

In conclusion, the researchers note that between 2000 and 2019, national age-standardised SC mortality was lowest among the White population in every year. Nationally, SC mortality declined for all racial-ethnic groups across this time period, with the most rapid declines occurring among the Asian (percent decline 48.3% [45.1-51.1]) and Black populations (42.6% [40.2-44.6]). Mortality among the other racial-ethnic groups declined more moderately, decreasing by 36.7% (35.3-38.1), 35.1% (32.2-37.7), and 31.6% (23.9-38.0) among the White, Latino, and AIAN populations, respectively. Similar patterns were observed at the county level, although with wide geographic variation. In 2019, a majority of counties had higher mortality rates among minoritised racial-ethnic populations compared to the White population: 81.1% (377 of 465 counties with unmasked estimates for both racial-ethnic groups) among the AIAN population, 88.2% (1295 of 1469) among the Latino population, 99.4% (663 of 667) among the Asian population, and 99.9% (1484 of 1486) among the Black population. However, the size of these disparities ranged widely across counties, with the largest range from 0.3 to 17.1 among the AIAN population. In interpreting the data obtained, the authors point out that SC mortality has decreased substantially across populations and geographies in the USA. However, disparities in SC mortality among racial-ethnic groups are widespread and have persisted over the last two decades. Local-level data are crucial to understanding the scope of this unequal burden among minoritised groups in the USA [7].

A very interesting paper was presented by Kim D.H. et al. [8]. The authors note that Epstein-Barr virus (EBV)-encoded BamHI-A rightward frame 1 (BARF1) is a putative viral oncogene in EBV-infected SC. The aim of the present study was to investigate BARF1-induced cellular protein and microRNA alterations. In this study, BARF1-expressing SC cells showed a high rate of proliferation, high levels of NFκB, and miR-146a upregulation, which was reversed by NFκB knockdown. During BARF1-induced NFκB upregulation, hCSF1 receptor level was unchanged. Knockdown of BARF1 in the naturally EBV-infected YCCEL1 SC cells suppressed cell proliferation, and downregulated NFκB and miR-146a. SMAD4 was identified as a miR-146a target and was downregulated in BARF1-expressing cells, whereas SMAD4 expression was restored by anti-miR-146a. Knockdown of BARF1 in YCCEL1 cells upregulated SMAD4, and this effect was reversed by miR-146a overexpression. Transfection of BARF1-expressing cells with pCEP4-SMAD4 abolished the cell proliferating effect of BARF1. In SC tissues, miR-146a was expressed at higher levels, and more frequent NFκB nuclear positivity immunohistochemically, but not of SMAD4 nuclear loss was found in the EBV-positive group compared with the EBV-negative group.

In this work, colleagues have demonstrated that EBV-encoded BARF1 promotes cell proliferation in SC by upregulating NFκB and miR-146a and downregulating SMAD4, thereby contributing to EBV-induced SC progression.

In general, survival for patients with SC is poor. In addition, there is global variation in SC survival [9,10]. Worldwide, with the exception of Japan (69%) and Korea (67%), most areas have an overall 5-year relative survival of SC of about 20%-30%. Japan has had a national endoscopic surveillance program since the early 1970s because of the high SC risk. It is recommended that all people older than 40 years undergo screening with a double-contrast barium X-ray radiography and endoscopy every year. A study in China demonstrated that a preventive intervention which included eradication of *H. pylori*, nutritional supplements, and screening (with double-contrast radiography and endoscopy) resulted in a 49% reduction in relative risk for overall mortality in a high-risk group of individuals [1].

Primary and secondary prevention strategies are the focus of SC prevention. Primary prevention measures involve improvements in environment and lifestyle habits such as tobacco control/smoking cessation, reducing salt intake, increasing fruit and vegetable intake, developing other healthy behaviors (such as Mediterranean diet, higher intake of fiber, physical activity), *H. pylori* eradication, other medications (intake of non-steroidal anti-inflammatory drugs, statins), refraining from high alcoholic beverages, sanitation and hygiene improvements. The WHO has set a global goal of reducing the intake of salt to less than 5 g (2000 mg of sodium) per person per day by the year 2025. A meta-analysis of randomized trials (all trials were performed in areas with a high incidence of SC, mostly in Asia), in a total of 6695 participants followed from 4 to 10 years showed that the risk of SC can be reduced by 35% with the treatment of *H. pylori*. In addition to endoscopic and histological surveillance, the American and European guidelines recommend eradication of *H. pylori* in all persons who have atrophy and/or intestinal metaplasia and all persons who are first-degree relatives of SC patients. According to the Asian Pacific Gastric Cancer Consensus, population-based screening and treatment of *H. pylori* infection is recommended in regions which have an annual SC incidence of more than 20/100000. Eradication of *H. pylori* can be achieved with antibiotic therapy; but, the treatment of asymptomatic carriers is not practical as many countries have a very high infection burden (e.g., over 75% of adult persons living in sub-Saharan Africa have *H. pylori* infection) and reinfection is relatively easy [1].

Now, as for this pathology in our country. The incidence of SC in the Kazakhstan in 2022 was 14.9 (19.9 - men; 10.2 - women) per 100 thousand population with a growth rate compared to the previous year of 11.0% (13.5 - in 2021), which in absolute numbers amounted to 2915 people (2576 cases in 2021), occupying a high 3rd place after breast cancer and lung cancer. The share of cases with a diagnosis established for the first time in their lives, recorded by oncology organizations, was 8.3% (in 2021 - 7.9%), and this is also the 3rd ranking place. At the same time, 1895 men fell ill (specific gravity - 12.5%, 2nd ranking place after lung cancer), women - 1020 [(specific gravity - 5.12%, 6th ranking place after, of course, breast cancer (1st ranked place), cervical cancer (2nd place), uterine cancer (3rd place), ovarian cancer (4th place) and colon cancer (5th place)] [11].

The incidence of SC was higher than the national average in 9 regions of the country: Kostanay - 22.9 (maximum); Karaganda - 21.5; North Kazakhstan - 21.1; East Kazakhstan - 21.0; Pavlodar - 20.4; Akmola - 20.2; Abay - 19.8; West Kazakhstan - 19.3 and Aktobe - 19.2. The indicator is less than the national average in 10 regions: in Shymkent city - 8.4 (the lowest level); Mangystau - 9.3; Turkestan - 10.3; Zhambyl - 10.4; Almaty city - 12.2; Almaty - 12.6; Atyrau - 13.2; Zhetysay - 13.3; Astana city - 13.5; Kyzylorda - 13.8 regions of the country per 100 thousand population.

The mortality rate from this pathology was 8.0 (men - 10.9; women - 5.24) per 100 thousand

population. In the structure of causes of mortality for both sexes in 2022, this pathology ranks high 2nd after lung cancer, amounting to 12.0%, and in absolute numbers – 1560 people. Of these: 1037 are men (specific gravity - 15.1%, 2nd place); 523 – women (specific gravity – 8.5% and high – 3rd ranking place).

The regions where the mortality rate from SC is higher than the national average (8.0 per 100 thousand population) include: Abay - 14.5 (maximum level); Akmola – 12.0; East Kazakhstan and West Kazakhstan – 11.3; North Kazakhstan - 10.2; Pavlodar - 9.9; Karaganda - 8.9; Astana city – 8.8; Aktobe - 8.3. In parity with the republican average level – Kostanay region – 8.0. The lowest rates were noted in Mangistau - 3.9 (minimum level); Shymkent city - 5.5; Kyzylorda - 5.6; Almaty - 6.1; Turkestan - 6.5; Zhetysu – 6.6; Atyrau – 7.3; Almaty city - 7.4 and Zhambyl - 7.7 regions per 100 thousand population [11].

The number of deaths from SC who were not registered with oncology organizations and were diagnosed posthumously in the Republic of Kazakhstan was 35 people; at the same time, the specific gravity was 1.2% and 5th ranking place.

Moreover, during the first year after diagnosis of cancer, every two out of five people die. At the same time, the one-year mortality rate was 40.0%, ranking 5th. The ratio between one-year mortality and neglect (stage IV) was 1.9 in 2022 and this is in 15th ranking place along with cancer of the tongue and oral cavity and malignant bone tumors. At the same time, let us recall that the furthest distance from “1” is the worst ratio between the indicators of one-year mortality and neglect.

It should also be noted that during preventive examinations in 2022, SC can be classified as one of the most actively detected tumors among all cancer localizations (5th rank in terms of the number of identified patients). At the same time, the proportion of cases of SC detected during medical examinations among those newly identified was 55.2% (1574 patients), with a significant increase compared to the level of 2021 (37.1% or 932 people in 2021). Of these, 47.6% (750 patients) were identified in early stages I-II of the disease (in 2021 - 472 patients, which amounted to 50.6%).

The level of morphological verification of SC in the country was 96.1%. At the same time, in 2 regions 100% verification of the diagnosis was provided (Zhetysu and Mangistau regions); high rates were achieved in Almaty (99.5%), Zhambyl (99.2%), Astana city (98.8%), Abay (98.3%), North Kazakhstan (98.2%), and low – in Kyzylorda (88.5% - the worst result in the country), Almaty city (89.6%), Akmola (93.0%), Atyrau (94.4%), Turkestan (95.3%) regions and Shymkent city (95.9%).

The proportion of patients with early stage I of the pathology under consideration was 6.4% and this is only the 21st ranking among all nosological forms of oncological pathology.

The regions where the proportion of patients with stage I SC is above the national average include the following regions. Two regions are leading by a large margin from other regions: the Kyzylorda region - here every fourth patient with cancer is diagnosed at stage I of the disease (24.8%) and the North Kazakhstan region, where every fifth patient is diagnosed with stage I cancer (20.4%). This is followed by: Zhetysu - 11.8%; Astana city – 11.6%; West Kazakhstan - 9.2%; East Kazakhstan – 7.8%; Karaganda - 7.7%; Almaty city – 7.6%; Mangistau - 7.2% and Pavlodar - 6.7% regions of the republic.

The lowest rates of early diagnosis were stated: in Aktobe - 1.7% (worst result); Turkestan - 1.9%; Shymkent city – 2.1%; Zhambyl - 2.4%; Akmola – 2.5%; Almaty - 2.7%; Abay - 4.2%; Kostanay - 4.3% and Atyrau - 5.6% regions of the country [11].

At the same time, every two out of five patients with SC are detected in the early (I-II) stages of this pathology. The regions where the proportion of patients with SC detected at stages I-II is above the national average (41.4% and only 19th ranking place for this indicator) include the following regions: Atyrau (60.0%); East Kazakhstan (57.4%); North Kazakhstan (56.6%); Pavlodar (53.7%); Kyzylorda (52.2%); Zhetysu (51.6%); Mangistau (50.7%); Turkestan (48.6%); Aktobe (46.6%); Astana city (45.3%); Abay (44.9%) regions.

Low rates of early diagnosis of SC have been established: in the Almaty region (23.2% - the worst indicator); followed by: Shymkent city (24.7%); West Kazakhstan (27.5%); Karaganda (28.1%); Akmola (32.5%); Almaty city (35.2%); Zhambyl (38.4%) and Kostanay (40.3%) regions of our republic [11].

As is clearly seen from the above data across the country, there is a very wide range in early diagnosis indicators, from very good to depressing. Of course, it is necessary to take into account migration processes and other factors influencing early diagnosis rates, but nevertheless, the results speak for themselves.

The specific gravity of stage IV SC among all nosological forms of malignant neoplasms was 21.3%, in other words, every fifth patient is detected in an advanced stage of the disease, and this is the fourth worst indicator in the republic.

As for the average republican indicator of the specific gravity of stage IV, the Karaganda region

showed itself on the negative side, where this parameter was 34.7%, followed by West Kazakhstan (31.3%); Akmola (29.9%); Turkestan (27.8%); Kostanay (26.3%); Zhambyl (23.2%) regions and Astana city (22.1%). The following showed themselves to be the best in this aspect: Mangistau - 4.3%; Kyzylorda - 8.8%; Atyrau - 8.9% and Aktope - 9.7% of the regions [11].

Statistical data on patients diagnosed with a malignant neoplasm who have been under observation for 5 years or more, and who continue to be observed in 2022, showed that the number of patients under the supervision of oncological organizations in Kazakhstan for more than five years continued to grow and at the end of the reporting year amounted to 110,790 people. with an increase of 6.6% (2021 – 103,935 people, +4.4%) (form No. 7). The specific gravity of this category of patients or five-year survival rate for malignant neoplasms with a growing trend is 55.3% (55.0% in 2021).

We cannot ignore such an important clinical aspect as the coverage in the Republic of Kazakhstan of special treatment for patients diagnosed with SC for the first time in their lives. At the end of 2022, the absolute number of people who completed specialized treatment was 1,019 people, with almost the same number continuing treatment - 1,018 patients. The following results were obtained in percentage terms for methods and types of treatment. Naturally, the most common method of treating SC is complex treatment, which amounted to 49.2%; this is followed by only surgical treatment - 28.3%, only medicinal treatment - 19.3%. Combined radiation and chemo-radiation treatment alone is used extremely rarely (0.5%; 0.3%; 0.3%, respectively).

Further regarding the five-year survival rate of patients. As for SC, at the end of 2022, 6924 people were registered at the dispensary, or 35.5 per 100 thousand population. At the end of 2021 – 6501 patients or 34.0 per 100 thousand population, respectively.

At the same time, the mortality rate of the observed contingents in 2022 decreased compared to the previous year and amounted to 22.5% in 2022 (24.8% in 2021).

The five-year survival rate of patients with SC decreased slightly and amounted to 47.8% in 2022 compared to 48.5 in 2021 [11].

Summarizing the above, we can conclude that stomach cancer occupies a significant place among all existing malignant tumors of other localizations. The variability and veiling of symptoms, its similarity with various non-core processes, leads to neglect of the disease. All this requires both oncologists and, first of all, primary health care workers and, of course, gastroenterologists to increase the level of oncological alertness, inform the population about early symptoms that may indicate this pathology or the onset of proliferative changes and carrying out high-tech diagnostic measures and, as a result, timely treatment. People at risk are advised to regularly visit a gastroenterologist and, if necessary, undergo examination.

An epidemiological assessment of the situation with stomach cancer in our country suggests that there are sometimes significant differences across regions not only in incidence rates, but also in the parameters of early diagnosis and mortality from this pathology. In connection with the above, this pathology continues to be a serious problem in modern clinical oncology.

References

- 1 Ilic M, Ilic I. Epidemiology of stomach cancer. *World J Gastroenterol.* 2022 Mar 28;28(12):1187-1203. doi: 10.3748/wjg.v28.i12.1187.
- 2 Klinicheskij protokol diagnostiki lechenija «Rak zheludka» - Ob#edinennoj komissiej po kachestvu medicinskih uslug Ministerstva zdravoohranenija Respubliki Kazahstan ot 21 nojabrja 2022 goda, Protokol №174. – 27 s (In Russ.).
- 3 Tamura T, Wakai K, Lin Y, Tamakoshi A, Utada M, Ozasa K, Sugawara Y, Tsuji I, Ono A, Sawada N, Tsugane S, Ito H, Nagata C, Kitamura T, Naito M, Tanaka K, Shimazu T, Mizoue T, Matsuo K, Inoue M; Research Group for the Development and Evaluation of Cancer Prevention Strategies in Japan. Alcohol intake and stomach cancer risk in Japan: A pooled analysis of six cohort studies. *Cancer Sci.* 2022 Jan;113(1):261-276. doi: 10.1111/cas.15172.
- 4 Song Y, Liu X, Cheng W, Li H, Zhang D. The global, regional and national burden of stomach cancer and its attributable risk factors from 1990 to 2019. *Sci Rep.* 2022 Jul 7;12(1):11542. doi: 10.1038/s41598-022-15839-7.
- 5 Trinh TTK, Lee K, Oh JK, Suh M, Jun JK, Choi KS. Cluster of lifestyle risk factors for stomach cancer and screening behaviors among Korean adults. *Sci Rep.* 2023 Oct 16;13(1):17503. doi: 10.1038/s41598-023-44470-3.
- 6 Poorolajal J, Moradi L, Mohammadi Y, Cheraghi Z, Gohari-Ensaf F. Risk factors for stomach cancer: a systematic review and meta-analysis. *Epidemiol Health.* 2020;42:e2020004. doi:

10.4178/epih.e2020004.

7 GBD US Health Disparities Collaborators. The burden of stomach cancer mortality by county, race, and ethnicity in the USA, 2000-2019: a systematic analysis of health disparities. *Lancet Reg Health Am.* 2023 Aug 4;24:100547. doi: 10.1016/j.lana.2023.100547.

8. Kim DH, Chang MS, Yoon CJ, Middeldorp JM, Martinez OM, Byeon SJ, Rha SY, Kim SH, Kim YS, Woo JH. Epstein-Barr virus BARF1-induced NFkB/miR-146a/SMAD4 alterations in stomach cancer cells. *Oncotarget.* 2016 Dec 13;7(50):82213-82227. doi: 10.18632/oncotarget.10511.

9 Yang L, Ying X, Liu S, Lyu G, Xu Z, Zhang X, Li H, Li Q, Wang N, Ji J. Gastric cancer: Epidemiology, risk factors and prevention strategies. *Chin J Cancer Res.* 2020 Dec 31;32(6):695-704. doi: 10.21147/j.issn.1000-9604.2020.06.03.

10 Balakrishnan M, George R, Sharma A, Graham DY. Changing Trends in Stomach Cancer Throughout the World. *Curr Gastroenterol Rep.* 2017 Aug;19(8):36. doi: 10.1007/s11894-017-0575-8.

11 Kaidarova D.R., Shatkovskaya O.V., Ongarbayev B.T., Seisenbayeva G.T., Azhmagambetova A.E., Zhylkaidarova A.Zh., Lavrentieva I.K., Sagi M.S. Indicators of the oncology service of the Republic of Kazakhstan, 2022: statistical and analytical materials – Almaty, 2023. – 430 p.

INHALATION INJURIES IN BURNS: RISK FACTORS, CLINICAL MANIFESTATIONS, AND TREATMENT METHODS

Manole Virgiliu

Abstract

Severe burns affect multiple organ systems, but respiratory complications due to inhalation injuries significantly increase mortality rates. Approximately one-third of burn patients experience inhalation injuries, which account for up to 90% of burn-related deaths. This article presents a retrospective analysis of burn patients with inhalation injuries, highlighting current diagnostic and treatment methods.

Introduction:

Inhalation injuries present a major challenge in treating burn patients, contributing significantly to morbidity and mortality. Despite advancements in cutaneous burn care and infection management, the presence of inhalation injuries greatly reduces survival rates. The pathophysiological mechanisms include airway obstruction, impaired mucociliary clearance, and systemic inflammatory responses, predisposing patients to pneumonia, one of the leading causes of death in burn patients.

Materials and Methods:

The study included a retrospective analysis of 93 patients with severe burns and inhalation injuries hospitalized between 2020 and 2022. Data were collected from the electronic archives of the Clinical Trauma and Orthopedic Hospital, including clinical, paraclinical information, and treatment methods. Inhalation injury diagnosis was confirmed through clinical examination and imaging investigations (chest X-rays and computed tomography scans).

Results:

Among the 93 patients, most were male (75.9%), with a mean age of 47.3 years. The main mechanisms of injury were gas cylinder explosions (23.7%) and household fires (22.6%). Upon admission, 89.2% of patients exhibited severe respiratory symptoms such as hoarseness, carbonaceous sputum, and dyspnea. Imaging investigations revealed extensive lung damage in patients with high RADS scores.

Discussion:

Inhalation injuries significantly complicate the course of burn patients, increasing the risk of ventilator-associated pneumonia and acute respiratory distress syndrome (ARDS). Bronchoscopy and detailed imaging evaluations (CT scans) play a crucial role in diagnosing and grading the severity of these injuries. While there is no global consensus on optimal management, nebulized pharmacological agents such as heparin and N-acetylcysteine have proven effective in dispersing fibrin clots and clearing mucus.

Conclusions:

Inhalation injuries associated with burns markedly increase morbidity and mortality. Early diagnosis via bronchoscopy and computed tomography, followed by intensive respiratory support, are essential for improving outcomes. This study highlights the need for global standards in diagnosis and treatment, as well as further research to optimize the management of these patients.

Keywords: inhalation injuries, burns, pneumonia, ARDS, bronchoscopy.

Pedagogical sciences

THE PRINCIPLE OF FORMING PRACTICAL SKILLS AND HABITS BASED ON THEORETICAL KNOWLEDGE OF THE AZERBAIJANI LANGUAGE

Aliyeva Shabnam Ali

Phd student, Nakhchivan Institute of Teachers, Azerbaijan
ORCID ID: 0000-0002-9716-7629

Abstract

The principles of education have a great role and importance in order to master the Azerbaijani language lessons of primary classes at a high level. It is clear that in the educational process, the connection of sections in the Azerbaijani language course given in graduation work, the formation of practical skills and habits based on theoretical knowledge, as well as the need for visuality, deserve more attention due to other principles.

In the article, the teaching principles (in general didactic formation) were briefly touched upon, and their role in the formation of methodical principles was explained. Also, two of the methodological principles - the principle of connecting the sections in the Azerbaijani language course with each other and the principle of forming practical skills and habits based on the theoretical knowledge of the Azerbaijani language - were discussed in detail. The main attention was paid to the principle of visuality, its very important role and importance in the process of teaching the Azerbaijani language in primary classes was highlighted in detail.

Keywords: teaching principles, Azerbaijani language, elementary school, theoretical knowledge

The Azerbaijani language is one of the theoretical and practical subjects. Its practical essence arises directly from its theoretical foundation. Most of the theoretical knowledge given to students in this subject shows its reality only after turning into skills and habits. There are cases when the student knows the theoretical material of the Azerbaijani language, including grammar. However, their skills and abilities related to that knowledge are not strong enough. So, for example, in written speech, he often makes spelling, grammar, punctuation and speech errors. Some teachers face difficulties when determining the final grades of such students. A student who knows the program material well, or even excellently, has to reduce his final grade due to the low grades he receives from writing. In fact, this is natural. The teacher regrets the situation his student is in and tries to find a way out. However, the existing situation does not match the requirements for the objective assessment of knowledge, skills and habits.

But what should be the reason for this? Of course, first of all, there is a fault in the teacher's own work style. As it is known, some teachers try to give preference to the word method in Azerbaijani language classes, and to achieve theoretical preparation of students. This is where all the contradictions begin. The teacher, first of all, should take into account that the main goal of teaching the Azerbaijani language is to create appropriate skills and habits related to this language in students. From this point of view, the theoretical knowledge given in that subject should not be treated as a goal, but as a means. Only after ensuring that this knowledge, for example, knowledge of grammar, is formed in the form of skills and habits, the teacher can be sure that he has been able to achieve the goal set in front of the teaching.

Sections of the Azerbaijani language should not be taught in isolation from each other in primary and secondary schools. Connecting one or another of them with others in the training process should be treated as an important methodical principle. That is why each lesson of the Azerbaijani language manifests itself as a learning process that includes a set of different sections of this subject (1). For example, if the main subject of the lesson is phonetics, then it is necessary to do some work on spelling, orthography, lexicon, and even in some cases grammar, style, and punctuation.

Referring to the opinions of Methodist scientists (A. Efendizadeh, H. Baliyev, Y. Karimov, etc.) working in the field of teaching methodology of the Azerbaijani language, we can say that the content of teaching the Azerbaijani language in primary and secondary schools consists of two main components:

- a) Theoretical knowledge
- b) Skills and habits

The second of these derives from the first and manifests itself as the main result of training. Thus, students' perfect acquisition of theoretical knowledge, correct understanding of definitions and rules create a reliable basis for optimizing the formation of their related skills and habits. After the acquired theoretical knowledge turns into another quality, that is, skills and habits, many students forget that knowledge, especially definitions and rules, to one degree or another. This should not worry the teacher (3).

Let's say that the student has agreed with the messenger in both oral and written speech - he has acquired the habit of always correctly following the rules of non-conformity. However, when asked about those rules, it is impossible to get a satisfactory answer. Apparently, if the student did not master the mentioned rules, i.e., the relevant theoretical material well in time, he could not acquire the habit of following them in his speech. If he has mastered those habits, he knows the necessary grammatical material, the only difference is that his knowledge has moved from one quality (theoretical knowledge) to another quality (skill and habit). This is the result of achieving the goal.

It is a well-known fact that it is impossible to master grammar analysis skills without achieving the students' conscious assimilation of grammar topics. If the teacher was mostly able to form this skill in the students, this is proof that they have successfully mastered grammatical knowledge. Sometimes the opposite happens: that is, students know grammatical concepts well, explain them well, give satisfactory answers to all questions, but face serious difficulties in analyzing a given word from a morphological point of view and a sentence from a syntactic point of view, and make gross mistakes in their answers. This means that the teacher is limited to only one-sided performance of the task before the training, not true, he set the main goal to acquire students only theoretical knowledge.

Based on our observation and methodological considerations in secondary general education schools, we can say that some teachers pay too much attention to the teaching of theoretical material may be due to two reasons: The first reason comes from not being able to correctly assess the relationship between learning and memorizing theoretical material. The teachers who stand in this position believe that in addition to the students' conscious understanding of all the theoretical materials passed, it is the main condition for improving the quality of education. Therefore, such teachers pay regular attention to the repetition of theoretical materials in almost every lesson. Of course, the benefit of theoretical repetitions in terms of strengthening and deepening the mastery may not be small. But if such repetitions are intended only to achieve memorization, it cannot be considered appropriate. First of all, because the theoretical knowledge given to students of the Azerbaijani language is not the main goal of education, but a means. The main goal is the formation of appropriate skills and habits based on that knowledge. Also, in such a case, the requirements of the principle of individual approach to training are neglected. After all, not all students have the same mental qualities, including the ability to remember, some remember what they have learned for a long time, while others forget it quickly.

Practical studies are the most convenient means of strengthening and clarifying theoretical knowledge of the Azerbaijani language. Psychologists have proven that the child's consciousness is formed in the process of practical activity (3).

The second reason comes from the fact that the ratio of time spent on the formation of practical skills and habits is not expected during the training process. So, as we mentioned above, when the teacher focuses on the continuity and memorization of theoretical knowledge during the lesson, there is not enough time for practical work.

It is impossible to achieve the set goal without sufficient work of the students. This is where the idea of strengthening the practical direction of Azerbaijani language training comes from. In the improved program for the Azerbaijani language, special attention was paid to strengthening the practical direction of training. This means that most of the time in the training process should be spent on practical work, especially on various types of work. The success of each lesson related to the Azerbaijani language should be measured precisely by this, provided that the studies conducted should be effective and ensure the development of speech skills and habits. In such a case, the teacher's real pedagogical mastery lies in his ability to choose the necessary didactic material for the lesson and to organize the work on that material effectively.

Our observations in schools show that some teachers either ignore the language mistakes made by students or limit themselves to correcting only some of them. Of course, when language errors occur frequently, it is difficult to work on them all in one lesson. However, any language mistakes made in front of the whole class (in the writings on the board, in the students' oral answers, etc.) should not go unnoticed. One of the main conditions is to rely on the active participation of the class in the detection and correction of errors. This is very important in terms of developing a sensitive attitude towards correct speech in students and forming the ability to control the correctness of their speech.

The formation of grammatical concepts, as well as spelling, punctuation and speech habits is a complex process, but they are related to each other in various ways. For example, while learning how to change nouns and verbs according to cases and persons, they also learn some related orthographic and pronunciation rules and acquire certain stylistic habits (5). Thus, in relation to the cases of the noun, the spelling difference of the locative case suffix from the conjunctions and adverbs of the same form, the adverbial case suffix is sometimes pronounced as *nan2*, the orthographic and pronunciation variants of the definitive future tense suffix *agag2* are more or less different from each other (*I will buy - I will buy, he will say - he will say*), when adding present and future tense suffixes to verbs ending with an open vowel, their pronunciation features (*keeps – keeps, will work – will work*), etc. students learn in a kind of complex way, which is manifested as one of the results of the principle of interdisciplinary communication in the learning process.

As you know, the formation of skills and habits is a complex process. Depending on the individual characteristics of students, some of them are formed quickly, while others are formed relatively late. There are also rules that not only days, but even months are not enough for the teacher to master them both theoretically and practically. For example, observations show that relying on a few lesson hours to properly teach students how to use unmediated speech, sentences with specialized members, to observe the rules of punctuation marks in them does not give the desired results. Therefore, the teacher considers it important to repeatedly return to the strengthening of skills and habits related to those topics in the later stages of training. Of course, in such cases, there is no need to re-teach what was previously passed, and to allocate additional study hours for it. The teacher appropriately uses the opportunity to strengthen the skills and habits related to the previously passed rules in the process of working on didactic materials based on other principles of training, especially intra-subject communication (inter-departmental communication), individual approach principles. The basis of all success in this field, of course, depends on the appropriateness of the didactic material chosen for the lesson and the pedagogical mastery of the teacher.

As a result, it should be noted that the possibilities of implementing the principle of forming skills and habits on the basis of the theoretical knowledge provided by the Azerbaijani language are very wide. Regular and effective use of these opportunities in the system of lessons is one of the main and most important conditions for improving the quality of education.

Literature

1. Rahimov A. Mother tongue teaching methodology (in primary classes). Baku - 2015, 470 p.
2. Huseynoglu S, Abdullazade N. Expressive reading. Baku - 2021, 212 p.
3. Jafarova N. Problem of strategic reading in primary classes. Baku - 2022, publication of ADPU, 304 p.
4. Gurbanov V. On the problems of teaching the Azerbaijani language (considerations and comments). Baku - 2019, "Teacher" publishing house, 204 p.
5. Huseynoglu S. Basics of expressive reading. Baku - 2019, publication of ADPU, 220 p.

TECHNOLOGICAL MODERN TEACHING APPROACHES IN TEACHING MATHEMATICS

Gulnar Huseynova

Teacher,

Nakhchivan Institute of Teachers, Azerbaijan

Abstract

Dynamically developing modern society places new demands on education, including educational standards. Qualities such as activity, sociability, self-education, ability to listen to others, work in a team stand before the student. Traditional education cannot achieve the desired requirements because the student becomes passive and limits his development. In this regard, special attention should be paid to interactive training today. It is a form of cognitive and communicative activity in which each of the process participants contributes to mastering the taught subject. In this process, not only the teacher and the students, but also the students act in the mode of conversation and dialogue among themselves. Since interactive methods do not provide ready-made knowledge to students, but rather help them to find this knowledge together, in the learning process, the teacher acts as organizer, coordinator, guide and consultant, and students act as experimenters, researchers and creative subjects. Interactive learning was the leading method for learning the problem. This article is valuable for teachers of secondary schools and the application of interactive technology in the classroom, as well as for students of colleges and pedagogical institutions of higher education.

Keywords: student, interactive technology, training, dialogue, teaching

Modern education perceives the future person as an active person. The new generation's focus on knowledge-based systems is a new approach in education. Interpersonal skills, the ability to adapt flexibly, the ability to independently acquire the necessary knowledge should be given to the person of the future. At present, the formation of these skills can be carried out through interactive training, including mathematics lessons. Interactive learning methods help to activate the student's reflection. It forms his ability to increase the efficiency of any work. However, the analysis of materials related to interactive teaching proves the concept of "interactivity" in education. But what does the word "Interactive" mean?

It is any learning method that uses information communication technologies. This is not really a definition, but a type of approach. Of course, from an interactive whiteboard, electronic magazine, etc. resource utilization is certainly important.

Definition of mathematics and the structure of teaching mathematics

Stating that mathematics is a system of ideas (structures) and relations that develops as a sequential process of abstraction and generalization, the characteristics of this system are listed as follows. [1, 2]

1. Mathematics is counting, calculation, measurement and process used in solving problems in everyday life.

2. Mathematics is a language that uses some symbols.

3. Mathematics is a logical system that develops logical thinking in people.

4. Mathematics is an aid we use to understand the world and improve the environment in which we live.

5. Mathematics is not only one of them, but all of them.

In summary, mathematics, a system in itself, consists of structures and relationships.

It is an abstract concept that includes the successive abstractions and generalization processes formed by relations. It is also known that mathematics is difficult for students because the concepts are difficult to grasp. Therefore, checking the methods of teaching mathematics is one of the most important issues in our time. Teaching in accordance with the structure of mathematics, students' mathematical concepts and operations, aims to help them understand and make connections between these concepts and functions.

They claim that teaching mathematics can develop the following abilities. [3]

1. Student's ability to understand mathematical concepts and methods

2. To be aware of mathematical relationships
3. The ability to come to logical conclusions
4. Mathematical concepts, methods and relationships for solving various unusual problems can be applied.

For all these reasons, especially in recent years, modern teaching methods are being taught.

The importance of facilitating and making interesting functions has been emphasized by various researchers and non-trivial steps are being taken towards this goal.

In traditional teaching, the most important element was the teacher, and the classroom and the blackboard complemented him. In time, the chalk gave way to the pen, and the chalk was replaced by a marker. In classical teaching, it is a unit course. The course combines related topics. The instructor teaches the subjects in a certain way in the classroom. And the lecture is synchronous, meaning that certain time periods, for example three hours every Wednesday, are reserved for that exercise. Another key point in a lecture is the lecturer's speech, that is, what he does by talking about the topics to his audience. More slowly in a "blackboard" environment, where the development process of a theme or concept can be followed step by step, or projectors, video projectors, computers, electronic "blackboards", etc. it is implemented in the form of forming the ability to speak faster. Topics are noted by listeners, that is, each listener individualizes the topic by taking notes in his own way. Therefore, one of the important issues is whether to speak the topic quickly or slowly. [4]

The "Information Age" we live in has introduced new concepts such as computers, the Internet and Internet technologies with changing and evolving science and technology. These new concepts also led to significant changes in teaching needs. The concept of "lifelong learning" is becoming more and more common not only in professional but also in personal development, thus increasing the demand for "continuous education". The increase in the number of students who want to study occurs as a result of modern technological education. Today, the concept of education differs from classical education. Traditional education has shifted to modern education based on technology.

There are two approaches to using technology in schools. These are called "learning from technology" and learning with technology.

In a technology-based learning approach, content is delivered through technology and is assumed to result in learning. On the other hand, in learning with technology, technology is used as a tool to aid learning, and in this approach, technology is used as the student's mental partner. [6]

As the scope of information expands day by day, information in different mass media is divided into different parts and can be stored in different formats. On the other hand, these countless numbers, which we call digital information, the efficient use of large amounts of resources and access to them is an increasingly inevitable need for people. For this reason, we can say that being "Information Literate" has become mandatory in modern times. [7]

Although the term Information Literacy is a fairly new term, there are various definitions associated with the term. But what is information literacy?

Information Literacy is the formation of the ability to effectively use information resources and search for information resources and stored information. That is, in short, it is knowing how to use information technologies [8].

Technology-Assisted Education: Multi-level education accessible through computers and networks (LAN, Intranet, Internet), interactively designed with multimedia features, pedagogical features, can be automatically evaluated and recorded according to the speed of everyone's understanding and comprehension of information. We can define it as a private or public program implemented using it. Computers, which are used for many different purposes, are also widely used in the field of education today.

The rapid development of computer networks, the increase in the processing speed of personal computers, magnetic data, the extent of advances in storage technology and the development of software in parallel with these innovations have led educators to use the Internet as an effective and effective tool in the field of distance education [9].

Although the idea of distance education is not new, online education offers many opportunities in this field.

Application of technological modern teaching methods in teaching mathematics

According to Heddens and Speer, modern technology is as much about mathematics as it is about all fields. Because it has started to change teaching and learning processes. It is now accepted that teachers use technology tools in mathematics to increase students' interest and facilitate their

understanding of mathematics. According to Peker, the benefits of using new technologies in mathematics education are:

It is considered to develop positive attitude towards mathematics, increase interest, comfort and reduce fear of mathematics lessons and more importantly develop effective thinking skills such as analytical and critical thinking. The tools introduced include computers, compatible calculators (e.g., programmable video disks, CD-ROMs), networks, and some other new media (hypertext, hypermedia, etc.). But all these innovations must be taken as a whole. programs, teaching and assessment methods, and considering all educational dimensions of hardware and software as a whole is essential to the success of such applications.

Those researchers explained the use of computers in mathematics classes in this way.

- 1. Experience*
- 2. Educational based games*
- 3. Similarities*
- 4. Individual teachers*
- 5. Problem solving*
- 6. Material development*
- 7. Records Management*

According to Jinich, students can achieve success in mathematics using computers.

The most important factor is the programs. However, most of these programs make students addicted to the screen. In addition, computers have the ability to create both graphics and sound and video. Using these can also affect the student. The user often asks multiple-choice questions about a topic and can immediately answer them and get feedback on those answers. There is always a chance to go back to previous explanations in case of problems. In addition to all these teaching styles, multimedia programs are also used in classrooms in modern mathematics teaching.

And in web-based education, thanks to various multimedia software, you can place elements such as sound, images, graphics, and animation to transmit developing and changing information and technologies at the same time. It can transform new technologies and information into permanent knowledge and experience through the power of interaction. The use of the Internet in the educational environment allows teachers to communicate synchronously and asynchronously, both among themselves and with students creates opportunities to carry out educational activities. Access to the information and communication services offered by the Internet can be listed as follows for the components that can be used for educational purposes.

- Allows a group of users to communicate synchronously, IRC (Internet Relay Chat).*
- E-mail (electronic mail), which allows asynchronous communication between users.*
- Usenet, which allows for asynchronous discussion, multimedia and data transfer.*
- Multimedia, which provides access to data in various structures such as text, image, sound, animation, WWW, (World Wide Web)*
- MUDs (Multi-User Domains) and MOOs (Multi-User Object-Oriented) enabling real-time interaction by providing text-based communication*

It is possible to use these services provided by the Internet for educational purposes. Students' email They can send lecture notes to each other and send homework to their teachers even if they don't understand it.

Existing research can improve the learning environment of technology if used correctly and appropriately. The rapid development of Internet technologies opens up new opportunities and fields of application for distance education. In this regard, the Internet is a new tool in terms of distance education. Internet-based distance learning programs are a student-centered learning paradigm. It also represents a real shift towards a centralized field. Acquiring information, evaluating information, organizing information, using information and sharing it with others is very important. . As a result of all this, we need to be informed in the educational environment. We may use any means that will allow us to transmit, use and distribute information. The methods and teaching methods we use for skills that are in effect today, programs should be revised and changed. Information technologies, culture and the economy has become a force for change. Therefore, classical teaching methods should be changed. Teaching methods and scope should be revised according to the requirements of the times and society. Technology helps us in education as well as in other fields.

References

- 1. Baykul, Yaşar. (1993). İlköğretimde Matematik Öğretimi, Ankara : Pegem, 24.*

2. Baykul, Yaşar. ve Aşkar, Petek. (1987). *Matematik Öğretimi*, Eskişehir : Anadolu Üniversitesi Açıköğretim Fakültesi Yayınları, 94.
3. Schoenfeld, A.H. (1989). *Toward The Thinking Curriculum Association for Supervision and Curriculum Development*, 86. *The Turkish Online Journal of Educational Technology – TOJET* January 2003 ISSN: 1303-6521 volume 2 Issue 1 Article 7 49
4. Çağlayan, M.Ufuk. (2001). *Bilgisayar Destekli Eğitimden İnternet Destekli Eğitime*, *Bilişim Kültürü Dergisi*, 29, 79, 16.
5. Intermedia., *İnternet ve Yerel Alan Ağı (LAN) Üzerinden Bilgisayar Okur-Yazarlığı ve Bilgi Teknolojisi Eğitimlerine Farklı Bir Yaklaşım*, (Çevrimiçi) (2001). <http://www.intermedia.com.tr>.
6. Jonassen, D.H. , K.L.Peck, B.G.Wilson. (1999). *Learning with Technology : A Constructivist Perspective*, New Jersey: Merrill, 67-68.
7. Zorana Ercagovak, Erika Yamasaki. (1998). *Information Literacy: Search Strategies, Tools & Resources*. *ERIC Digest* (Çevrimiçi), <http://www.gse.ucla.edu/ERIC/eric.html> .
8. American Library Association. (2000). *New Visions: Beyond ALA Goal 2000. Planning Document*, American Library Association., Chicago, 230.
9. Özden, Nüvid. (2000). *Eğitim de değişiyor mu?*, *Bilişim Kültürü Dergisi*, 75, 80

THE INFLUENCE OF MOTIVATION ON LEARNING SUCCESS CHINESE LANGUAGE AT THE UNIVERSITY IN THE ARMENIAN LANGUAGE ENVIRONMENT

Kristina Hrachyayevna Muradyan

English teacher at the «English whith Lora» Language Center

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ НА УСПЕШНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ В АРМЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Кристина Грачяевна Мурадян

Преподаватель английского языка в языковом центре «English whith Lora»

Abstract

From the perspective of active changes and reforms in the language education system of our Republic, it seems relevant to pay special attention to the motivation of teaching Chinese in universities of the Republic of Armenia. This need is dictated by both objective and subjective reasons. One of these reasons is the introduction of a credit education system into the educational space of Armenia, which assumes the independent choice of a foreign language by students. Therefore, we consider it necessary, first of all, to identify the main motives of Armenian students in choosing such a subject of study as the exotic and difficult Chinese language for Armenians in order to have a targeted impact on the students. Keywords: motivation, Chinese language, Chinese culture, student motives, positive result of motivation, interest in learning.

Аннотация

*В ракурсе активных перемен и реформирования в системе языкового образования нашей республики нам представляется актуальным обратить особое внимание на **мотивацию обучения китайскому языку в вузах РА**. Такая необходимость продиктована как объективными, так и субъективными причинами. Одной из этих причин является внедрение в общеобразовательное пространство Армении кредитной системы обучения, предполагающей самостоятельный выбор студентами изучаемого иностранного языка. Поэтому считаем необходимым, в первую очередь, определить основные мотивы учащихся-армян в выборе такого предмета обучения, как экзотичный и трудный для армян китайский язык для оказания целенаправленного воздействия на обучаемых.*

Keywords: *motivation, Chinese language, Chinese culture, student motives, positive result of motivation, interest in learning.*

Ключевые слова: *мотивация, китайский язык, китайская культура, мотивы учащихся, позитивный результат мотивации, интерес в обучении.*

¹Введение

В настоящее время в геополитической ситуации в мире происходят огромные перемены, связанные с различными факторами. Эти перемены, естественно, отражаются и на образовательном пространстве всех цивилизованных стран, в том числе и Армении. Соответственно, в системе образования Республики Армения требуется незамедлительное проведение всевозможных инновационных реформ, подразумевающих создание адекватных вехам времени новых (возможно, нетрадиционных) подходов в методике преподавания иностранных языков. Представляется очевидным, что эти реформы дадут реальную возможность по-иному осознать деятельность преподавателя иностранных языков и закономерно изменит традиционно устоявшиеся роли преподавателя и учащегося в процессе преподавания и изучения ИЯ. Сказанное, естественно, относится и к тем иностранным языкам, которые недавно стали активно внедряться в образовательное пространство Армении и

¹ Статья написана в рамках Проекта Фонда «Совместный иностранный специальный проект 2022 года по международным исследованиям в области китайского образования, проводимый Центром китайско-иностранного обмена и сотрудничества Министерства образования Китая». Номер проекта: 22YH34ZW

стали уже весьма востребованными. Речь идет, в-первую очередь, о китайском языке, который с огромной скоростью набирает популярность в нашей республике.

Отметим, что на сегодня преподаватель иностранного языка воспринимается учащимися не как своеобразный передатчик необходимой информации, как это имело место в конце прошлого столетия. Сейчас он уже активный организатор осмысленного процесса обучения. При этом актуальной и востребованной становится функция, подразумевающая, в-первую очередь, воспитание поликультурной личности, которая должна будет научиться жить в постоянно изменяющемся и совершенствующемся обществе, которое подвержено активному глобализационному процессу, справедливо диктующему совершенно новые условия процесса обучения иностранным языкам.

В настоящее время в Республике Армения китайский язык и китайская культура справедливо воспринимаются как один единый компонент образовательного процесса, который неразрывно связан с родным (армянским) языком и родной культурой, равно как языками и культурами других стран, что представляется вполне естественным. Сегодня методисты-синологи Армении обращают серьезное внимание на мотивационный уровень изучения китайского языка. Следует отметить, что мотивация в значительной степени зависит непосредственно от взаимоотношений нашей республики с КНР в различных сферах: дипломатия, политика, культура, искусство, экономика, туризм и пр. При этом следует оговорить, что экономические и политические факторы оказываются первостепенными в сложном процессе создания мотивации изучения китайского языка в РА. Так, например, студентов, выбравших китайский язык в качестве иностранного, может пугать бесперспективность: поможет ли им после окончания учебы знание китайского языка, будут ли они востребованы на рынке труда?

Мотивация обучения китайскому языку в вузах РА

Таким образом, на данном этапе в ракурсе активных перемен и реформирования в системе языкового образования нашей республики нам представляется актуальным обратить особое внимание на **мотивацию обучения китайскому языку в вузах РА**. Такая необходимость продиктована как объективными, так и субъективными причинами. Одной из этих причин является внедрение в общеобразовательное пространство Армении кредитной системы обучения, предполагающей самостоятельный выбор студентами изучаемого иностранного языка. Поэтому считаем необходимым, в первую очередь, определить непосредственно основные прагматичные мотивы учащихся-армян в выборе такого предмета обучения, как экзотичный для современной Армении китайский язык для оказания целенаправленного воздействия на обучаемых.

Мы считаем, что положительным результатом этого воздействия станет не только существенное расширение контингента учащихся, решивших изучить китайский язык. При этом обязательно повысится эффективность процесса изучения китайского языка в Армении. Оговорим, что в ракурсе решения нашего правительства о совершенствовании системы образования РА, актуальная проблема повышения эффективности обучения иностранным языкам (в том числе и китайского) становится особенно важной актуальной. В контексте мотивации решающим фактором может стать очевидное признание того, что китайский язык востребован во всем мире и большое процент научной литературы функционирует на китайском языке. А будущим специалистам необходимо уметь профессионально работать с зарубежной научной и научно-методической литературой по профилю специальности, равно как и грамотно ориентироваться в потоке информации, который постоянно нарастает, и при этом уметь извлекать из этого потока необходимые данные, в том числе и на китайском языке.

Сегодня значимость мотивации в процессе изучения китайского языка как в Республике Армения, так и практически во всем мире подтверждается серьезным интересом как непосредственно к китайскому языку, так и к уникальной китайской культуре, экономике и т.д. Не остаются без внимания и вопросы методики преподавания китайского языка, о чем красноречиво свидетельствуют различные публикации методистов-синологов, их актуальные доклады на всевозможных научных и научно-методических конференциях, симпозиумах, круглых столах и пр. При этом особо оговаривается насущная необходимость разработки инновационных модернизированных учебников китайского языка, которые должны иметь практически новую структуру, новое современное содержание, соответствующее потребностям учащихся-армян, а именно: иметь четкую национальную направленность,

учитывать достижения современной методики преподавания иностранных языков, в целом, и методики преподавания китайского языка, в частности, а также педагогики и психологии.

В контексте существенных изменений в языковом образовании РА (оговаривается право выбора студентами изучаемого иностранного языка, что вполне закономерно приведет к жесткой конкуренции иностранных языков, востребованных в нашей республике), актуальным представляется правильная разработка системы продвижения китайского языка в Армении, грамотная политика его распространения, корректные разговоры со студентами о престижности, равно как и необходимости изучения китайского языка как учебного предмета, о тех огромных культурных ценностях в мировом масштабе, которые с ним связаны, а также внушительным объемом научной информацией, которая непременно станет им доступной.

В традиционной методической системе обучения китайскому языку как иностранному под мотивом понимается естественное побуждение к тому или иному виду учебной деятельности, связанное непосредственно с удовлетворением потребности обучаемого, равно как и совокупность внешних и внутренних условий обучения, вызывающих активность учащихся и определяющих ее конкретную направленность. В качестве мотивов могут выступать, в первую очередь, присущие данному обществу (в нашем случае – РА) объективные и субъективные ценности, а также идеалы и интересы – все это следует учитывать для определения конкретных методических приемов обучения китайскому языку учащихся-армян, а также для грамотной разработки адекватной методической системы. В случае принятия их учащимися-армянами они приобретут актуальный личностный смысл и эффективную побудительную силу. Мотивация – это однозначный процесс воздействия на адресата (в нашем случае – учащегося). Исходя из современных педагогических и психологических представлений в методической науке, мотивационной сферой учащегося считают «совокупность стойких мотивов, имеющих определенную иерархию и выражающих направленность личности» [1].

Оговорим, что, в конечном итоге, мотивация изучения любого иностранного языка (в данном случае китайского), равно как и мотивация изучения других учебных предметов как в школе, так и в вузе, является сочетанием как социально-познавательных, так и личностно-нравственных и утилитарных мотивов.

Обоснование изучения китайского языка учащимися-армянами

Согласно данным армянских, китайских и зарубежных методистов, мотивация изучения любого иностранного языка естественным образом поддерживается его четким конкретным местом в системе образования данной страны (в нашем случае – Армении). Отметим, что в настоящее время китайский язык и в Европе, и в Америке, а также в странах бывшего Советского Союза испытывает серьезную конкуренцию со стороны других международных языков. Более того, для Республики Армения объективной реальностью является логичная конкуренция, в первую очередь русского, равно как и английского языков, и далее - немецкого и французского. Из восточных языков сегодня в Армении в качестве конкурентов китайскому языку по объективным и субъективным причинам популярны фарси и хинди. В связи с этим методисты-синологи нашей республики должны поставить перед собой закономерный актуальный вопрос: для чего сегодня учащимся-армянам нужно изучать китайский язык? – и, соответственно, найти убедительные аргументы, суметь корректно и грамотно, на научной основе доступно ответить на него.

Мы считаем, что в качестве базовых объективных факторов, предопределяющих конкретные мотивы выбора в качестве учебной дисциплины именно китайского языка учащимися Армении, могут стать следующие:

- во-первых, реальная возможность использования китайского языка в последующей деятельности, соответственно – востребованность на рынке труда;
- во-вторых, доступ к существующей на китайском языке необходимой интересной и актуальной информации;
- в-третьих, осознание огромной роли китайского языка как языка-посредника при международных и межличностных контактах.

Обозначенные выше базовые факторы, как правило, должны преломиться в сознании учащихся, становясь при этом серьезным и эффективным источником мотивации в изучении китайского языка. Мы считаем, что сегодня в нашей республике китайский язык реально соответствует вышеназванным факторам.

Сложившиеся индивидуально-личностные позитивные представления, которые могут возникнуть на фоне полученных впечатлений и тем самым оказать весьма благоприятное воздействие на воображение учащихся (эти представления могут быть связаны с мелодиями китайских песен, положительными героями современных китайских фильмов, образами китайских спортсменов и т.д.), могут стать реальным источником мотивированного подхода к изучению китайского языка. Отметим также, что среди факторов, успешно формирующих мотивацию, можно назвать также и эффективные инновационные способы организации процесса обучения китайскому языку.

Методисты справедливо считают внешними источникам, которые активно влияют на поддержание, равно как и повышение мотивационного уровня, определенные составляющие способов организации обучения иностранным языкам, а именно:

- Соответствующая реалиям объективной действительности модернизированная методика преподавания иностранных языков;
- Современные актуальные учебные материалы (инновационные учебники и интересные учебно-методические пособия, грамотно отобранные материалы к практическому курсу китайского языка, разработанные на научной основе лингафонно-компьютерные курсы т.д.);
- личность преподавателя китайского языка, его высокая научно-методическая подготовка, а также соответствующие компетенции: лингвистическая, психологическая, педагогическая;
- контингент учащихся;
- эффективная организация как аудиторной, так и внеаудиторной работы учащихся;
- создание искусственной языковой среды, подключение к учебному процессу дистанционных способов обучения, мультимедиа;
- востребованность и актуальность изучаемого текстового материала, который непременно должен отражать реалии современной действительности.

Оговорим, что деление мотивов на внутренние и внешние происходит отнюдь не механически, поскольку внешние мотивы могут быть как положительными (мотивы необходимости изучения китайского языка, мотивы успеха и реальных достижений), так и отрицательными (мотивы трудностей, сильной интерференции, непонимания, отторжения). Этим обусловлен тот факт, что сегодня методисты постоянно рассуждают о социально - психологической оптимизации учебного процесса, которая непосредственно связана с выработкой так называемого оптимального педагогического общения на уроке иностранного языка, что даст возможность создать реальные эффективные условия для поднятия уровня мотивации учащихся, изучающих китайский язык и творческого характера самой учебной деятельности. В современных условиях учебного процесса огромную значимость приобретает личностно-ориентированный подход к учащемуся [2], который может стать успешной дополнительной мотивацией при изучении китайского языка учащимися-армянами.

Согласно известному в методической науке закону Йеркса-Додсона, который был сформулирован в прошлом столетии, однако актуален и сегодня, эффективность деятельности напрямую зависит от силы мотивации [3]. Таким образом, получается, что чем сильнее побуждение к действию, тем выше его результативность. Поэтому мотив обучения китайскому языку может характеризоваться не только качественно, но и количественно, то есть сильный и слабый мотив.

Представляется совершенно очевидным, что если учащимся интересно на уроках китайского языка, если они реально ощущают необходимость знания этого языка, то у них эффективнее работают мышление, память, внимание, которые являются основными механизмами как речевой, так и когнитивной деятельности индивида. При этом у студентов закономерно повышается их работоспособность, они начинают активнее усваивать предлагаемые языковой материал. Итак, можно констатировать, что сильная мотивация – это актуальный фактор интеллектуализации и интенсификации процесса обучения китайскому языку как иностранному.

Выводы

В настоящее время в методической науке ученые отмечают профессиональные и личностные интересы. Как правило, профессиональные интересы должны обеспечивать более высокий уровень мотивации. Конечно, следует учитывать и тот факт, что образовательная ценность любого языка (в том числе и китайского) состоит прежде всего в том, что

иностранный язык реально может открыть возможность к познанию, осознанию и принятию другой культуры, истории страны изучаемого языка, духовных ценностей ее народа. Все это будет способствовать успешному пониманию между армянским и китайским народами в образовавшемся армянско-китайском межкультурном пространстве и поможет развить адекватные навыки поведения, необходимые для грамотного пребывания граждан Армении в КНР и правильного общения с его носителями.

Культура китайского народа – это отражение его особого специфичного национального менталитета. Она может мотивировать учащихся к изучению китайского языка, привлекая их своей необыкновенной и неповторимой самобытностью, интересными чертами повседневной жизни, уникальными правилами этикета, а также туристической экзотикой.

Таким образом, изучая культуру Китая, учащиеся-армяне глубже познают свою собственную и сумеют сломать барьеры межкультурного общения не только в культурной сфере, но и в области политики, экономики.

Литература

1. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. СПб, 2004, с.184.
2. Давер М.В. Мотивационно - стратегические аспекты личностно-ориентированного обучения языкам на начальном этапе. СПб., 2006.
3. Цит.по: Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика, СПб, 2004, с.185.

References

1. *Bordovskaya N.V., Rean A.A. Pedagogy. St. Petersburg, 2004, p.184.*
2. *Daver M.V. Motivational and strategic aspects of personality-oriented language learning at the initial stage. St. Petersburg, 2006.*
3. *Cit. by: Bordovskaya N.V., Rean A.A. Pedagogy, St. Petersburg, 2004, p.185.*

**CHINESE-ARMENIAN BILINGUAL EDUCATION AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF
MULTICULTURAL EDUCATION IN THE REPUBLIC OF ARMENIA**

Inna R. Sargsyan

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Professor of the Department of Russian Language at V.Y. Bryusov State University:

*Professor of the Department of Russian Language and Professional Communication at the
Russian-Armenian University*

Khan Mingire

Lecturer at Dalian University of Foreign Languages, Dalian, People's Republic of China

**КИТАЙСКО-АРМЯНСКОЕ БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ¹**

Саркисян Инна Робертовна

Доктор педагогических наук, профессор

Профессор кафедры русского языка Государственного университета им. В.Я. Брюсова:

*Профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-
Армянского университета*

Хан Минжие

*Преподаватель Даляньского университета иностранных языков г. Далянь,
Китайская Народная Республика*

Abstract

The article analyzes the main approaches to defining the goals and conceptual provisions of multicultural education from the perspective of learning Chinese in the Republic of Armenia, examines the problems of linguistic multicultural education, the development and implementation of new learning technologies involving the creation of didactic conditions for the transition from a reproductive model of the organization of the educational process to a problem-oriented model.

Based on the analysis, the author has formed his own vision of the essence of multicultural education and upbringing of students of the Republic of Armenia.

Аннотация

В статье проанализированы основные подходы к определению целей и концептуальных положений поликультурного образования в ракурсе изучения китайского языка в Республике Армения, рассмотрены проблемы языкового поликультурного образования, разработки и внедрения новых технологий обучения, предполагающих создание дидактических условий для перехода от репродуктивной модели организации образовательного процесса к проблемно-ориентированной модели.

На основе проведенного анализа сформировано собственное видение сущности поликультурного образования и воспитания учащихся Республики Армения.

Keywords: *multicultural education, reform of the education system, bilingual education, bilingualism, multicultural space.*

Ключевые слова: *поликультурное обучение, реформирование системы образования, билингвальное обучение, двуязычие, поликультурное пространство.*

²Введение

90-ые годы прошлого столетия ознаменовались в нашей республике существенным реформированием системы образования. Это стало одной из попыток преодоления возникших перед мировым сообществом и отдельными странами проблем, имеющих как общечеловеческое, так и региональное значение. Одной из таких проблем, особо актуальных для мононационального государства, коим является Армения, представляется актуализация идей

²Статья написана в рамках Проекта Фонда «Совместный иностранный специальный проект 2022 года по международным исследованиям в области китайского образования, проводимый Центром китайско-инострannого обмена и сотрудничества Министерства образования Китая». Номер проекта: 22YH34ZW

поликультурного воспитания. В этом аспекте в нашей республике были сданы попытки разработать различные методы и приемы обучения, позволяющие органично вписаться в актуальный процесс формирования поликультурного пространства современной цивилизации, интеграции различных социокультурных общностей в результате их активного взаимодействия.

Создание объединенного поликультурного общества в современном мире – необходимая реальность или утопия? С одной стороны, все большая глобализация и прозрачность государственных и культурных границ, с другой – отчуждение, негативные стереотипы, предрассудки, нескрываемая вражда. Вполне очевидно, что «насаждение» пресловутой толерантности не привело к какому-либо положительному сдвигу. А, собственно говоря, почему «терпимость», а не принятие и уважение культуры другого народа. Более того, создание нового культурного сознания, заключающегося в способности при контактах с чуждой культурой понять иной образ жизни, иную иерархию ценностей и отказаться от предубеждений.

Проблема самоопределения личности – осознания своего места в спектре культур – отчасти может быть разрешена в процессе обучения, а именно – в реализации концепции языкового поликультурного образования.

Мы проанализировали основные подходы к определению целей и основных концептуальных идей поликультурного образования. Рассмотренные актуальные подходы содержательно дополняют друг друга, а цели, сформированные в рамках отдельных теорий и концепций, могут рассматриваться как направление деятельности школы на различных этапах реализации поликультурного образования учащихся.

Сущность поликультурного образования и воспитания учащихся Армении

На основе проведенного анализа научно-методической литературы сформировалось наше собственное видение сущности поликультурного образования и воспитания учащихся Республики Армения, которое мы рассматриваем как вид целенаправленной социализации обучающихся, обеспечивающий:

- на когнитивном уровне – освоение (через призму национальной культуры и истории) ценностей мировой культуры, культурно-исторического и социального наследия различных стран и народов;
- на ценностно-мотивационном уровне – формирование социально-установочных, ценностно-ориентированных предрасположенностей обучающихся к межкультурной/кросскультурной коммуникации; развитие толерантности по отношению к другим странам, народам, культурам, социальным группам, религиям;
- на деятельно-поведенческом уровне – активное социальное взаимодействие с представителями различных культур (конфессий, социальных групп и пр.) при обязательном сохранении собственной культурной идентичности.

Важнейшей составляющей поликультурного образования, на наш взгляд, является обучение иностранному языку (в данном случае в ракурсе рассмотрения проблемы поликультурности применительно к Республике Армения – китайскому), владение которым в РА реально эксклюзивно расширяет возможности пользования преимуществами открытого общества.

Согласно определению, представленному в Энциклопедическом словаре-справочнике Культура русской речи, “поликультурное образование” (“multicultural education”) – это “педагогический процесс, в котором репрезентированы две или более культуры, отличающиеся по языковому, этническому, национальному или расовому признаку” [1: 132]. В свою очередь, концепция поликультурной личности предполагает неразделимость овладения “языковой картиной мира” носителей изучаемого (китайского) языка и концептуальной картиной мира, которая складывается из овладения вербально-семантическим кодом языка в совокупности с глобальной картиной мира, которая позволяет человеку понять новую для него социальную действительность.

Языковое поликультурное образование способствует становлению у обучающихся целостного и реального представления о современном поликультурном мире стран родного и изучаемого (китайского) языков, а также их подготовке к адекватной межкультурной коммуникации с представителями других стран и культур.

Использование китайского языка как способа постижения мира и приобщения к культуре других народов способствует осознанию учащимися принадлежности не только к определенной этнической группе, но и к мировому культурному сообществу.

Развитые формы общения открывают широкие возможности для становления и формирования поликультурной личности, способной к межкультурной коммуникации. Таким образом, китайского языка представляет собой для Армении прежде всего образовательную ценность, расширяющую спектр дальнейших образовательных и профессиональных перспектив выпускника школы.

В результате языкового поликультурного образования у обучающихся формируются представления:

- о культурном разнообразии современных поликультурных сообществ стран как родного, так и изучаемого языков;
- о сходствах и различиях между представителями различных этнических, социальных, лингвистических, территориальных, религиозных, тендерных и других культурных групп.

Поликультурное образование формирует способности позитивного взаимодействия с представителями других культурных групп в духе мира, в контексте диалога культур.

Формирование и развитие поликультурной среды в конце XX – начале XXI веков в мировом пространстве (в том числе и в Армении) осуществлялось (и продолжает осуществляться) под воздействием многих факторов (объективных и субъективных), определяющих на сегодняшний день актуальность поликультурного образования.

Одним из наиболее значимых факторов, на наш взгляд, является рост числа субъектов международных отношений и, как следствие, увеличение участников межкультурного диалога как на международном, так и на региональном уровне. Ранее зависимые этносы сформировали самостоятельную государственность с уникальными социокультурными идеалами, верованиями, традициями, обычаями и мировоззрением, а также стремлением быть равноправными партнерами во всем многообразии международных отношений. Примером такого государства является Армения.

Необходимость поликультурного образования на современном этапе обусловлена не только историческими и социокультурными предпосылками, но и опирается на ряд традиций современной философии, педагогики, психологии, психолингвистики.

Языковое поликультурное образование должно осуществляться на основе разработки и внедрения такой модели организации обучения, при которой учитываются общеевропейские и китайские требования к уровню владения иностранными языками. Вполне естественно, что необходим при этом и учет социокультурных особенностей изучаемых языков и культур, а также когнитивный аспект овладения культурой страны иностранного языка (Китай) средствами родного (армянского) и изучаемого (китайского) языков.

Разработка модели языкового поликультурного образования

Разработку модели языкового поликультурного образования необходимо осуществлять на основе концептуальных положений культурного самоопределения как теоретического конструкта, тем самым создавая методически благоприятные условия для поликультурного развития обучающихся средствами изучаемого языка. Культурное самоопределение включает ряд концептуальных положений, в частности, состоит из следующих компонентов:

- ✓ когнитивного;
- ✓ рефлексивного;
- ✓ поведенческого;
- ✓ духовного;
- ✓ может быть индивидуальным и групповым;
- ✓ может быть многомерным и многогранным;
- ✓ характеризуется динамичностью;
- ✓ может быть натуральным и искусственным, сознательным и бессознательным;
- ✓ регламентирует варианты приемлемости и вариативности.

Совершенно очевидно, что дальнейшее улучшение школьного и вузовского преподавания китайского языка, его распространение и популяризация в РА создает реальные предпосылки для более активного включения молодого поколения (школьников, студенчества) в информационное пространство, что на сегодняшний день представляется весьма актуальным.

В условиях, когда человек должен уметь сосуществовать в поликультурном пространстве, китайский язык может стать инструментом, с помощью которого становится возможным взаимопонимание и взаимодействие между представителями различных лингвосообществ. Отсюда вытекает необходимость уделять особое внимание проблеме формирования у учащихся способности эффективно участвовать в межкультурной коммуникации.

Культурное самоопределение в процессе языкового поликультурного образования:

- способствует осознанию обучающихся себя в качестве поликультурных субъектов в родной среде и пониманию того, что групповая принадлежность изменяется в зависимости от контекста коммуникации;

- позволяет выявить культурные сходства между представителями различных культурных групп стран соизучаемых языков и определить свое место, роль, значимость и ответственность в глобальных общечеловеческих процессах;

- дает возможность инициировать и принимать активное участие в действиях против культурной агрессии, культурной дискриминации и культурного вандализма.

Для монологического государства, коим является Армения, одним из наиболее целесообразных путей решения насущной проблемы формирования поликультурной личности является ориентация на билингвальное языковое образование, предполагающее «взаимосвязанное и равнозначное овладение учащимися двумя языками (родным и неродным), освоение родной и неродной/иностранной культуры, развитие учащегося как двуязычной и бикультурной (поликультурной) личности и осознание им своей двуязычной и бикультурной принадлежности» [2: 15]. Вышесказанное, естественно, предполагает грамотно разработанную билингвальную школьную базу как подготовительный этап для вузовского билингвального профессионального образования.

Культурное самоопределение обучающихся происходит посредством идентификации и персонификации по мере ознакомления с иной культурой на уроках китайского языка. В этой связи культурное самоопределение обучающихся в условиях языкового поликультурного образования станет возможным исключительно в рамках поликультурного подхода к обучению языку. Преимуществом данного подхода в отличие от многих других культуроведческих подходов (лингвострановедческого, лингвокультуроведческого) является дидактическая и методическая возможность расширения круга соизучаемых культур от этнических, религиозных, социальных, языковых субкультур к геополитически маркированным регионально-континентальным культурам и мировой культуре.

Обучение китайскому языку в условиях языкового поликультурного образования должно быть ориентировано на глобализацию целей его изучения. Выступая в качестве основного средства общения между представителями разных стран и культур, изучаемый (китайский) язык должен отражать культурное разнообразие современных поликультурных сообществ, а также культурное самоопределение участников диалога.

Как отмечает Б.М. Есаджанян, при наличии у выпускников армянских школ хотя бы субординативного билингвизма и правильной постановке аудиторной, внеаудиторной, а также самостоятельной работы студентов, в условиях вузовской подготовки специалистов высокой квалификации необходимо и возможно ориентировать студентов на достижение равного использования родного и иностранного языков в специальной и специально-научной деятельности, что приблизит их к координативному владению двумя языковыми системами и речью на обоих языках [2: 6]. При этом, естественно, межличностные отношения получат дальнейшее развитие и углубление, что даст реальную возможность кардинально изменить социальный статус учащихся. Это повлечет за собой заметное активное позитивное изменение мотива обучения китайскому языку.

Цели билингвального китайско-армянского образования

Практические цели билингвального китайско-армянского образования могут быть определены как:

- овладение навыками использования двух языков (родного – армянского и изучаемого – китайского);

- формирование и совершенствование межкультурной/кросскультурной компетенции учащихся-армян;

- развитие коммуникативной компетенции учащихся в родном (армянском) и изучаемом (китайском) языке;

- развитие у учащихся способности получать дополнительную (внеязыковую) информацию из разных сфер функционирования на территории Республики Армения изучаемого китайского языка.

На сегодняшний день это очень актуально, поскольку информация, поступающая, в первую очередь, через Интернет, для армян реально становится доступной на китайском языке. А реализовать вышеотмеченные цели – значит сформировать вторичную языковую личность учащегося, то есть такую личность, которая способна грамотно порождать и адекватно понимать речевые высказывания на китайском языке, а также уметь извлекать нужную информацию из общего потока все возрастающей информации.

Таким образом, лингводидактическая категория «вторичная языковая личность» может быть охарактеризована как совокупность способностей человека к адекватному взаимодействию с представителями других культур (в данном случае – к взаимодействию с представителями китайской культуры).

Концепт «вторичная языковая личность» на сегодняшний день весьма актуален. Осознание себя как вторичной языковой личности, в первую очередь, предусматривает:

- **осознание себя, как языковой личности в целом, включая:**

- а) мотивационный уровень,
- б) лингвокогнитивный уровень,
- в) семантический уровень.

- **способность пользоваться изучаемым (китайским) языком в реальной коммуникативной деятельности:**

- **способность к саморазвитию, к обеспечению креативной текстовой (коммуникативной) деятельности на иностранном (китайском) языке.**

Поликультурное образование предполагает создание дидактических условий для перехода от репродуктивной модели организации образовательного процесса к проблемно-ориентированной модели, в которой методической доминантой выступают различные виды коммуникативно-ориентированных проблемных ситуаций, отражающихся в определенных коммуникативных актах.

Дж.Остин предложил классифицировать все коммуникативные акты на локутивные, иллокутивные и перлокутивные [3: 237].

Дж.Сёрл развил эту теорию и выделил следующие коммуникативные акты:

- **репрезентативы** (высказывания, описывающие положение дел);
- **директивы** (высказывания, побуждающие слушателя к выполнению действия: команды, просьбы, указания, мольба и т.д.)
- **комиссивы** (высказывания, обязывающие говорящего сделать что-то: обещания, клятвы и т.д.);
- **экспрессивы** (высказывания, выражающие психологическое состояние: извинения, соболезнования, благодарность и т.д.);
- **декларативы** (высказывания, производящие изменения в положении дел: объявление войны, присвоение имени, звания и т.д.) [4: 154].

В ходе формирования межкультурной компетенции учащихся, изучающих китайский язык как иностранный, должно происходить овладение вышеперечисленными коммуникативными актами, вследствие чего обучающиеся смогут выстраивать дискурс в соответствии с риторическими традициями языка, адекватно ситуации общения с его носителями. Данные стратегии и нормы речевого поведения мы предлагаем включить в содержание специально отобранных аутентичных текстов, используемых в процессе обучения китайскому языку.

Включение в целевую установку обучения и в содержание образования страноведческих знаний, содержащихся в аутентичных текстах, в качестве коммуникативного компонента призвано обеспечить усвоение учащимися реалий китайской культуры, расширив их общий кругозор, что повысит, в свою очередь, интерес к изучаемому иностранному языку и поможет сформировать стойкую мотивацию.

Выводы

Продуктивная речемыслительная деятельность как на родном (армянском), так и на изучаемом (китайском) языке зависит от многих объективных и субъективных факторов, среди которых в настоящее время важное место занимают разнообразные модернизированные методические системы инновационного характера, учитывающие реалии современной

действительности и вехи времени и тем самым определяющие успешность билингвального обучения. Среди них хотелось бы особо оговорить непереносимое осознание учащимися, а также преподавателем мотивации армян к изучению иностранного и, главное, конкретно именно китайского языка.

Актуальный на сегодняшний день личностно-ориентированный подход обучения, лежащий в основе концепции формирования китайско-армянского двуязычия, ставит перед методистами как практические задачи организации уроков китайского языка (в школе, в вузе), так и теоретические вопросы, возникающие при определении содержания обучения и, соответственно, выборе дидактического материала, инновационных методов и средств обучения.

Переход учебного процесса (школьного, вузовского) на рельсы билингвального обучения настоятельно требует реальной перестройки всей системы учебно-методической, педагогической и психолингвистической деятельности преподавателя-синолога, которая должна быть направлена, в первую очередь, на то, чтобы учащиеся-армяне осознали тот очевидный факт, что речемыслительная деятельность на иностранном (китайском) языке призвана служить для осуществления грамотной коммуникации и восприятия говорящего в социуме, без чего она теряет свою значимость.

Билингвальное армянско-китайское обучение отнюдь не должно препятствовать совершенному овладению родным языком. Напротив, при разработке методических приемов стимулирования спонтанно-корпоративных структур родного (армянского) и изучаемого (китайского) языков осуществляется выработка новой языковой установки (установки речи на русском языке), поскольку эти приемы должны опираться на учет закономерностей выработки установки, дифференцированно в зависимости от сфер и участников общения. Более того, при обучении китайскому языку необходим обязательный учет фактов сопоставительной типологии армянского и китайского языков для предотвращения интерференции и активного использования транспозиции навыков. То есть опора на родной язык представляется нам необходимым условием билингвального обучения.

Литература

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под. общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. - М., 2003.
2. Есаджян Б.М. Некоторые особенности армянско-русского билингвизма и перспективы его развития. Сб. научных трудов. Специфика формирования и функционирования армянско-русского билингвизма. - Ереван, 1990.
3. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов? // Избранное. Пер. с англ. Л.Б. Маковой. В.П. Руднева. - М., 1999. - 332с.
4. Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты. Классификация речевых актов. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. - М., 1986. - С. 151-169.

References

1. Russian Russian speech culture: An encyclopedic dictionary / Under the general direction of L.Y. Ivanov, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva. - M., 2003.
2. Yesajanyan B.M. Some features of Armenian-Russian bilingualism and prospects for its development. Collection of scientific papers. The specifics of the formation and functioning of Armenian-Russian bilingualism. - Yerevan, 1990.
3. Austin J. How to perform actions using words? // Favorites. Translated from the English by L.B. Makeeva. V.P. Rudneva. - M., 1999. - 332s.
4. Searle J.R. What is a speech act? Indirect speech acts. Classification of speech acts. New in foreign linguistics. Issue 17. - M., 1986. - pp. 151-169.

Philological sciences

DIGITAL PLATFORMS IN LANGUAGE EDUCATION: THE POTENTIAL OF WORDWALL FOR EFFECTIVE LANGUAGE SKILLS DEVELOPMENT

Kismetova G.N

*Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor at
M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, Kazakhstan*

Agniyazova A.K.

*Master's student at the Department of Foreign Languages,
M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, Kazakhstan*

Abstract

This article explores the integration of digital platforms in language education, with a focus on the use of Wordwall for developing essential language skills such as grammar, vocabulary, and speaking. The study highlights how Wordwall's interactive, gamified exercises enhance student engagement and motivation in both traditional and blended learning environments. Drawing on theoretical foundations such as constructivist learning and active participation, the article provides insights into how Wordwall can be adapted to various learning levels, fostering individualized learning. Practical applications of Wordwall are discussed, along with the challenges of integrating digital tools into the curriculum, such as technological limitations and the need for teacher training. The article concludes by emphasizing the platform's potential to transform language learning through its adaptability and ability to improve language retention and student confidence.

Keywords: *Wordwall, digital platforms, language skills development, interactive learning, gamification, foreign language teaching.*

In recent years, the role of digital tools in education has grown significantly, offering innovative ways to enhance learning, particularly in language acquisition. The goal of teaching is to create an effective system that fosters students' cognitive development. Information and communication technologies (ICTs) have transformed the way people act and interact [1, p.1] One of the essential components of modern educational approaches is the integration of Information and Communication Technologies. The instructional and methodological letter for 2023–2024 advises teachers to include several strategies for developing digital skills, such as incorporating digital tools aligned with lesson objectives, employing game-based learning, and integrating digital resources at various stages of the lesson[2, p.63-64]. The education system is always an evolving process. In the development - of the education system, it is equipped with modern technologies and supplemented with methods. At this stage, the role of digital education is essential. In the digital education system, the availability of knowledge, employ the platform to engage the learner, use the task in a compact form, and perform several tasks in a short time make the work of teachers easier [3, p. 121].

The growing role of technology in everyday life has led to a revision of traditional teaching methods. ICT tools have reshaped educational processes, offering interactive platforms that not only facilitate knowledge acquisition but also promote problem-solving, creativity, and research activities. These technologies are crucial in updating subject content and enhancing student engagement, particularly by providing dynamic, individualized learning experiences. According to V.E. Evdokimova and O.A. Kirillov, digital educational platforms are an indispensable tool for organizing the learning process and predicting educational outcome, working correctly with the essential materials, viewing drawbacks and achievements, testing students' knowledge in the formation of professional English communicative competence [4].

Effective use of these e-tools depends on how they are implemented, requiring the right teaching method and clear language teaching goals[5, p.233]. In an information-driven society, students' learning activities now extend beyond memorization to include managing, processing, and transmitting data, providing greater opportunities for critical thinking and technological proficiency. of Information and Communication Technologies also enhances the visual aspect of education, allowing teachers to utilize

multimedia tools, such as videos and interactive programs, to create more dynamic and engaging lessons that help students immerse themselves in learning content.

Gamification can draw students' interest and attention by presenting academic material in an engaging and active manner, which improves the quality and effectiveness of learning. This is especially crucial in regional schools, as learners there could experience distinct difficulties including less access to resources or poorer academic performance [6, p.13]. Gamification, grounded in constructivist theory, supports active learning by transforming traditional educational tasks into engaging experiences. According to research, when students are actively involved in learning through interactive methods like quizzes and games, they are more likely to retain information and engage critically with the material. Wordwall, by incorporating elements of gamification, aligns with these pedagogical approaches, offering teachers the tools to create tasks that promote active student participation.

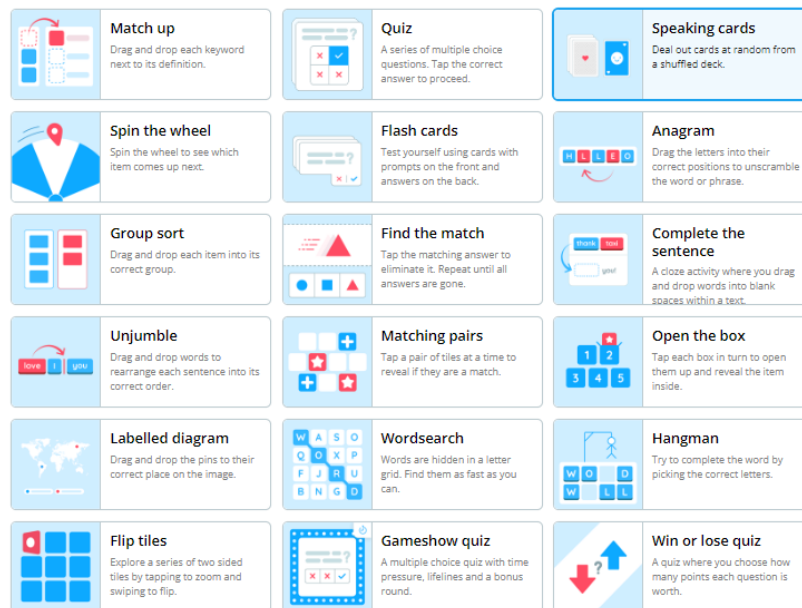
Wordwall aligns with modern pedagogical trends that emphasize active learning, student-centered approaches, and gamification. Interactive exercises like quizzes, matching tasks, and word games encourage cognitive engagement by allowing students to actively participate in their learning. This is particularly beneficial for language learning, where practice is key to proficiency. Research has shown that gamified tools like Wordwall improve motivation and enhance long-term retention of concepts [7]. Moreover, Wordwall offers customization options, allowing teachers to tailor tasks to student needs and proficiency levels, promoting differentiated instruction in classrooms where learning styles and skill levels vary. This adaptability is crucial in English language education, helping students progress at their own pace.

Wordwall is a powerful digital platform designed to enhance teaching and learning through interactive and engaging activities. It allows educators to create personalized learning experiences for students by offering a wide variety of customizable templates. These templates enable the creation of tasks suited for different levels, supporting the development of essential language skills like grammar, vocabulary, and speaking. By incorporating gamification and interactive exercises, Wordwall increases student motivation, providing an effective and enjoyable way to learn.

- **Interactive Learning:** Wordwall provides various interactive templates like quizzes, matching games, and word sorting that engage students and make learning more dynamic.
- **Customization:** Teachers can tailor activities to different learning levels, ensuring personalized learning paths that cater to individual needs.
- **Gamification:** By incorporating game-based methods, Wordwall enhances student motivation and engagement, making the learning process fun and competitive.
- **Flexibility:** Wordwall can be used for in-class, online, or blended learning, allowing students to practice independently outside of the classroom.
- **Real-Time Feedback:** The platform offers immediate feedback to students, enhancing learning through quick corrections and adjustments.

One of the main advantages of the Wordwall platform is its flexibility in creating assignments that can be tailored to various learning goals and student levels. Teachers can easily design tasks for both beginners and advanced students. For example, vocabulary learning exercises may include matching words with their definitions or translations. For more advanced learners, tasks that require using words in context can be created, which enhances sentence-building skills and promotes deeper language interaction.

Wordwall offers a wide range of customizable task types depending on the learning objectives. Teachers can choose from quizzes, matching games, sorting words, and more [Picture-1]. For grammar practice, teachers can create activities where students arrange sentence parts correctly, helping them grasp word order and syntax. These assignments allow educators to tailor lessons to meet specific student needs, ensuring a personalized learning experience.

Picture-1. «Wordwall Task Templates».

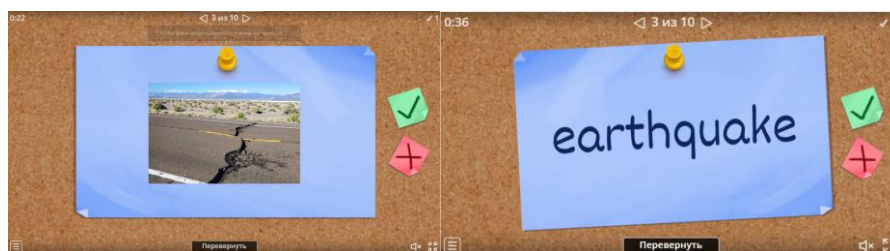
All these activities are more engaging than any ordinary exercises in the course book. Students get more interested in language learning.

In my experiment conducted at the «ALTYNSARIN» Language Center, I explored the use of Wordwall to teach the topic of «Natural Disasters». The lesson included interactive activities such as "Match Up," "Spin the Wheel," and "Quiz" to reinforce vocabulary and understanding of the causes and consequences of natural disasters.

In every stage of the lesson, Wordwall can be integrated to enhance student engagement and learning outcomes.

Introduction of New Material:

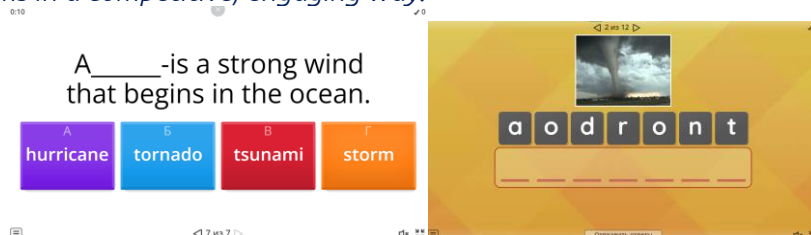
At the beginning of the lesson, Wordwall can be used to introduce new vocabulary and key concepts. For instance, using the "Match Up" activity, students can pair terms like "earthquake" or "flood" with their definitions. This makes the introduction of new material more interactive and engaging, as students actively match terms with their meanings. Additionally, "Flashcards" can be used to reinforce vocabulary, as they help students memorize key terms by repeatedly engaging with them in different formats.

Picture-2. Example of the task "Flashcards"

Reinforcement of Material:

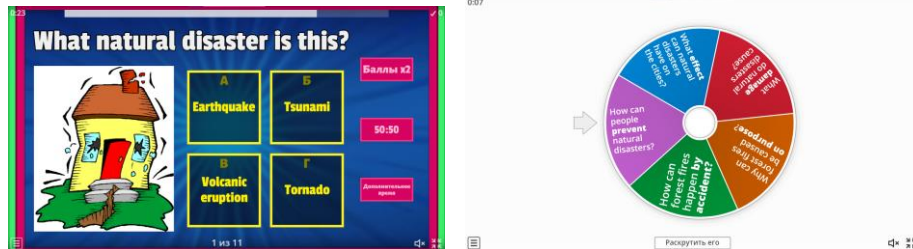
The "Quiz" tool can be used to check students' understanding of natural disasters, including causes, effects, and examples. This provides instant feedback, helping students understand which areas they need to improve. "Group Sort" is another excellent reinforcement activity, where students sort different disasters into categories like geological, meteorological, and hydrological, promoting critical thinking and analysis. For vocabulary practice, a "Wordsearch" can be used, allowing students to identify and remember key terms in a competitive, engaging way.

Picture-3. Example of the tasks "Quiz", "Wordsearch"

Assessment and Speaking Practice:

Towards the end of the lesson, Wordwall can be employed to assess student learning and enhance speaking skills. The "Gameshow Quiz" can be used to turn the review session into a fun, competitive activity where students answer questions about what they've learned. Additionally, the "Spin the Wheel" activity is perfect for practicing speaking. After spinning the wheel and landing on a question related to natural disasters, students must verbally respond to the question, improving their speaking skills while reviewing key concepts. This activity adds an element of unpredictability and encourages students to think quickly and articulate their responses clearly.

Picture-4. Example of the tasks "Gameshow Quiz", "Spin the Wheel"

By using these varied Wordwall activities at different stages of the lesson, teachers can create a dynamic, supportive, and interactive environment that fosters better understanding and retention of the subject matter.

The students showed noticeable improvement in their ability to retain and use new vocabulary.

Many of the participants, who initially struggled with terms like "earthquake" and "flood," were able to confidently apply these words in class discussions by the end of the lesson. The interactive tasks also encouraged greater participation, as students were more engaged and motivated. Even those who were initially hesitant began to actively contribute during the group activities, demonstrating an increased understanding of the material.

The experiment confirmed that integrating digital tools such as Wordwall into lessons not only improved vocabulary retention but also encouraged students to practice speaking more confidently, enhancing their overall language development.

While Wordwall offers substantial benefits, integrating it into a curriculum can pose challenges. One major issue is technological limitations. Not all schools have access to sufficient digital resources, such as computers or tablets, which can hinder the effective use of Wordwall in classrooms. To address this, schools can prioritize the purchase of shared devices or leverage government programs that fund technology for education. Wordwall, on the other hand, can be printed out, and users who register for an account on wordwall.net are given the ability to download a PDF file of the game. In conclusion, the application is userfriendly, making it easy for people to explore their creative side. It benefits teachers who want to get their students interested in learning[8, p.24].

Additionally, ensuring that students remain focused while using gamified learning tools can be tricky. Gamification, if not balanced, might cause students to focus on the entertainment aspect rather than the educational content. There is a need for technological pedagogical competence, in order to find sound ways of integrating ICT and refined teaching methods [9, p.2]. To mitigate this, teachers should establish clear learning objectives for each activity and use Wordwall as a complement to traditional teaching methods, rather than a replacement.

Finally, ensuring alignment with curriculum goals can be difficult for teachers who are new to digital platforms. Wordwall allows customization, which can sometimes overwhelm educators unfamiliar with these tools. To solve this, teachers can start by using pre-made templates available on Wordwall and gradually adapt them to meet the specific needs of their students.

Conclusion

Wordwall has proven to be a powerful tool in modern language education, providing educators with the flexibility to create engaging, interactive lessons that cater to various learning needs. Through its wide range of activities—such as matching games, quizzes, and word searches—students are able to develop core language skills like grammar, vocabulary, and speaking in a fun and dynamic environment. The platform's ability to promote gamified learning not only increases student motivation but also fosters deeper engagement with the material. According to the study, gamification leads to better learning results. When learning was gamified, students showed improved information retention and a deeper understanding of the subject matter. Students learnt to collaborate, communicate effectively, and solve problems as a group through team-based games and challenges[10, p.193]. However, the successful

integration of Wordwall into the classroom requires addressing certain challenges. Technological limitations in some schools may hinder its full adoption, while the need for teacher training is another factor to consider. Nevertheless, with proper planning and support, these issues can be mitigated. Schools can explore strategies such as shared digital resources and professional development programs to equip teachers with the skills and tools necessary for effectively incorporating Wordwall into their curriculum.

One of the platform's key strengths lies in its ability to accommodate different learning styles and levels, making it suitable for both individual and group work. Teachers can easily adapt exercises to the specific needs of their students, ensuring that each learner can progress at their own pace. This customization enhances the effectiveness of Wordwall as a learning tool and creates a more inclusive educational environment.

As digital learning continues to evolve, tools like Wordwall will play an increasingly important role in shaping the future of education. By offering a blend of interactivity, customization, and gamification, Wordwall empowers both teachers and students to embrace a more dynamic approach to language acquisition. In the years to come, it is likely that digital platforms like this will become integral to creating meaningful, personalized learning experiences that foster both academic growth and student engagement.

This conclusion expands on the platform's benefits, challenges, and future prospects while wrapping up the key ideas in the article.

REFERENCES

1. Cabellos, B., Siddiq, F., & Scherer, R. . The moderating role of school facilitating conditions and attitudes towards ICT on teachers' ICT use and emphasis on developing students' digital skills.//Computers in Human Behavior, 150. 2024 <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107994>
2. Instructional and Methodological Letter "On the features of teaching science in general education organisations of the Republic of Kazakhstan in 2024-2025" Astana, 2023. <https://uba.edu.kz/storage/app/media/RUS%20%D0%98%D0%9C%D0%9F%202024.pdf>
3. A.B.Kenzhe A.U.Ussenbay H.Akkus The effectiveness of digital technologies in the formation of english language communicative competence in integrated learning.// Asead Cilt 10 Özel Sayı 2023, p. 116-129 <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/3102551>
4. Evdokimova V.E., Kirillova O.A. Possibilities of educational platforms for the organization of the educational process // Modern science-intensive technologies. No. 9. - P. 120-125; URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=39319>
5. G. Baigunissova , A. Tajieva , A. Bolatova The usage of web2.0 tools in teaching english as a foreign language // Bulletin of S.Ualikhanov KU. Philological Series. № 1, 2024
6. Abdullayeva U, Tilenbaeva. Educating through Games // Primary School. -2005
7. Olisna O. et al. Pengembangan Game Interaktif Wordwall untuk Meningkatkan Akhlak Terpuji Siswa Sekolah Dasar //Jurnal Basicedu. – 2022. – T. 6. – №. 3. – C. 4133-4143.
8. Swari N. WORDWALL AS A LEARNING MEDIA TO INCREASE STUDENTS'READING INTEREST //Jurnal Pendidikan Bahasa Inggris Indonesia. – 2023. – T. 11. – №. 1. – C. 21-29
9. Gellerstedt, M., Babaheidari, S.M., & Svensson, L. (2018). A first step towards a model for teachers' adoption of ICT pedagogy in schools. Heliyon, 4(9). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2018.e00786>
10. Shyrdaykyzy, J. M. ., Askarkyzy, S. A. ., & Yerzhankyzy, A. A. . (2024). GAMIFICATION IN LEARNING: TRANSFORMING EDUCATION IN REGIONAL SCHOOLS. International Journal of Formal Education, 3(5), 189–195.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND SYNONYM SELECTION

Arzu Huseynli

Azerbaijan State Pedagogical University, Baki, Azerbaijan

Teacher of the Foreign Languages Centre

<https://orcid.org/0000-0002-4571-4678>**Abstract**

This article delves into the nuances of synonym selection, emphasizing its significance in effective communication and information dissemination. Synonyms, while seemingly interchangeable, carry distinct connotations and contextual appropriateness that can alter the meaning of a message. The article presents a comprehensive framework for selecting the most suitable synonyms based on factors such as audience, tone, and context. Through an analysis of linguistic theories and practical applications, the paper outlines various strategies, including semantic mapping and context-driven analyses, to guide writers and speakers in their choice of words. Furthermore, it highlights the role of technology, particularly natural language processing tools. By examining case studies and real-world examples, the article illustrates the critical impact that synonym choice can have on clarity, persuasion, and engagement.

Understanding the role of AI in synonym selection is vital for leveraging its benefits while mitigating its limitations. The rise of artificial intelligence (AI) in language processing has transformed the landscape of synonym selection, offering both significant advantages and notable disadvantages. This article explores how AI-driven tools, such as natural language processing algorithms, enhance the accuracy of synonym recommendations, enabling users to select contextually appropriate alternatives more efficiently. One of the primary advantages of AI in this domain is its ability to analyze vast amounts of text data to provide nuanced suggestions that can cater to different tones, styles, and audiences. This capability not only streamlines the writing process but also aids in improving clarity and engagement in communication. However, reliance on AI for synonym selection presents certain drawbacks. Primarily, these tools may lack the deep contextual understanding that human writers possess, potentially leading to inappropriate or ambiguous synonym choices. Additionally, an over-reliance on technology can diminish a writer's vocabulary development and intuition. Through a balanced examination of these factors, this article argues for a hybrid approach, where AI serves as a valuable assistant while emphasizing the importance of human oversight and creativity in achieving effective and meaningful communication.

Ultimately, this exploration of synonym selection serves as a vital resource for scholars, writers, and communicators aiming to refine their linguistic precision and enhance their rhetorical effectiveness in an increasingly nuanced digital landscape. The investigation advocates for a more deliberate and informed approach to word choice that considers the broader implications of language in shaping understanding and fostering connection.

Keywords: synonyms, vocabulary, context, artificial intelligence, similar, precision

Introduction. What Are Synonyms.

In the realm of language and communication, the precision of word choice plays a pivotal role in conveying thought, emotion, and intent. Synonyms—words that have similar meanings but differ in nuances—serve as powerful tools for enriching expression and enhancing writing style. Synonyms can be defined as words that can replace one another in some contexts without significantly changing the meaning. However, the choice of synonym can alter the tone, clarity, and effectiveness of communication. For instance, consider the words "happy," "elated," and "content." While they all express positive emotions, each carries a distinct intensity: "happy" is a general term, "elated" implies a high degree of joy, while "content" suggests a peaceful, satisfied state. Thus, the selection of a synonym is not merely about finding an alternative word but about choosing the one that best fits the desired emotional resonance and contextual subtleties.

Main Considerations in Synonym Selection

The art of synonym selection is a skill that transcends basic vocabulary; it involves understanding context, connotation, and the subtle differences between words. This essay explores the importance of synonym selection, the factors influencing this process, and practical strategies to master this crucial aspect of language.

One of the primary considerations in synonym selection is context. The same word can imply different meanings depending on where it is used—be it literature, academia, or everyday conversation.[1, 26] For example, in a formal academic paper, one might opt for “utilize” instead of “use” to project professionalism and specificity, whereas “use” may be more fitting in casual dialogue. Context encompasses not only the situational backdrop but also the audience’s expectations and familiarity with the subject matter. Therefore, effective synonym selection requires a keen awareness of both the purpose of the communication and the audience’s perspective.

Another critical factor in synonym selection is connotation—the emotional association that a word carries. Different synonyms can evoke contrasting feelings, and a writer must be sensitive to these nuances. For instance, the term “childish” has a negative connotation, suggesting immaturity, while “youthful” carries a more positive tone, implying freshness and energy. Choosing the right synonym entails understanding these emotional nuances and deciding which best serves the intended message. Writers must consider not only what they want to say but how they want their words to be perceived.

Language is also deeply influenced by culture, and the nuances of synonyms can vary significantly across different cultures or social groups. A term that is synonymous in one culture may not hold the same weight or significance in another. For example, the word “family” can embody varying connotations depending on cultural backgrounds—some may see it as a biological relationship, while others might interpret it more broadly to include chosen kin. Writers must be mindful of these cultural dimensions to ensure accurate and respectful communication.[3, 280]

An important aspect of the art of synonym selection is the avoidance of clichés and redundancy. Overused phrases can diminish the impact of writing and make communication appear uninspired. Rather than relying on common synonyms, a writer should strive for originality and precision. For example, instead of using the often-cited phrase “very good,” a writer might choose alternatives like “excellent,” “superb,” or “exceptional.” The objective is to evoke a fresh perspective that captures the reader’s attention and preserves the vibrancy of language.

To master the art of synonym selection, writers can practice various strategies. The first involves reading widely across genres to absorb diverse word choices and applications. Exposure to different styles enriches vocabulary and fosters a deeper understanding of how synonyms function within varied contexts. [2, 41] Additionally, utilizing thesauruses—both digital and print—can be beneficial, but writers should exercise caution and prioritize understanding the connotations of suggested synonyms before use.

The next effective practice is engaging in writing exercises focused explicitly on synonyms. For instance, taking a simple sentence and rewriting it multiple times, each with a different synonym, can help highlight the emotional or contextual shifts that occur. Such exercises encourage writers to think critically about each word’s implications and to appreciate the delicate balance between meaning and tone.[4, 1]

The Role of AI in Choosing Appropriate Synonyms

Artificial Intelligence (AI) has made significant strides in understanding and generating human language, particularly through the development of sophisticated language models. Tools like DeepAI’s GPT, Google’s BERT, and others have been trained on vast datasets that include a plethora of words, phrases, and their contexts. This training allows these models to comprehend the nuances of synonyms—their meanings, uses, and relationships. For instance, when a user inputs a word, AI can generate a list of synonyms that are contextually appropriate, enhancing the richness of the text produced. This capability showcases a leap in AI’s linguistic sophistication, enabling writers, marketers, and educators to communicate more effectively and creatively.

However, the ability of AI to generate synonyms is not without its limitations. While language models can identify synonyms that are technically accurate, they may struggle with the subtleties of connotation and emotion tied to specific words. [5, 3] For instance, synonyms like “slim” and “skinny” may be semantically related but can evoke different feelings or societal perceptions. AI might not always grasp these nuances, leading to the inappropriate or unintended use of certain synonyms in specific contexts. Furthermore, the reliance on large datasets means that if the data contain biases or outdated

terms, these inaccuracies can be perpetuated in the synonym generation process. Thus, while AI tools offer groundbreaking advancements in understanding synonyms, they require careful human oversight to ensure effective communication that respects context and connotation.

Additionally, the evolution of AI models continues to push the boundaries of language processing. Recent advancements involve fine-tuning models with specific datasets to improve their context-awareness, thereby enriching their synonym-generation capabilities. For example, models can be trained on literary texts, technical manuals, or conversational dialogues to refine their understanding of how synonyms function in different genres. This specialization helps AI better cater to user needs, providing options that are both contextually relevant and stylistically appropriate. Nevertheless, as we stand on the cusp of even more powerful language technologies, it is crucial to address the ethical implications of AI-generated language and the potential for misuse, ensuring that human sensitivity and understanding remain integral to any AI-assisted communication.

The art of synonym selection is a critical skill for effective communication, allowing for greater precision, clarity, and emotional depth in writing. By understanding context, connotation, cultural nuances, and the importance of avoiding clichés, writers can enhance their linguistic abilities and engage their audiences more profoundly. Ultimately, the deliberate and thoughtful selection of synonyms not only elevates the quality of writing but also enriches the reader's experience, allowing language to truly resonate and connect.

Conclusion.

While AI tools and language models have undoubtedly advanced our ability to understand and generate synonyms, their limitations underline the need for a collaborative approach. The combination of AI's processing power and human insight promises a future where language can be navigated with greater precision, bridging gaps in understanding and allowing for richer, more nuanced communication. [6, 2]As the field continues to evolve, ongoing research and responsible application will be vital in shaping how AI interacts with the complex tapestry of human language, particularly in the realm of synonyms.

The art of synonym selection is a critical skill for effective communication, allowing for greater precision, clarity, and emotional depth in writing. By understanding context, connotation, cultural nuances, and the importance of avoiding clichés, writers can enhance their linguistic abilities and engage their audiences more profoundly. Ultimately, the deliberate and thoughtful selection of synonyms not only elevates the quality of writing but also enriches the reader's experience, allowing language to truly resonate and connect.

References

1. Aiman Yousif Modeer Ismail. "Understanding and using synonyms and antonyms" *American Journal of Applied Linguistics*, San Francisco, USA, Volume 11, Issue 1, March 2023
2. Klaus-Bernhard Vomend. "Different Kinds of Synonymy in Language" Munich, GRIN Verlag, <https://www.grin.com/document/108564>, Jan 2022
3. M. Lynne Murphy. "What We Talk About When We Talk About Synonyms" *International Journal of Lexicography*, Volume 26, Issue 3, September 2013, Pages 279–304, <https://doi.org/10.1093/ijl/ect023>, August 2013
4. <https://paperpal.com/blog/academic-writing-guides/language-grammar/what-are-synonyms-in-writing-how-to-use-it-correctly>
5. <https://support.boostcommerce.net/en/articles/9360371-how-to-enable-ai-synonym-search>
6. <https://medium.com/@nikhilbd/how-to-use-machine-learning-to-find-synonyms-6380c0c6106b>

THEORETICAL ISSUES OF TERMINOLOGY

Abdullayeva Gunay Allahverdi
ASPU, CIL, English teacher
Baku, Republic of Azerbaijan

Abstract

The term is used in linguistic literature in very different and developmentally ambiguous meanings. The terms of science, technology, art, socio-political terms, industrial and agricultural terms, physical education and sports terms, terms related to household and kinship relations are discussed. One of the linguists, N. Krushevski even noted that there is a special group called "natural terms" in the vocabulary of the language. By "natural terms" he meant the names of things that change later.

Keywords: linguistic, term, language, terminology, inseparable

So what is the term? In order to properly understand the specific nature of the term, it is first necessary to refer to the word, which is a general concept. Because the term is also a word. The word is the basic unit of language. It is impossible to imagine the existence of language without words. Human thoughts are expressed through words. The words belonging to each language are created based on the internal rules of that language and consist of the unity of a certain sound complex and meaning. Therefore, it is necessary for each word to have two aspects, language sign and meaning. F. de Saussur especially noted the symbolic nature of language. He called language "a system of signs expressing ideas" and showed various signs of those signs.

It is necessary to take into account such an aspect that words are divided into two groups according to their meaning and function. 1. To independent words 2. To auxiliary words that create a connection between independent words and express grammatical categories in independent words. Words with independent meaning are related to certain concepts and can be used separately. The term is also a word with an independent meaning. The language sign of such words corresponds to a certain concept of the system of concepts. E.M. Galkina Federuk writes: "We call that word a term, which corresponds to any fully defined concept in the field of science, technology and art" (22; 5).

Often, when talking about the essence of the term, the issue of accuracy and correctness of the meaning is brought to the fore. "A term is a word with a strictly defined meaning. But such an idea is not exhausted. Because some terms have an approximate, vague meaning. Also, a number of words with a strictly defined meaning have not yet been accepted as terms.

Sometimes, they see the specificity of the term in its ambiguity, systematicity, absence of homonymy and synonymy. However, in real terminology we also find cases of homonymy and synonymy.

Often, in discussions about terminology, as well as in research studies, such an idea is put forward that as if nothing in the field of terminology is the same as in the general literary language or vice versa.

Thus, an impassable barrier is placed between the general lexicon and the terminological lexicon of the language. But this principle is not correct. When we turn to real facts, it becomes clear that some aspects of words in the common literary language are also characteristic of terms.

Of course, it is not correct to equate terms with other words in the language based on common aspects. Prof. B. Chobanzade wrote: "Istilah, when taken socially, is inseparable from other words. Istilah also means any substance or idea and feeling that is known and obtained as a result of social production, and this is the task of the word. However, there are some differences between ordinary word and istilah-term.

But what are these differences?

Terms differ from other words in the following ways:

1. It differs more from monosemy (monosemy) of the term.
 2. The term is precise, has a nominative function; lacks emotionality and expressiveness.
 3. The term is stylistically neutral.
 4. The term can be used uniformly in several languages, even internationally, in a certain field of terminology.
 5. The term has a systemizing property.
- Tendency of monosemy in terms.

In textbooks and textbooks on linguistics, as well as in works written on theoretical issues of terminology, it has been repeatedly mentioned that ambiguity is the main aspect that distinguishes terms from other words in the language. For example, P.A. Speaking about the specifics of the term in his work "Essays on Linguistics", Budagov writes: "Although polysemy has entered the lexicon of the most diverse modern languages, polysemy (polysemy) is usually eliminated in the system of terms. The term strives towards monosemy (monosemy). Each scientific term usually has a well-defined meaning. For example, when we pronounce terms such as triangle, sulfuric acid, and momentum, each of them has a single meaning, regardless of context. Ambiguity of these or other terms is considered a defect and often creates confusion. Indeed, polysemy is a characteristic feature of common language words. For example, there are 26 meanings of the word buy in Azerbaijani, 21 meanings of the word mouth, 17 meanings of the word head, 14 meanings of the word black, and 11 meanings of the word foot.

A polysemous word is a linguistic sign that is related to several meanings in different ways. On the one hand, the complex nature of the semantics of the language, and on the other hand, the cross-relations between the semantic fields and subject groups create the basis for such a ambiguous relationship between the expresser and the expressed in common language. Polysemy relations in common language appear in the process of semantic development of a sign.

It should also be noted that the polysemy of words in the general literary language does not cause any difficulties, on the contrary, polysemy is one of the factors that show that the language is highly developed.

One meaning of polysemous words does not interfere with the other meaning, it coexists with it. For example, when we use the word mouth in the Azerbaijani language to mean the mouth of a pot, the mouth of a door, the mouth of a knife, the meaning of the word mouth, which is considered an organ of a person, is completely removed from our consciousness, or its presence in our consciousness does not prevent the understanding of this word in a figurative sense at all. Likewise, when we use the word eye in the sense of a human organ, we do not confuse this meaning with other meanings of the same word (eye of a needle, eye of a scale, etc.).

But how do we understand the meaning of this or that word? In other words, how is it that ambiguity does not hinder understanding as people pursue each other? In such cases, the context helps us. Context not only determines the meaning of a sentence, it is (just simple) but also the context of a phrase, another phrase or some other phrases, very long, complex sentences of sentences and natural all chapters that affect the meaning, determine their general and special meanings. does or relevant.

The context sometimes uses one meaning of the word and sometimes the other meaning, it practically implements the law of dialectic unity of the common and the separate with the diversity of the singularity.

Context is not important in terminology. If it is known to which field a certain term belongs, it can live outside of that context. The different meanings of the term interfere with each other, reject each other, and do not allow for coexistence. For example, if amplitude is the full swing of an oscillating body, the same term cannot also mean the half swing of an oscillating body. Because the context in itself is not able to eliminate one of the meanings of the term in such cases, and the reader always has a question about which amplitude we are talking about. Likewise, when we say parallelogram, specifically, it is a quadrilateral geometric object whose opposite sides are parallel and equal to each other; horse power means the unit of measurement defined to measure the power of an engine or a machine; When we say atmosphere, we mean the layer of air that covers the earth. Each of these terms has only one meaning.

Thus, ambiguity is the relation of a language sign to a concept in a certain system of concepts.

The ideal state of knowledge in different fields of human activity ensures the mutually unambiguous compatibility of what is expressed in terminological systems. Such a semantic system limits the sign in terms of the function it carries. However, it should be taken into account that the terminological system uses language signs and uses the language signs according to the laws of natural language. Therefore, all the tendencies of the language signs, especially the tendency to polysemy, remain potentially in the term and are revealed when there are conditions. For example, such a type of polysemy is known to terminological systems: grammar - a set of rules for changing words and combining words in a sentence, grammar - a textbook containing the interpretation of those rules; phraseology - a branch of linguistic science, phraseology - a research object of linguistics; thermal insulation - process, thermal insulation - material used for the implementation of that process, etc.

As for other types of polysemy, they are not terminologically considered polysemy. Because the system relations of the terms show their influence only in the terminology of one field of knowledge. Therefore, a sign that occurs in different terminological systems cannot be considered a polysemic sign.

For example, in the term of speech included in the terminology of linguistics, psychology, physiology and medical science; The term morology, included in the terminological system of linguistics, geology, geography and biology, does not have homonymy relations.

As a result, it should be noted that the requirement that the term must meet is that it has a single meaning in a certain field of science and technology, or in related fields. Only with this condition can a mutual understanding between specialists be established and a very important function of the term can be realized.

References

1. Arnold I.V. *The English word*. Moscow, 1972.
2. *Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms*. Washington, 1974.
3. *English-Russian dictionary*. Moscow, 1964.
4. Ginzburg R.A. *Course of English Lexicology*. Moscow, 1974.
5. *Military Terms, Abbreviations and Symbols. Dictionary of United States Army Terms*. Washington, 1958.

EXPRESSING EMOTIONS BY MODAL MEANS

Karimova Leyla Fizuli
Azerbaijan, ASPU

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ МОДАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Каримова Лейла Физули
Азербайджан, АГПУ

Abstract

National-cultural peculiarities of emotions manifestation and means of their expression in different linguocultures have recently aroused great interest of researchers. However, when studying emotions, the main attention, as a rule, is paid to lexical-phraseological and prosodic means of language, as well as signs of non-verbal communication. Grammatical means are often left out of the researchers' field of vision, although they also have emotive potential - they can convey various emotions of the speaker and have a certain emotional impact on the interlocutor. The aim of this article is to reveal this thesis on the example of English language and to show the necessity of taking into account grammatical means of expressing emotions. Detection and recognition of emotive implicature, i.e. implicit emotional content encoded in the speaker's utterance, is a necessary condition for successful intercultural communication and equivalent translation. The paper will summarise and systematise the previously described facts (Ozyumenko 2005-2006, 2007), which will be supplemented with new observations. The focus is on modal verbs and expressions, unconventional use of verb-temporal forms and adverbs, inversive word order, etc. The material of the study was English textbooks, grammar books, dictionaries, texts of fiction. The obtained data were subjected to contextual, definitional, pragmatic, discourse, linguocultural and comparative analyses.

Аннотация

Национально-культурные особенности проявления эмоций и средства их выражения в различных лингвокультурах вызывают в последнее время большой интерес исследователей. Однако при изучении эмоций основное внимание, как правило, уделяется лексико-фразеологическим и просодическим средствам языка, а также знакам невербальной коммуникации. Грамматические средства при этом часто выпадают из поля зрения исследователей, хотя они также обладают эмотивным потенциалом — могут передавать различные эмоции говорящего и оказывать определенное эмоциональное воздействие на собеседника. Цель данной статьи — раскрыть данный тезис на примере английского языка и показать необходимость учета грамматических средств выражения эмоций. Обнаружение и распознавание эмотивной импликатуры, т.е. имплицитного эмотивного содержания, которое закодировано в высказывании говорящего, является необходимым условием успешной межкультурной коммуникации и эквивалентного перевода. В статье будут обобщены и систематизированы ранее описанные факты (Озюменко 2005—2006, 2007), которые будут дополнены новыми наблюдениями. В центре внимания — модальные глаголы и выражения, нетрадиционное употребление глагольно-временных форм и наречий, инверсивный порядок слов и др. Материалом исследования послужили учебники английского языка, книги по грамматике, словари, тексты художественных произведений. Полученные данные были подвергнуты контекстуальному, дефинитивному, прагматическому, дискурсивному, лингвокультурологическому и сопоставительному анализу.

Keywords: emotions, emotive implicature, grammatical means, English language.

Ключевые слова: эмоции, эмотивная импликатура, грамматические средства, английский язык.

В последнее время эмоции и средства их выражения подвергаются самому всестороннему исследованию и находятся в центре внимания многих ученых. Они исследуются в психолингвистическом, лингвокогнитивном, лингвокультуро-логическом, прагматическом и других аспектах. Можно говорить о становлении нового научного междисциплинарного направления, называемого лингвистикой эмоций, или эмотиологией, активно разрабатываемой В.И. Шаховским и его школой (12—16).

Среди многочисленных функций языка ученые выделяют эмотивную функцию — функцию передачи разнообразной эмоциональной информации. Она осуществляется через эмотивный код, который располагает системой языковых и речевых средств и правилами их употребления на всех уровнях языка с учетом коммуникативной ситуации, позволяющей реализовать эмотивный потенциал языка (13:128).

Большой интерес, как в научном, так и в методическом плане, представляет изучение этнокультурных особенностей проявления эмоций и средств их выражения в различных языках (см. Красавский 2001, Ларина 2004, 2006, 2009; Филимонова 2001, Шаховский 2008, Pavlenko 2002, 2007; Wierzbicka 1994, 1999, 2003 и др.).

Вне зависимости от различий категория эмотивности представлена во всех языках и на всех уровнях его системы (13: 28). Однако не все они исследованы достаточно глубоко. Тем временем понимание эмоций собеседника, их адекватная интерпретация, умение вывести скрытые смыслы из прямого значения высказывания, различить отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, является важной частью коммуникативной компетенции, которая необходима как для успешной межкультурной коммуникации, так и для переводческой практики.

Различные языки имеют разные средства и разные способы передачи эмоциональной информации, это касается как количественного, так и качественного аспектов. Английский язык, например, является в большей степени рациональным, чем эмоциональным, он обладает меньшим набором языковых средств выражения эмоций, чем многие другие языки, включая русский.

Можно предположить, что в них нет большой потребности, поскольку одной из особенностей английской коммуникативной культуры является эмоциональная сдержанность. В английской культуре не приветствуется открытое проявление эмоций, сдержанность и самоконтроль считаются основными чертами достойного поведения (см. Ларина 2009, Джиеова 2014, Fox 2005, Wierzbicka 1999 и др.). Возможно, поэтому эмоции в английском языке часто выражаются имплицитно, что не всегда легко почувствовать представителям русской лингвокультуры, для которых открытое выражение эмоций, напротив, является одной из важнейших культурных ценностей.

К имплицитным средствам передачи эмоциональной информации в английском дискурсе относятся средства грамматики, среди которых можно выделить модальные глаголы и выражения, отклонения от традиционных грамматических норм, нарушение порядка слов и др.

Модальность, как известно, выражает разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной оценки сообщаемого. Как отмечал А.М. Пешковский, категория модальности выражает отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, то есть «отношение к отношению» (10). При таком подходе она тесно связана с прагматикой, изучающей взаимодействие между говорящим и слушающим в различных ситуациях общения.

Как функционально-семантическая категория модальность носит универсальный характер и принадлежит к числу основных языковых категорий. Подчеркивая универсальность данной категории, В.В. Виноградов отмечал, что в разных формах она обнаруживается в языках разных систем, в «языках европейской системы она охватывает всю ткань речи» (1). Однако поскольку сам концепт «я», так же, как и отношения между индивидами, их мировидение, в разных культурах различны, категория модальности, являясь универсальной, имеет свою этнокультурную специфику, которая проявляется как в оформлении данной категории, так и в спектре передаваемых значений.

Английский язык отличается развитой системой модальности, которая отражает особенности мировидения и мировосприятия англичан. Она состоит из разнообразных языковых единиц, способных передавать различные, порой весьма тонкие оттенки значений, с трудом ощущаемые представителями русской лингвокультуры.

Помимо таких значений, как долженствование, необходимость, запрет, разрешение, возможность и др., единицы модальности часто выражают эмоциональное отношение

говорящего к сообщаемому. В данной статье будет рассмотрена не вся система модальных средств английского языка, мы ограничимся модальными глаголами *can, could, may, might, must, ought to, will, would, shall, should*, глаголами с модальным значением (так называемыми 'semi modals') *need, dare*, а также связанными выражениями *had better, have (got) to, it's time to, I wish, if only* и некоторыми другими. Параллельно с реализацией первичной и вторичной функций данные модальные единицы выступают средством передачи различной эмоциональной информации, что, в свою очередь, часто является их дифференцирующим признаком, позволяющим увидеть различия между ними и сделать правильный выбор при их употреблении.

Как показывают наши наблюдения, помимо модальности, эмоциональность в английском дискурсе часто выражается при помощи отклонения от традиционных норм грамматики, т.е. от основных правил употребления тех или иных грамматических форм или синтаксических конструкций. Данный факт в очередной раз говорит о необходимости различать кодифицированную и узуальную нормы языка.

Следует отметить, что «нетрадиционное употребление» или «отклонение от традиционных норм» понимается нами весьма условно и отражает взгляд со стороны, т.е. отношение к данным явлениям не носителей английского языка. На самом деле речь идет, скорее, о дополнительных значениях тех или иных грамматических форм, их эмотивном потенциале, раскрывающемся в дискурсе.

На наш взгляд, отклонение от кодифицированной нормы является не столько ее нарушением, сколько сигналом к поиску имплицитного смысла, в данном случае к поиску эмоциональной имплицитности, под которой мы понимаем имплицитное эмотивное содержание, которое закодировано в высказывании говорящего. Анализ нашего материала показал, что подобными сигналами могут быть: нетрадиционное употребление глагольно-временных форм, вспомогательных глаголов, некоторых наречий, нарушение порядка слов в предложении и др. Данные случаи также тесно связаны с модальностью, однако в целях систематизации грамматических средств выражения эмоций в данной статье мы их рассматриваем отдельно.

Подчеркнем, что наши наблюдения носят весьма обобщенный характер и касаются потенциальной возможности рассматриваемых грамматических средств выражать те или иные эмоции, поскольку реализуют они свой потенциал только на функционально-прагматическом уровне и окончательный вывод о характере выражаемой эмоции можно сделать лишь в конкретной ситуации общения и с уче-

том невербальных средств коммуникации. Как отмечает В.И. Шаховский, верба-лика + невербалика + ситуация — такова схема анализа высказывания, которая позволяет сделать понятной выражаемую эмоцию для наблюдателя и для партнера по коммуникации (13: 131). Мы рассматриваем как эмотивную, так и экспрессивную функцию грамматических средств, которые на функциональном уровне часто неразделимы. В эмотивно-экспрессивных высказываниях закодировано определенное коммуникативное намерение говорящего, они создают определенный прагматический эффект, оказывают эмоциональное воздействие на адресата. Задача реципиента — интерпретировать эти высказывания в соответствии с замыслом говорящего, для чего необходима не только языковая, но и эмоционально-прагматическая компетенция.

Выражение эмоций модальными средствами

Как уже отмечалось, модальность непосредственно связана с эмоциональным компонентом коммуникации, поскольку выражает различные эмоциональные отношения говорящего к действительности, а также различные виды субъективной оценки. Поскольку система средств модальности в английском языке гораздо шире русской, носителям русского языка часто трудно дифференцировать значения очень близких по семантике модальных глаголов. Выявление эмоционального компонента их значения, на наш взгляд, помогает решить эту задачу. Продемонстрируем это некоторыми примерами.

Как известно, долженствование (*obligation*) в английском языке обычно выражается глаголами *must — have(got) to*. Во многих случаях они являются взаимозаменяемыми. Тем не менее, между ними существуют некоторые различия: глагол *must* несет в себе личностное начало, он выражает чувства и желания говорящего; *have (got) to*, в отличие от него, безличен, лишен эмоций и выражает долженствование, обусловленное внешними факторами, то есть, долженствование, которое исходит не от говорящего, а обусловлено ситуацией, существующими правилами или предписаниями. Ср.: *I must stop smoking — Я должен перестать курить (потому что я хочу этого) — I've got to stop smoking — Я должен перестать курить (это*

рекомендовал доктор); *Must you wear those dirty jeans?* — Ты обязательно должен ходить в этих грязных джинсах? (Тебе это так нравится? Ты этого хочешь? — неодобрение) — *Do you have to wear a tie at work?* — Ты должен ходить в галстуке на работу? (Это предписано? — запрос информации). Именно по этой причине глагол *must* свободно употребляется в субъектно-ориентированных высказываниях, в то время как при ориентации на собеседника его следует употреблять с большой осторожностью, чтобы не создать угрозы независимости его личности, так называемой *privacy*, представляющей собой особую ценность в английской коммуникативной культуре.

Употребляя выражающий долженствование глагол *must* (*You must...*), говорящий ставит себя выше собеседника, однако в некоторых речевых актах (например, в совете и приглашении) такой угрозы не существует. Как отмечают исследователи, следуя принципу вежливости, говорящий здесь делает больший акцент на желания собеседника, считая, что тот выиграет от выполнения действия,

и по этой причине приглашения могут быть прямыми, а, с точки зрения абсолютной вежливости, даже грубыми: *You must come and stay with us next time. I won't take 'no' for an answer!* (Ты обязательно должен приехать и погостить у нас. Отказы не принимаются!) (см. Leech & Larina 2014: 14). Это происходит из-за того, что, как представляется, эмоциональность здесь отодвигает на задний план сему долженствования, что и делает возможным употребление глагола *must* в высказываниях, ориентированных на слушающего.

То же личностно-эмоциональное начало, но уже с негативным оттенком, противопоставляет глагол *mustn't* глаголу *needn't*: *You mustn't do it* (Я тебе это запрещаю) — *You needn't do it* (В этом нет необходимости). Ср. также: *You mustn't make any noise* (Вы не должны шуметь); *You must keep it a secret. You mustn't tell anybody else* (Ты должен держать это в секрете. Ты не должен никому об этом рассказывать или Смотри, никому не рассказывай.) — *You can come with me if you like but you needn't come if you don't want* (Можешь пойти со мной, если хочешь. Но если не хочешь — не надо) / *We've got plenty of time. We needn't hurry* (У нас много времени. Нам не надо торопиться или Мы можем не торопиться.).

Для выражения совета, помимо названного нами глагола *must*, в английском языке существуют более регулярные средства — модальные глаголы *should/ought to* и *had better*. Все они являются синонимами, однако эмоциональный компонент и здесь помогает увидеть существующую между ними разницу.

В данном случае он содержится в *had better*. Высказывания с *had better* выражают более настойчивый совет, касающийся конкретной ситуации, при этом часто содержат угрозу, предупреждение об опасности или возможности возникновения какой-либо проблемы в случае, если адресат не последует совету говорящего, причем, как правило, немедленно: *You'd better turn the disc down before your Dad gets angry* (Ты бы сделал музыку потише, пока папа не рассердился); *You'd better not say that again* (Лучше этого больше не говори); *You'd better be on time* (Смотри, не опаздывай); *You'd better help me or there'll be trouble* (Ты бы лучше помог мне, пока не возникли проблемы). В глаголах *should/ought to* подобный эмоциональный компонент отсутствует.

Высказывания с данными глаголами выражают совет как более абстрактную идею: *You should eat more fruit* (Тебе надо есть больше фруктов); *You ought to respect the elderly* (Надо уважать старших). Подобный совет не предполагает немедленного реагирования на него со стороны адресата, более того, даже полное его игнорирование не повлечет никаких последствий: Ср.: *It's a great film. You should go and see it* — Это потрясающий фильм. Тебе надо пойти посмотреть его (но ничего не произойдет, если ты этого не сделаешь). — *The film starts at 8.30. You'd better go now or you'll be late* (Фильм начинается в 8.30. Ты должен уже выходить, а то опоздаешь) (то есть игнорирование совета будет иметь негативное последствие). То же и в отрицательных высказываниях: *You'd better not overtake here* (Лучше здесь не обгоняй).

Следует иметь в виду, что в отличие от высказываний с *should* высказывания с *had better* являются достаточно прямыми и, как правило, употребляются при низкой степени вежливости.

Среди других модальных средств выражения эмоций можно назвать глаголы *shall/will*, которые, как правило, используются для выражения будущего времени, а также глагол *would*. С помощью этих глаголов можно оказывать различное эмоциональное воздействие на адресата: *Just wait — you'll regret it* (Подожди! Ты еще об этом пожалеешь) (угроза). При этом обращают на себя внимание случаи нетрадиционного употребления глагола *shall*, который обычно используется с местоимениями первого лица (*I/we*), но в данном случае он встречается с другими

лицами: *You shall pay for this* (Ты за это заплатишь) (угроза); *They shall not pass* (Они здесь не пройдут) (уверенность); *When he comes in nobody shall say a word* (Когда он придет — ни слова!) (приказ).

Наши наблюдения показывают, что глаголы *will/would*, которые выражают типичные, повторяющиеся действия (как положительного, так и отрицательного характера), выделенные ударением, могут содержать оттенок критики, недовольства чьим-либо поведением: *Will you tidy up your room* (Ты, наконец, уберешь свою комнату?), *She will fall in love with the wrong people* (Вечно она не в того влюбляется). Они также называют привычки, вызывающие раздражение окружающих: *He will come into the house with his muddy boots on / She would make us wash in ice-cold water* (Soars 1998: 158). То же можно сказать и о глаголе *would*: *That's just typical of John. He would say a thing like that!* (В этом весь Джон. Он такое может сказать); *I was happy when he left. He would talk about people behind their back* (Я был рад, когда он ушел. А то начал бы сплетничать). Говорящий выражает здесь свое негативное отношение к поведению или привычкам других, при этом грамматические средства сочетаются здесь с интонационными.

Глагол *can*, помимо возможности совершения действия, может выражать также сомнение, удивление, недоверие; *could* способен передавать те же значения, но в менее категоричной форме.

В данных значениях *can/could* употребляются, как правило, в отрицательных, реже в вопросительных предложениях: *He can't have been working six hours running. He has done so little* (Он никак не мог работать шесть часов или Не может быть, что он работал шесть часов. Он так мало сделал); *Could this information be of use to him?* (Неужели эти данные пригодятся ему?). Глагол *could* часто используется для выражения удивления и гнева: *I could slap your face!* (Я тебя сейчас ударю!), *I am so angry with him. I could kill him!* (Я так зол на него. Я бы его убил!). На эмоциональность данных высказываний указывает также восклицательный знак, употребляемый в английском языке гораздо реже, чем в русском. В отрицательной форме при выражении просьбы или разрешения данные глаголы придают высказыванию оттенок удивления и усиливают просьбу говорящего: *Can't (Couldn't) I stay till midnight, please?*

Модальные глаголы *should, ought to, might, could* в сочетании с перфектным инфинитивом выражают критику, упрек, порицание, осуждение, сожаление, раздражение по поводу совершенных или не совершенных в прошлом действий: *You should have asked me before you took my bike* (Тебе надо было спросить меня, прежде чем брать мой велосипед) (раздражение); *They should have tried harder* (Им надо было лучше стараться) (упрек); *We ought to have taken a taxi when it rained* (Надо было нам взять такси, когда пошел дождь) (жаль, что мы этого не сделали — со-

жаление); *You ought to have behaved yourself yesterday* (Ты вчера должен был вести себя как следует) (осуждение); *You could have helped me last night* (Мог бы мне вчера и помочь) (упрек); *You might have let me know you weren't coming. I stayed in all evening* (Мог бы и предупредить, что не придешь. Я весь вечер просидел дома) (упрек).

Следует отметить, что оттенок упрека может передаваться и в высказываниях, относящихся к настоящему времени, однако в них он является менее выраженным: *You might pay more attention to your lessons* (Ты мог бы уделять и больше внимания своим занятиям); *She might come to see me. She knows that I'm ill* (Могла бы и навестить меня. Знает, что я болею).

Аналогичное значение содержится и в отрицательных высказываниях с вышеназванными глаголами: *You shouldn't (oughtn't to) have paid the plumber in advance* (Не надо было платить сантехнику наперед); *You shouldn't (oughtn't to) have stopped on the motorway* (Тебе не надо было останавливаться на шоссе) (упрек, осуждение). В сочетании с вопросительным словом *why* модальный глагол *should* может выражать нежелание, нерасположенность говорящего совершить действие с оттенком удивления и даже возмущения: *Why should I go there?* — Почему это я должен идти туда (С какой стати мне идти туда?).

Заслуживают внимания модальные выражение со значением желаемого действия, состояния, качества, такие как *It's time / I wish / if only*, которые в сочетании с глаголом в прошедшем времени так же выражают различные эмоциональные отношения. Так, выражение *It's time* передает нетерпение говорящего по поводу действий, событий, которые еще не произошли: *Kim can't even boil an egg. It's time she learnt to cook* (Ким не умеет даже яйца сварить. Пора бы ей уже научиться готовить). Часто оно используется для критики или упрека: *It's time the children were in bed. It's long after their bedtime* (Детям уже давно пора спать). Для усиления

критики используются также *It's high time /about time: Jack is a great talker. But it's about time he did something instead of just talking* (Джек умеет поговорить. Но пора бы ему уже что-нибудь и делать, а не только говорить), *You are very selfish. It's high time you realized that you are not the most important person in the world* (Ты эгоист. Пора тебе, наконец, понять, что ты не самый важный человек на свете), *It's high time he was taught a lesson* (Пора бы его проучить), *It's about time he learnt to look after himself* (Пора бы ему научиться ухаживать за собой).

Для выражения желаемого действия, состояния, качества используется также модальное выражения *I wish* с последующим глаголом в прошедшем времени: *I wish she was here now* (Была бы она сейчас здесь!); *I wish she saw them* (Увидела бы она их!); *I wish she were more prudent* (Надо бы ей быть поблагодарнее). В отношении прошлых действий данные высказывания передают сожаление говорящего о том, что они состоялись или, напротив, не состоялись, осложненное оттенком досады, разочарования, раскаяния: *I wish I had been here yesterday. I could have helped him* (Как жаль, что меня здесь вчера не было! Я мог бы ему помочь); *I wish I hadn't followed his advice* (И зачем я последовал его совету?! или Зря я последовал его совету); *I wish I hadn't told her about that* (Не надо было мне ей об этом говорить).

В случае употребления инфинитива после *It's time* или *I wish* высказывания носят более нейтральный в эмоциональном отношении характер. Ср.: *It's time to*

clean the windows (Пора вымыть окна) (побуждение к совершению действия) — *It's time we cleaned the windows* (Уже давно пора вымыть окна) (неудовлетворенность по поводу того, что действие до сих пор не выполнено); *I wish to go to the restaurant with them* (Я хочу пойти с ними в ресторан) (выражение желания) — *I wish I went to the restaurant with them* (Жаль, что я не иду с ними в ресторан) (сожаление). Если сожаление касается нереализованного действия в прошлом, оно выражается формой *Past Perfect*: *I wish I had gone to the restaurant with them* (Жаль, что я не пошел с ними в ресторан).

Высказывания с *I wish* могут также выражать желания говорящего, направленные на будущее, иногда с оттенком грусти, сожаления в связи с их несбыточностью: *I wish they could come to see me tomorrow* (Пришли бы они ко мне завтра!); *I wish I would go to Japan for my holiday* (Поехать бы в отпуск в Японию!). Иногда подобные фразы передают раздражение говорящего, вызванное существующей ситуацией: *I wish the music would stop!* (Когда же, наконец, прекратится музыка); *The phone has been ringing for five minutes. I wish somebody would answer it* (Телефон звонит уже пять минут. Ну, взял бы кто-нибудь трубку! или Кто-нибудь, наконец, возьмет трубку?). Высказывания с *I wish... wouldn't* выражает недовольство говорящего чьими-либо действиями, которые носят регулярный характер: *I wish you wouldn't keep interrupting me; I wish people wouldn't drop litter in the street* (Hew-ings 1999: 80—81). Подобные предложения можно перевести следующим образом: Когда ты, наконец, перестанешь перебивать меня? или Что ты меня постоянно перебиваешь? /Зачем же бросать мусор на улице? или Когда же люди перестанут мусорить на улице?

Желание или сожаление можно выразить с помощью конструкции *if only* в сочетании с формой прошедшего времени (*Past Simple*): *If only she were here now* (Как жаль, что ее здесь нет! / Вот бы была она здесь!). Для выражения сожаления по поводу действий, не совершенных в прошлом, после *if only* используется *Past Perfect*. Степень сожаления при этом усиливается: *If only I had been here yesterday. The accident would never have happened* (Alexander 1988: 225) (Если бы я только был там вчера! Аварии бы не произошло).

Замечание, упрек, гнев, возмущение или неодобрение может выражать глагол *dare* в восклицательных конструкциях с *how*: *How dare you!* (Как ты смеешь!), *How dare she suggest such a thing!* (Как она только смеет предлагать такое!), *Don't you dare speak to me like that again!* (Не смей больше так со мной разговаривать!), *How dared he tell everybody I was looking for a new job!* (Как он посмел всем рассказать, что я ищу новую работу!). В некоторых ситуациях может содержаться угроза: *I am going to smash this vase. — Just you dare!* (Я разобью эту вазу. — Только посмей!).

3. Отклонение от традиционных грамматических норм

Среди случаев отклонения от традиционных грамматических норм можно выделить нетрадиционное употребление глагольно-временных форм, вспомогательных глаголов, некоторых наречий и др.

Нетрадиционное употребление видо-временных форм является важным грамматическим средством выражения эмоций. Этот факт не всегда ощущается и учитывается носителями русского языка, которые в большей степени привыкли к тому, что временные формы глагола в

основном описывают протекание действия во времени. В результате это приводит к неточностям при переводе и к неверному восприятию эмоционального состояния собеседника в процессе общения.

Так, времена группы *Continuous*, как правило, выражают длительное действие, соотношенное с каким-то определенным моментом или периодом времени, т.е. действие в процессе его развития. *Present Continuous*, главным образом, называет длительное действие, совершаемое либо в момент речи, либо в соотношенный с ним период, *Past Continuous* — длительное действие, совершаемое в определенный момент в прошлом.

Однако в сочетании с наречиями *always*, *constantly*, *continually*, *forever* действие, выраженное при помощи этих форм, может не соотноситься с временным ограничением, а передавать эмоциональное состояние говорящего. Часто это негативное отношение к чьему-либо поведению, в том числе и к своему собственному: *You are always making the same mistake* (Ты постоянно делаешь одну и ту же ошибку); *I am always losing things* (Я вечно что-нибудь теряю). Т.е. в подобных высказываниях речь идет не о действиях, происходящих в момент речи, а о действиях, которые, по мнению говорящего, совершаются слишком часто (*more often than the speaker thinks it is normal or reasonable*) (Murphy 2003: 6).

Английские учебники объясняют подобное употребление глаголов в форме настоящего длительного следующим образом: *Often we do this when we want to show that we are unhappy about it, including our own behaviour: They are always having parties until the early hours in the morning; He was forever including me in his crazy schemes* (Hewings 1999: 4); *Pedro is always asking questions about the lesson (This annoys the teacher); She's forever leaving the bath taps running* (Soars 1998: 158). Как видим, в данных высказываниях выражается недовольство говорящего тем, что называемое действие совершается слишком часто: Педро постоянно задает какие-то вопросы (Это раздражает учителя); Она вечно оставляет кран открытым. Таким образом, употребляя формы *Present / Past Continuous* (вместо *Present / Past Simple*), говорящий может передавать раздражение, неудовлетворенность действиями собеседника, то есть давать свою эмоциональную оценку этим действиям.

Эмоциональное отношение к окружающим может передаваться при помощи глагола *to be* в форме *Continuous*, в которой он обычно не употребляется: *Excuse me! You are being very rude. You two nuisances can stay in school this afternoon instead of going to the swimming pool* (раздражение учителя поведением детей) (Baker 1981: 36).

Помимо раздражения, подобные высказывания могут передавать удивление говорящего чьими-то действиями, которые представляются ему неожиданными: *Normally you are very sensible, so why are you being so silly about this matter?* (Обычно ты очень разумный, почему же ты так глупо ведешь себя в этой ситуации?).

Недовольство чьим-либо поведением могут передавать так же высказывания с глаголом *will*, который в данном случае указывает не на будущее действие, а на повторяемость, регулярность этого действия: *Harriet will keep leaving her things all over the floor* (Харриет вечно повсюду разбрасывает свои вещи). В этом случае *will* может употребляться также в условных предложениях, что противоречит традиционной грамматической норме: *If you will go to bed so late, no wonder you're tired* (Неудивительно, что ты устаешь, если так и продолжаешь поздно ложиться спать).

Использование прошедшего времени вместо настоящего также позволяет передать некоторые эмоциональные оттенки. В этом случае прошедшее время употребляется не для обозначения действия в прошлом, а для смягчения степени воздействия на собеседника, что является конвенциональной стратегией английской вежливости, часто используемой в побудительных речевых актах, например, при обращении с просьбой, а также в приглашении (см. Brown & Levinson 1987, Ларина 2009).

Следует отметить, что в русском языке данная стратегия также используется. Ср. Я хочу попросить (пригласить) тебя... — Я хотела попросить (пригласить) тебя... Сдвигание временного плана сдвигает модальную рамку (я — ты — здесь — сейчас) и таким образом дистанцирует говорящего от собеседника, что снижает степень прямолинейности высказывания, смягчает его иллокутивную силу, придает ему оттенок нерешительности или неуверенности. Ср. *I wonder if you could give me a lift — I wondered if you could give me a lift; I want to apologize for my word — I wanted to apologize for my words*. Прошедшее длительное в еще большей степени усиливает эти оттенки: *I am wondering if you would like to come over — I was wondering if you would like to come over*. То же и в оппозиции *Future simple — Future Continuous*,

которые так же различаются степенью категоричности (будущее длительное звучит более мягко, чем будущее простое). Так, если начальник может сказать подчиненному *When will you see Mr White?*, то подчиненный, обращаясь к начальнику, скорее скажет *When will you be seeing Mr White?*, что звучит менее прямолинейно и категорично.

Эмоциональное отношение может передаваться при помощи вспомогательных глаголов, употребляемых в утвердительных предложениях, что не является типичным для английской грамматики. Как известно, данные глаголы характерны для вопросительных и отрицательных конструкций. Будучи употребленными при утверждении, они придают дополнительное эмоциональное звучание высказыванию, усиливают его экспрессивность (*I do love you*); подчеркивают уверенность (убежденность) говорящего в истинности его оценок или отношений: *You do look tired*; *She did seem upset*.

Вспомогательный глагол *do* может употребляться и в повелительных конструкциях, что тоже нетипично. В этом случае он используется для усиления воздействия на адресата, часто для выражения нетерпения или раздражения: *Do stop talking*. В устной речи вспомогательный глагол *do* выделяется интонационно.

На наличие в высказывании эмоциональной имплицатуры может указывать отрицание в вопросительных конструкциях. Как известно, для английского языка

в отличие от русского вопросительные конструкции с отрицанием не характерны. Таким русским вопросам, как *У тебя нет ручки?* / *Не сможешь одолжить денег?* / *Вы не слышали звонок?*, соответствуют английские вопросы без отрицания: *Have you got a pen?* / *Can you lend me some money?* / *Did you hear the bell?*

Отрицательные же вопросы, аналогичные по структуре русским, отличаются ярко выраженным эмоциональным звучанием. В прагматическом плане это не столько вопрос, сколько выражение удивления, которое в русском языке передается дополнительными лексическими средствами (разве, неужели, как). Ср.: *Haven't you got a pen?* / *Can't you lend me some money?* / *Didn't you hear the bell?* — Как, у тебя нет ручки? / Неужели ты не можешь одолжить мне денег? / Разве вы не слышали звонок?

Эмоции могут выражаться высказываниями, которые по структуре сходны с вопросительными, однако фактически таковыми не являются, о чем свидетельствует отсутствие вопросительного знака (вместо него употребляется восклицательный), а также тот факт, что они не предполагают ответа: *Is he mad!* / *Can she type!* / *Did he annoy me!*

Что касается императивных высказываний, то они сами по себе являются высоко эмоциональными по причине того, что оказывают сильное воздействие на адресата, как формой императива, так и просодическими средствами (*Shut up!* / *Get out!*).

Здесь мы не будем подробно рассматривать данный тип высказываний, а лишь ограничимся некоторыми нетипичными случаями, встретившимися в нашем материале. Так, например, по нашим наблюдениям, императивные конструкции, заменяющие придаточные предложения условия, являются более эмоциональными по сравнению с условными предложениями. Ср. *If you fail to pay, they'll cut off the electricity* — *Fail to pay, and they'll cut off the electricity*; *If you drop that parcel, I'll kill you* — *Drop that parcel, and I'll kill you*. По степени эмоциональной окрашенности они аналогичны следующим русским предложениям: *Не заплатишь — электричество отключат* / *Уронишь пакет — убью*.

К средствам выражения эмоций можно отнести также нетрадиционное обрамление повелительных конструкций. Так, хотя в них традиционно не употребляется местоимение *you* в качестве обращения, оно может употребляться как для привлечения внимания (*Never you mind*), так и для выражения гнева, враждебности: *You wait here for a moment* / *You mind your own business*.

После императивных высказываний часто употребляются так называемые *tag questions*, или разделительные вопросы, которые служат средством смягчения императивности, заключающейся в форме императива. Однако они также могут выражать раздражение, нетерпение говорящего по отношению к собеседнику: *Stop fiddling with that TV, will you / won't you / can't you?* (с восходящей интонацией).

Еще одним примером выражения эмоций через отклонение от традиционных грамматических норм может быть употребление наречий *already*, *yet*, *still*. Как известно, по правилам английской грамматики наречие *already* употребляется главным образом в утвердительных предложениях, а *yet* — в отрицательных и вопросах-

тельных. Однако встречаются отклонения от этого правила. Ср.: *Have you translated the article yet?* (Ты уже перевел статью? — вопрос) — *Have you translated the article already?* (Как, ты уже перевел статью? Так скоро? — удивление).

Вместо *yet* может употребляться *still*, которое в подобных случаях передает удивление или нетерпение говорящего, отсутствующее в предложении с *yet*. Ср. *I wrote to him last week. He hasn't replied yet* (But I expect he will reply soon). — Я написал ему на прошлой неделе, но он пока не ответил (Но я жду, что он скоро ответит) и *I wrote to him months ago and he still hasn't replied* (He should have replied before). — Я написал ему несколько месяцев назад, а он все еще не ответил или А он так и не ответил (Ему следовало уже ответить).

Другой пример — наречия *not ever* и *never*. Они являются взаимозаменяемыми грамматическими синонимами: *I don't ever go to London these days* — *I never go to London these days*. Однако для выражения обещаний, предостережений *not ever* употребляется чаще, особенно в сочетании с *again*. Высказывания *I promise he won't ever trouble you again; I won't ever gamble again* звучат более эмоционально по сравнению с *I promise he will never trouble you again; I will never gamble again*.

Нарушение традиционного порядка слов, о котором речь пойдет ниже (в данном случае смещение *ever* в конец предложения), в еще большей степени усиливает экспрессивность высказывания, особенно в сочетании с *any more / any longer*: *I promise he won't trouble you ever again / I promise he won't trouble you any more ever again. / I won't gamble ever again*.

4. Инверсивный порядок слов

Как известно, для английского языка характерен строгий порядок слов, хотя в ряде случаев он может нарушаться. По нашим наблюдениям, это часто делается для выражения различных эмоциональных оценок, состояний и отношений. Так, наречия образа действия, как правило, стоят после глагола или дополнения: *Gillian slammed the door behind her angrily*. Однако однословное наречие образа действия может стоять также между подлежащим и глагольным сказуемым. В этом случае оно подчеркивает эмоциональное состояние субъекта, то есть наречие характеризует не столько действие субъекта, сколько сам субъект, его состояние: *Gillian angrily slammed the door behind her* (*Gillian was angry when he slammed the door*). Такой порядок слов (употребление наречия образа действия перед глаголом, а не после него) часто встречается в предложениях, содержащих критику или похвалу: *He very kindly helped us; He foolishly locked himself out* (вместо *It was very kind of him to help us; It was foolish of him to lock himself out*) (Alexander 1988).

В художественном дискурсе встречается употребление наречий образа действия (*gently, suddenly, quietly, slowly* и др.) в начале предложения, а не после глагола, как того требуют традиционные правила порядка слов. Это делается для создания большего драматического эффекта и передачи напряженности: *O 'Conner held his breath and stood quite still. Quietly, he moved towards to get a better view* (Alexander 1988:127).

Инверсивный порядок слов в целях выражения эмоций встречается в предложениях с наречиями *still* и *already*. По правилам английской грамматики наре-

чие *still* ставится после глагола *to be*. Однако возможно его употребление и перед этим глаголом. В таком случае на информацию, передаваемую предложением, накладывается дополнительный эмоциональный оттенок. Ср.: *Martha is still in hospital* — *Martha still is in hospital*. В отличие от первого высказывания, которое звучит вполне нейтрально (Марта еще в больнице или Марта пока в больнице), второе содержит эмоциональную окраску (это может быть удивление, озабоченность данным фактом). Оно может быть переведено следующим образом: Марта все еще в больнице или А ведь Марта все еще в больнице. Наречие *already*, как правило, ставится между вспомогательным глаголом и основным (*I have already done it*), но иногда оно встречается в конце предложения (*I have done it already*).

В последнем случае оно может передавать удивление по поводу того, что называемое событие произошло так скоро, то есть раньше, чем ожидалось: *Don't tell me you have eaten it already* (Только не говори мне, что ты уже поел). Для большего усиления высказывания данное наречие может употребляться и перед вспомогательным глаголом, что так же не является нормативным (*I already have done it*): *You'd better lock up. — I already have (locked up)* (Ты бы лучше закрыл дверь. — Да уже закрыл).

Еще одним подобным примером могут служить наречия, выражающие частотность действия — *often, seldom, always, never*. В том случае, если они употреблены не после вспомогательных глаголов (*be, have, do, can, must* и др.), как предписывает грамматика, а перед

ними, происходит усиление значения глагола, который, кроме того, в речи выделяется интонационно: *It's just like Philip. He always is late when we have an important meeting. You never can rely on him* (Alexander 1988:135).

Нарушение традиционного порядка слов часто служит средством усиления драматического эффекта: *Never has there been so much protest against the bomb / On no account must you accept any money if he offers it / Back came the answer. — No! / The crowd has been waiting for hours, when out came the President and moved to them / I can't possibly look after you so back to your mother you must go.*

Отмеченные выше отклонения от нормы, на первый взгляд, кажущиеся незначительными, на самом деле весьма существенны. Письменный текст лишен тех первостепенных способов передачи эмоций, какими обладает устная речь — интонация, тембр голоса, мимика, жесты и т.д. Думается, именно поэтому автор текста выискивает другие возможные средства языка для передачи тех или иных эмоциональных оттенков. Для носителей русского языка, привыкших к более эксплицитному выражению эмоций, данные средства не всегда являются видимыми и явными, и зачастую они попросту игнорируются.

Таким образом, при анализе английского текста, при работе над переводом, необходимо уделять особое внимание всем нетрадиционным грамматическим явлениям. Следует исходить из того, что для английского языка характерна четкая структурированность предложения и любые отклонения от нормы не являются случайными. Они несут дополнительный информационный фон, сигнализируют о том, что в предложении скрыт какой-то подтекст, часто эмоциональный, заметить и передать который — задача переводчика.

5. Заключение

В данной статье мы рассмотрели встретившиеся нам в ходе работы случаи выражения эмоциональности грамматическими средствами и показали, что английская грамматика обладает значительным эмотивным потенциалом, который раскрывается в дискурсе.

Мы не претендуем на полноту и завершенность рассмотрения данного языкового явления. В теоретическом плане цель данной статьи — обобщить и систематизировать имеющиеся факты и показать, что не только лексика, но и грамматика способна выполнять эмотивную функцию — функцию передачи разнообразной эмоциональной информации; в практическом плане — обратить внимание преподавателей английского языка и переводчиков на эту прагматическую особенность ряда грамматических средств, среди которых можно выделить средства модальности, отклонения от традиционных грамматических норм, инверсивный порядок слов и др.

Даже краткий анализ английских средств модальности, проведенный в данной статье, свидетельствует о том, что, помимо передачи первичных значений, они являются регулярным средством выражения различных оттенков эмоций говорящего, его отношения к сообщаемому и к адресату, что требует их рассмотрения также и в этом аспекте.

Отклонение от традиционных правил грамматики в английском дискурсе часто является коммуникативным сигналом, указанием на скрытый смысл, в данном случае — на эмотивную импликацию — имплицитное эмотивное содержание, которое закодировано в высказывании говорящего. Думается, здесь можно говорить о дефокусировании — лингвокогнитивном процессе, в ходе которого происходит изменение фокуса внимания говорящих (см. Ирисханова 2014: 65). В данном случае мы наблюдаем смещение фокуса с грамматики на прагматику, с того, что сказал говорящий, к тому, что он хотел сказать.

Умение распознавать скрытые эмоциональные оттенки, которые говорящий хочет передать в своем высказывании, адекватно интерпретировать его коммуникативное намерение, то есть увидеть за семантикой высказывания его прагматику, имеет большое значение в межкультурном общении. Оно является составляющей эмоциональной компетенции, представляющей собой неотъемлемую часть межкультурной коммуникативной компетенции. Данные способы передачи эмоциональности заслуживают пристального внимания переводчиков, которые должны принимать их во внимание в процессе поиска прагматических эквивалентов.

Еще раз подчеркнем, что наши наблюдения носят весьма обобщенный характер и касаются потенциальной возможности рассматриваемых грамматических средств передавать ту или иную эмоциональную информацию. Для более детальных выводов необходим анализ их функционирования в различных контекстах с учетом невербальных и паравербальных средств коммуникации.

Приведенные в статье факты и наблюдения открывают перспективу для дальнейших исследований в области выявления этнокультурной специфики выражения эмоций в различных языках и культурах и их средств и вносят вклад в развитие эмотиологии — важного междисциплинарного направления современной лингвистики.

Литература

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. тр.: Исслед. по рус. грамматике. М., 1975. Т. 2. С. 38—79.
2. Джигоева О.А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка. М.: Издательство Московского университета, 2014.
3. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСЛ, 2014.
4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Издательство «Перемена», 2001.
5. Ларина Т.В. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: Сб. научных трудов. Волгоград: Издательство ЦОП «Центр», 2004. С. 36—46. Ларина Т.В. A smile opens many doors: эмоции в коммуникации и переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2006. № 4 (12). С. 50—55.
6. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. Озюменко В.К. Грамматическое выражение эмоций в английском языке // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2005—2006. № 1(3—4). С. 172—180.
7. Озюменко ВМ. Модальность и эмоции в английском языке // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2007. № 3. С. 92—98. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты). СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987.
9. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. Шаховский В.И., Карасик В.И. Эмотивность и модальность в семантике слова // Семантика слова и синтаксической конструкции: Сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 31—38.
10. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография. Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2013.
11. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. научных трудов. Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004.
12. Alexander L. G. Longman English Grammar. Longman Group UK Ltd., 1988. Alexander L. G. Longman Advanced Grammar. Longman Group UK Ltd., 1993. Brown Penelope and Stephen D. Levinson. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
13. Baker A. Ship or Sheep: An intermediate pronunciation course. Cambridge University Press, 1981.
14. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder, 2005. Hewings M. Advanced Grammar in Use. Cambridge University Press, 1999. Leech G., Larina T. Politeness: West and East // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics. 2014, N 4. P. 9—34.
15. Murthy Raymond. English Grammar in Use: A self-study reference and practice book for intermediate students. Second edition. Cambridge University Press, 2003.
16. Pavlenko A. Emotions and the body in Russian and English / Pragmatics & Cognition 10:1/2 (2002), John Benjamins Publishing Company. P. 207—241.
17. (2002), John Benjamins Publishing Company. P. 207—241.
18. Pavlenko A. Emotions and Multilingualism. Cambridge University Press, 2007.

MODERN METHODS AND APPROACHES IN TEACHING ENGLISH

Mammadova Sevinj Gulmammad

Azerbaijan State Pedagogical University, English teacher
Republic of Azerbaijan**Abstract**

Learning English is very important today. In most countries of the world, English is widely used in diplomacy, business and commercial documentation. It is one of the five official languages of the UN along with French, Spanish, Russian and Chinese, and one in seven people in the world knows or is learning English. The study of a foreign language is mandatory in every higher education institution and is based on two main aspects - teaching vocabulary and grammar.

Keywords: Grammar, number, question-answer, continuity, constancy

INTRODUCTION

Over the years different science, theories, and learning styles were developed in terms of teaching foreign languages. You won't find the best, the one and only method of teaching English to kids or adults. Choosing the proper teaching style depends on students' skills and abilities. So in this article, we listed some fresh ideas on how to learn a new language and how to choose the right method of teaching English. Always remember to tailor the teaching method to your students' interests and needs. Also, with the right motivation to learn English, the students are more likely to succeed. So in order to choose the right method of teaching English to adults or children, start with understanding why a person needs or wants to learn the language and then focus on the best technique to achieve their goal.

Our recommendations on new methods of teaching English include the same well-known approaches and a few rather unconventional ones, that are especially beneficial to kids. The modern English teaching methods that you'll find here are suitable for both adults and kids, so you can learn a new language together.

Teaching English as a Second Language is a complex and dynamic field that requires educators to be adaptable and innovative in their approach to language instruction. With a plethora of methods and approaches available, it can be challenging for teachers to determine which ones will best suit their students' needs. This article explores various TEFL methods and approaches, including the traditional Grammar-Translation Method, the modern Direct Method, Communicative Language Teaching, ask-Based Language Teaching, Content-Based Language Teaching, Total Physical Response, and The Silent Way. By understanding the strengths and weaknesses of each method, teachers can create a well-rounded and effective language learning experience for their students.

LITERATURE REVIEW

Teaching English as a Second Language has undergone significant changes over the years. The traditional Grammar-Translation Method, which focused on memorization and translation of grammar rules, has been replaced by more communicative and interactive approaches. The modern Direct Method emphasizes the use of target language in the classroom and focuses on developing students' ability to communicate effectively. Communicative Language Teaching (CLT) is a popular approach that emphasizes the use of language in real-life situations and encourages students to interact with each other. Task-Based Language Teaching (TBLT) focuses on using authentic tasks to develop language skills. Content-Based Language Teaching (CBLT) integrates language learning with subject matter instruction. Total Physical Response (TPR) uses physical movements to reinforce language learning, while The Silent Way emphasizes self-discovery and problem solving.

METHODOLOGY

This article will review various methods and approaches, including the traditional Grammar-Translation Method, the modern Direct Method, Communicative Language Teaching, Task-Based Language Teaching, Content-Based Language Teaching, Total Physical Response, and The Silent Way. The review will be conducted through a comprehensive literature search of academic databases, including Google Scholar, JSTOR, and ERIC. The search will include articles, books, and dissertations published between 2000 and 2021. The articles will be reviewed for their relevance to the topic and their contribution to the understanding of TEFL methods and approaches. The strengths and weaknesses of

each method will be analyzed, and recommendations will be made for teachers to create a well-rounded and effective language learning experience for their students.

FINDINGS

Teaching English as a Second language is a challenging task that requires a lot of effort, creativity, and knowledge. There are many methods and approaches that teachers can use to make the learning process more effective and enjoyable for their students. In this article, we will discuss some of the most popular and effective methods and approaches in TEFL.

1. Grammar-Translation Method. The grammar-translation method is one of the oldest and most traditional approaches in teaching language. It involves teaching grammar rules and vocabulary through translation exercises. The teacher explains the grammar rules in the students' native language and then asks them to translate sentences from the target language into their native language and vice versa. This method is focused on accuracy and aims to develop the students' reading and writing skills.

2. Direct Method. The direct method is a more modern approach that emphasizes oral communication and immersion in the target language. The teacher speaks only in the target language and encourages the students to do the same. The focus is on developing the students' speaking and listening skills through conversation, roleplaying, and other interactive activities.

3. Communicative Language Teaching. Communicative language teaching (CLT) is an approach that focuses on communication as the primary goal of language learning. The teacher creates activities that encourage the students to use the language in real-life situations, such as ordering food in a restaurant or asking for directions. The focus is on developing the students' fluency and accuracy in speaking, listening, reading, and writing.

4. Task-Based Language Teaching. Task-based language teaching (TBLT) is an approach that focuses on real-life tasks as the basis for language learning. The teacher creates activities that require the students to use the language to complete a task, such as planning a trip or writing a letter. The focus is on developing the students' communicative competence and problem-solving skills.

5. Content-Based Language Teaching. Content-based language teaching (CBLT) is an approach that integrates language learning with content from other subjects, such as science, history, or literature. The teacher creates activities that require the students to use the language to understand and discuss the content. The focus is on developing the students' language proficiency and content knowledge.

6. Total Physical Response. Total physical response (TPR) is an approach that emphasizes the use of physical actions and gestures to reinforce language learning. The teacher gives commands in the target language and asks the students to perform the corresponding actions. The focus is on developing the students' listening and comprehension skills.

7. The Silent Way. The silent way is an approach that emphasizes student autonomy and discovery learning. The teacher uses colored rods and charts to help the students learn grammar and vocabulary through self-discovery. The focus is on developing the students' problem-solving skills and creativity. In addition, there are many methods and approaches in TEFL, each with its strengths and weaknesses. The most effective approach depends on the goals of the teacher and the needs of the students. By using a variety of methods and approaches, teachers can create a dynamic and engaging learning environment that meets the diverse needs of their students.

THE NATURAL APPROACH

With this approach, students usually learn to speak before they learn to write in a foreign language. The natural approach focuses on spontaneous interactions in the target language. It requires either a simulation of real-life settings in a classroom environment or an actual contact with foreigners. The best way to achieve it? Go abroad for vacation or language course, make some foreigner friends, or find yourself a native speaker teacher. This approach is ideal for individual students or small groups, but it won't really work in a chaotic environment. The student should always have the opportunity to speak freely in this method.

LEXICAL SYLLABYS

This approach is based upon the core language that students need to know most. Again, professional students may need very specific vocabulary pertaining to their field. Any other language taught outside of this core language is meant to be supplementary and intended to enable students' communication within their respective fields. The good news is that there's quite a bit of research on this topic, leading to word lists teachers can focus on. For beginners, 10 words would make for a great lesson. Activities can range from matching pictures and definitions to working with dialogues. Since this method

focuses on learning the right vocabulary, there are plenty of programs and apps that can help students learn in an engaging way. For example, you can use Fluent U to give life to those vocabulary lists your students are studying. Fluent U's authentic content like movie trailers and music videos allows students to hear new words in their natural use. This will reinforce what they've learned and help them understand how to actually use their vocabulary words. Students can also search for a word to see it in a video or watch videos they're interested in and pick up new words from the interactive subtitles. Assign vocabulary lists or videos for homework and you'll be able to see the questions each student got wrong. This will help you assess each individual student's needs, allowing you to adapt your lesson accordingly.

SUGGESTOPEDIYA

Suggestopedia has caught on quite a bit over the last few years. This method is based on memorization of language "chunks." For example, students read dialogues and texts aloud, usually to the rhythm of some type of music. The music is generally classical music, or some other genre suitable to target structure. This is known as "concert reading". The use of concert reading fosters a comfortable learning environment, particularly for those students who feel shy. The Suggestopedia method is suitable for all levels and allows for lots of creativity and fun. Even advanced students can get a kick out of "singing" through their dialogues. For example, if the focus of the lesson is prepositions, you can sing out the following sentence: "Joe went ___ the supermarket ___ the street." Then, students will shout back, "to" and "across" to fill in the blanks.

DISCUSSION

The article provides a comprehensive overview of the evolution of teaching language and the various methods and approaches that have been developed to enhance language learning. The traditional Grammar-Translation Method has been replaced by more communicative and interactive approaches, which have proven to be more effective in helping students develop their language skills. It is important for teachers to be knowledgeable about these different methods and approaches in order to create a well-rounded and effective language learning experience for their students. Each method has its strengths and weaknesses, and it is up to the teacher to choose the most appropriate approach for their students based on their needs and learning styles. Task-based language learning, for example, has become increasingly popular as it focuses on real-world communication and allows students to learn language in context. However, it may not be suitable for all students, and teachers should be aware of other approaches that may better suit their students' needs. Overall, teaching language has come a long way over the years, and it is important for teachers to stay up-to-date with the latest developments and techniques in order to provide the best possible language learning experience for their students. By understanding the strengths and weaknesses of different methods and approaches, teachers can create a well-rounded curriculum that meets the needs of all their students. Teaching methods are the process of interaction between the teacher and students, as a result of which there is a transfer and assimilation of knowledge, skills and abilities provided by the content of training [1, p. 85]. It should be noted that the teaching method is a complex, systemic formation, which is characterized by all the characteristics that underlie the classification. The combination of different forms of work and methods helps to creatively organize the lesson, arousing the interest of students in the subject. One of the important tasks and goals of modern techniques is teaching communication and mastering speech means. Moreover, each technique has distinctive features, due to the combination of different approaches, methods, and techniques in teaching EFL. Each of the methods has certain characteristics, some of them are more popular and in demand, and some less. In addition, new methods of teaching a foreign language are regularly developed, so now every teacher of the university can choose the most suitable method of work for himself. When teaching a foreign language in academic lyceums, task-based, project-based methods are most often used for communicative purposes.

The goal of these approaches and methods is to master a living, spoken language and to learn the ability to communicate. When using the communicative methods in teaching, students are more active. The task of the teacher in this case is the ability to involve everyone in the audience in the conversation. The essence of this method is to create real communication situations. When recreating the dialogue, the student has the opportunity to put into practice all the knowledge gained. An important advantage of the method is that it has a variety of tasks: role-plays, discussions, debates, etc. According to Willis (1996), there are six types of tasks: Listing tasks: For example, students might have to make up a list of things they would pack if they were going on a beach vacation. Sorting and ordering: Students work in pairs and make up a list of the most important characteristics of an ideal vacation. Comparing: Students

compare ads for two different supermarkets. *Problem-solving*: Students read a letter to an advice columnist and suggest a solution to the writer's problems. *Sharing personal experience*: Students discuss their reactions to an ethical or moral dilemma. *Creative tasks*: Students prepare plans for redecorating a house. The teacher sets up the tasks and the students' performance is the goal. The teacher must step back and observe, sometimes acting as a facilitator or a monitor. A classroom during a communicative task, students do most of the speaking actively, and frequently the scene of a classroom while leaving their seats to complete a task. Because of the increased responsibility to participate, students may find they gain confidence in using the target language in general. Teachers in communicative classrooms will find themselves talking less and listening more becoming active facilitators of their students' learning.

CONCLUSION

In conclusion, TEFL has evolved significantly over the years, with various methods and approaches being developed to enhance language learning. While the traditional Grammar-Translation Method has been replaced by more communicative and interactive approaches, each method has its strengths and weaknesses. Therefore, it is essential for teachers to be knowledgeable about these methods and approaches to create a well-rounded and effective language learning experience for their students.

References

1. Richards, Jack C., and Theodore Rodgers (2001). *Approaches and Methods in Language Teaching*. Second Edition. New York: Cambridge University Press.
2. Skehan, P. (1996). *Second language acquisition research and task-based instruction*.
3. Willis J. and D. Willis (eds). *Challenge and Change in Language Teaching*. Oxford: Heinemann.
4. Willis, Jane (1996). *A Framework for Task-Based Learning*. Harlow: Longman.
5. Brown, H. D. (2007). *Principles of language learning and teaching*. Pearson Education.
6. Celce-Murcia, M., Brinton, D. M., & Snow, M. A. (2014). *Teaching English as a second or foreign language*. National Geographic Learning.
7. Larsen-Freeman, D., & Anderson, M. (2011). *Techniques and principles in language teaching*. Oxford University Press.
8. Rustamova, M. R. (2022). *Communicative approaches of teaching foreign languages*. *Journal of Academic Research in Educational Sciences*.

NONE NEGATIVE SUBSTITUTION AND ITS CONVERSATION IN AZERBAIJAN LANGUAGE

Shalala Mammadova Arif

Azerbaijan State Pedagogical University, CFL, English teacher,
Republic of Azerbaijan

NONE İNKAR ƏVƏZLİYİ VƏ ONUN AZƏRBAYCAN DİLİNDƏ QARŞILIĞI

Şalalə Məmmədova Arif

Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universiteti, CFL, İngilis dili müəllimi,
Azərbaycan Respublikası

Müasir ingilis dilində ümumiləşdirici none inkar əvəzliyi Azərbaycan dilində həm şəxs bildirən heç kəs, heç kim inkar əvəzliliklərini, həm də cansız əşyalara aid olan heç nə əvəzliyini əvəz edir. Lakin none əvəzliyi bu mənalarda işlədilməklə bərabər, Azərbaycan dilindən, əsasən, bir cəhətlə - cümləni inkara çevirməklə fərqlənir ki, bu da ingilis dilində bütün inkar əvəzliliklərinə məxsus eyni bir xüsusiyyətdir. Halbuki Azərbaycan dilində onun qarşılığı olan inkar əvəzlilikləri belə bir xüsusiyyətə malik deyillər.

Beləliklə, none aşağıdakı hallarda işlədilir:

1. None inkar əvəzliyi şəxsə aid olur. Məsələn:

None knew why these sacred cays and collars were sacred (A.Bennet, 314).

Bu müqəddəs papaqların və yaxalıqların nəyə görə müqəddəs olduğunu heç kim bilmirdi.

But now, when there were none to see or hear him, he fell upon his knees on the floor (Ch.Dickens, 87)

Amma indi onu görə və eşidən heç kəs olmadığından o, döşəmənin üstündə diz çökdü.

Qeyd etmək lazımdır ki, verilən cümlələrdə substantivləşmiş "none" ingilis dilində şəxs bildirən "no one" və "nobody" inkar əvəzlilikləri ilə bir ekvivalent təşkil edir. Bu münasibətnə H.Poytsma qeyd edir ki, "none" əvəzliyi "no one" və "nobody" əvəzliliklərindən onunla fərqlənir ki, "none" əsasən toplu mənada işlənir. (19, 90) Məsələn:

None were fat. (Sister Carrie, 456).

Heç kəs kök deyildi.

Bir sıra hallarda "none" əvəzliyi bir neçə əşyadan hər hansı birinin inkarlıq mənasında yerinə işlənir. Məsələn:

None of the Burtons came out to take leave of him. (The Yadfily, 50)

None of his girls would have said such a thing. (G.Yalsworthy, 88)

None of us spoke for a while. (G.K.Jerome, 197).

Bizim heç birimiz bir müddət danışmadı.

Verilən misallarda, şübhəsiz, "none" əvəzliyini "nobody" ilə əvəz etmək olmaz.

None əvəzliyi cansız əşyalara aid olur.

Belə hallarda o, ingilis dilindəki "nothing" inkar əvəzliyinin ekvivalenti kimi çıxış edir. Həmin əvəzlilik Azərbaycan dilində "heç nə" kimi tərcümə olunur. Məsələn:

In fact, captain, I hope that our conversation will lead to none (Vanity Fair, 261).

Doğrusu, kapitan, mənə elə gəlir ki, söhbətimizdən heç nə çıxmıyacaqdır.

He looked for his underwear, but there was none. (Th. Dreiser, 486)

O, alt paltarı üçün boxçaya baxdı, lakin orada heç nə yox idi.

Qeyd etmək lazımdır ki, verilən inkar cümlələrinin mənası konkret kontekst və situasiya vasitəsilə reallaşır.

Başqa bir cəhətlə nəzər yetirək:

"None" inkar əvəzliyi xəbəri həm təkdə, həm də cəmdə qəbul edir. Bu vəziyyət birləşmənin ümumi məzmunundan asılıdır. Əksər "none" əvəzliyi bir əşyaya aiddirsə onda xəbər təkdə olur.

"None" əvəzliyi ikidən çox əşyaya aid olursa, onda xəbər cəmdə olur. Məsələn:

None of the noises was loud.

Səslərdən heç biri uca deyildi.

None cares for this child.

Heç kəs bu uşağın qayğısına qalmır.

None of his friends, who were already seated, took any notice of him (The Citadel, 249)

None of the women of Couper wood, family were coming into court (Th. Dreiser, 362).

Göründüyü kimi, "none" inkar əvəzliyi xəbəri həm tək, həm də cəmdə götürür.

"None" inkar əvəzliyi əsasən mübtəda bəzən də tamamlıq funksiyalarında çıxış edir. Məsələn:

None had noticed her agitation. (A.Bennet, 124).

Heç kəs onun həyəcanını hiss etmədi.

None had had faith in his innocence. (E. Yaskel 332).

Heç kəsin onun günahsız olmasında inamı yox idi.

"Sibyl has a mother, she murmured; 'I had none'" (O, Wilde, 96).

Mənim heç kəsə yoxdur.

He knew none of the London surgeons. (The Citadel, 329).

O, London cərrahlarından heç kəsi tanımırdı.

Dil faktları göstərir ki, "none" inkar əvəzliyi müasir ingilis dilində inkarlığın ifadə olunmasında müəyyən yer tutur. O, həm canlı, həm də cansız əşyalara aid ola bilər. Kontekstdən asılı olaraq xəbəri həm tək, həm də cəmdə götürə bilər.

None inkar əvəzliyi və Azərbaycan dilində onun ekvivalentləri haqqında dediklərimizi aşağıdakı kimi ümumiləşdirə bilərik:

Müasir ingilis dilində olan none inkar əvəzliyi Azərbaycan dilindəki heç kim, heç kəs, kimsə, heç nə və heç biri inkar əvəzliliklərinin ekvivalentidir. Bu inkar əvəzlik Azərbaycan dilində olan ekvivalentlərindən, hər şeydən əvvəl, belə bir xüsusiyyətlə fərqlənir ki, o, işlədildiyi cümlədə ikinci bir inkar vasitə olmasa da, bir qayda olaraq, təsdiq xəbəri inkara çevirir.

None inkar əvəzliyi iki mənada - həm şəxs, həm də əşya mənasında işlədilir. Halbuki onun Azərbaycan dilində olan ekvivalentləri isə belə bir xüsusiyyətə malik deyildir.

None inkar əvəzliyi şəxslərə görə hallanmır. Halbuki onun Azərbaycan dilindəki ekvivalentləri belə bir xüsusiyyətə malikdir.

None inkar əvəzliyi tək və cəm halda olan feillərlə işlədilir. Azərbaycan dilindəki inkar əvəzlilikləri isə yalnız tək hala aid feillərlə çıxış edir.

None inkar əvəzliyi Azərbaycan dilindəki ekvivalentlərindən fərqli bir xüsusiyyətə heç də, əsla, qətiyyənlə semantik çalarlıqlarda işlədilmək xüsusiyyətinə də malikdir.

Beləliklə, müasir ingilis dilində olan no, none inkar əvəzlilikləri və Azərbaycan dilində onların ekvivalentləri hər iki dilin inkarlıq kateqoriyasında həm oxşar, həm də fərqli xüsusiyyətlərə malikdir ki, bütün bunlar da həmin dillərin quruluşundan, onların daxili inkişaf qanunlarından irəli gəlir.

Açar sözlər: Azərbaycan dilində, əvəzliliklər, inkar, inkar əvəzliyi

Keywords: In the Azerbaijani language, pronouns, negative, negative pronoun

İstifadə edilmiş ədəbiyyat siyahısı

1. Abdullayev S. Ə. Müasir alman və Azərbaycan dillərində inkarlıq kateqoriyası "Maarif" nəşriyyatı, Bakı-1998.
2. Aslanov A. Müasir Azərbaycan dilində qrammatik kateqoriyalar (mənsubiyyət, inkarlıq, kəmiyyət), Bakı-1985.
3. Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili, Bakı-1973.
4. İslamov M. Türk dillərində əvəzliliklər. "Elm", Bakı-1986.
5. Məmmədov B. R. Müasir ingilis və Azərbaycan dillərində xüsusi inkarlıq məsələsinə dair M.F.Axundov adına APDİ-nin Elmi xəbərləri Dilçilik və ədəbiyyat seriyası, 1967, №4.
6. Musayev O. İ. İngilis dilinin qrammatikası (praktik və nəzəri). Bakı-Qismət. 2007.
7. Musayev O. İ. Müasir Azərbaycan və ingilis dillərinin morfolojiyası, Ankara, 2018.
8. Müasir Azərbaycan dili. II cild. Morfolojiya. Azərb. E.A. nəşri, Bakı-1980.
9. Seyidov Y. Azərbaycan dilinin qrammatikası. Morfolojiya. Bakı. Universitet nəşriyyatı, 2002.

NEGATIVE PRONOUNS IN MODERN AZERBAIJANI AND ENGLISH LANGUAGES

Hamidova Tovus Arshad

Azerbaijan State Pedagogical University
Republic of Azerbaijan**Abstract**

There are categories in the language that are universal in nature. One such category is the category of negation. Depending on the grammatical structure of this or that language, the category of negation finds its expression with different lexical and grammatical means. Lexical means can be included first of all negative pronouns that exist in both languages. The problem of negation in language is considered an important general problem of linguistics.

Keywords: negative pronouns, linguistics, category, problems

It should be noted that negative pronouns in modern English are given as a separate group by most linguists. However, in Azerbaijani linguistics, there is no unanimous opinion about the existence of negative pronouns or which words should be included in this group.

Among the grammatical categories available in the language, the negation category occupies a special place. However, the means of expression of the category of negation in individual languages, even within one language, are quite rich and diverse. This category belongs to several fields of science as a research topic. The sciences of logic, grammar, and philosophy can each have a negative interpretation in their own aspect.

Of course, we are interested in the linguistic aspect of the negation category in our work. At the same time, it should be noted that when talking about grammatical negation, logical negation should be taken into account to some extent. So, both denials are related to each other to a certain extent. Speaking about their interaction, A. Aslanov notes that there are both similar and different aspects between logical negation and grammatical negation. Logical negation is expressed in sentence form, and grammatical negation is expressed in sentence form. With grammatical negation, the form is mainly taken as the basis, a single meaning is expressed. At the same time, each grammatical form is based on some degree of logical judgment. Thus, on the basis of the unity of language and thinking, this or that denial finds its expression.

In the book of the modern Azerbaijani language, words such as nobody and nothing are given as negative pronouns. In that book, it is mentioned that in the modern Azerbaijani language, no mainly means negation. Negative pronouns are obtained from the addition of the negative habit to other pronouns and pronominal words. This type of pronoun has already been formed in the Azerbaijani language. This type of pronoun includes: no one, no one, nowhere, someone, none, etc.

For example:

That's why nobody looks like he is (M.Ibrahimov). There is no refuge from anyone, from anyone (G. Musayev). I could not understand anything from his actions (A. Gasimov). I did not see any traces of the muddy streets and wormwood hills that I ran at least ten times a day as a child (G. Musayev).

M. Islamov in his monograph entitled "Pronouns in Turkish languages" also states the opinion that there are negative pronouns in Azerbaijani language. He notes that most of the negative pronouns are formed mainly with the presence of interrogative pronouns, a quantity number, the habit of not: none, nobody, nothing, etc.

Y. Seyidov concludes that the language facts called negative pronouns in Turkish languages are compatible with each other and it is not correct to consider them as lexical units. Taking all this into account, it can be said without hesitation that Turkish languages do not have negative pronouns as a type of pronoun.

Y. Seyidov's conclusion follows from the fact that he does not consider "nothing" or "nobody" type compounds written separately as a separate lexical unit. He notes that even if we do not consider the forms of who and what as pronouns, we can distinguish the indefinite pronoun type based on the pronouns someone, something, one. However, the same cannot be said about the so-called "negative pronoun" type of pronoun. So, if we say that none of the expressions named "negation pronoun", none,

none, nothing, nothing have been formed as a lexical unit, and none of them can be used as one or another type of pronoun, as well as cannot be taken as a negative pronoun.

Later, Y. Seyidov adds that the examples given under the name of "negative pronouns" consist of two (nobody, nothing, nobody...) and even three words (nobody, nothing) and are not lexical in any way. consists of a word sequence that is not formed as a unit. In other words, nobody is not one word, but two words; nothing is not one lexical unit, but three words. Surprisingly, even such an idea is put forward that "this type of pronoun has already been formed in the Azerbaijani language".

Y. Seyidov gives quotes from A. Sherbak and B. Serebrennikov after expressing the opinion that there are no negative pronouns in the Azerbaijani language. It is clear from those quotes that they also show the existence of negative pronouns in Turkic languages, including Azerbaijani.

In this sense, the opinion of A. M. Sherbak attracts attention that "In fact, Turkish languages do not have special negative pronouns. However, he adds that "in Turkish languages, under the influence of the Persian language, negative pronouns consisting of the connection of the noun with the words "never, never... are widely expressed. B.A. Serebrennikov also writes: "It can be confirmed with full confidence that there was no special negative pronoun in the original Turkish language. This idea can be fully applied to modern Turkic languages. However, B.A. Serebrennikov does not deny the existence of such pronouns in modern Turkish languages and writes that "Later, many Turkic languages replaced the word from Persian to make negative pronouns; compare: no, nobody in Uzbek; Azerb. nobody, nothing".

A. Aslanov also calls words such as "nobody" and "nothing" as negative pronouns in the Azerbaijani language.

It is clear from the above that Y. Seyidov also mentions the presence of negative pronouns in the Azerbaijani language. We also think that nobody, nothing, nobody, etc. these are negative pronouns. Therefore, the negative pronouns in the corresponding languages can be shown as follows:

In English: no, none, nothing, no one, neither.

In Azerbaijani: nobody, nothing, nobody, etc.

Bibliography

1. Abdullayev S. A. Negation category in modern German and Azerbaijani languages, "Maarif" publishing house, Baku-1998.
2. Aslanov A. Grammatical categories in the modern Azerbaijani language (affiliation, negation, quantity), Baku-1985.
3. Huseynzade M. Modern Azerbaijani language, Baku-1973.
4. Islamov M. Pronouns in Turkish languages. "Science", Baku-1986.
5. Mammadov B. R. On the issue of special negation in modern English and Azerbaijani languages Scientific news of APDI named after M.F. Akhundov Linguistics and literature series, 1967, No. 4.
6. Musayev O. I. English grammar (practical and theoretical). Baku-Kismet. 2007.
7. Musayev O. I. Morphology of modern Azerbaijani and English languages, Ankara, 2018.
8. Modern Azerbaijani language. Volume II. Morphology. Azerb. E.A. edition, Baku-1980.
9. Seyidov Y. Grammar of the Azerbaijani language. Morphology. Baku. University Press, 2002.

Psychological sciences

SPEECH ACTIVITY OF STUDENTS AND TEACHERS AS THE BASIS OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

Baubekova Gulzamira Juraevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
University "Turan-Astana"

Zhantikeev Serik Krykbaevich

Candidate of Psychological Sciences, Professor
University "Turan-Astana"

Nurtazinova Almagul Kastenovna

University "Turan-Astana",
2nd year master's student

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ И ПЕДАГОГОВ КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Баубекова Гульзамира Джураевна

доктор педагогических наук, профессор
университета «Тұран-Астана»

Жантикеев Серик Крыкбаевич

кандидат психологических наук, профессор
университета «Тұран-Астана»

Нуртазинова Алмагуль Кастеновна

университет «Тұран-Астана»,
магистрант 2 курса

Abstract

The article discusses the formation of speech activity, as one of the key competencies that realize the ability and desire to learn, as the basis for the training of future psychologists. An analysis is made of the conditions of communication as a form of activity, from the position of a personality-activity approach. The most significant communication situations arising in the learning process are considered. Also noted are the styles and functions of communication used in teaching activities. The article also notes the methods by which the development of communicative competencies is stimulated. The pedagogical aspect of the development of communicative competencies is considered, and their significance in the development of the professional competence of a psychologist. Particular attention is paid to the use of the basic functions of speech activity in professional activities.

Аннотация

В статье рассматривается формирование речевой активности, как одной из ключевых компетенций, которые реализуют способность и желание учиться, как основа для подготовки будущих психологов. Проведен анализ условий общения как формы деятельности, с позиции личностно-активного подхода. Рассмотрены важные коммуникационные ситуации, возникающие в процессе обучения. Также отмечены стили и функции общения, используемые в преподавательской деятельности. В статье также отмечены методы, с помощью которых стимулируется развитие коммуникативных компетенций. Уделяется внимание педагогическому аспекту развития коммуникативных компетенций и их значение в развитии профессиональной компетенции психолога. Особое внимание уделено использованию основных функций речевой активности в профессиональной деятельности.

Keywords: speech activity, communicative competencies, means of communication.

Ключевые слова: речевая активность, коммуникативные компетенции, средства коммуникации.

Введение. Проблема речевой деятельности в свете модернизации образования в условиях современного образования принадлежит к числу самых актуальных. Особая значимость ее в педагогическом процессе состоит в том, что она органично входит в любую деятельность людей, принимает участие в ее построении, в ее организации [1].

Коммуникативная компетентность позволяет:

- использовать разнообразные средства устной и письменной коммуникации на разных языках для решения своих задач в конкретных жизненных ситуациях;*
- отбирать и использовать стили и жанры, адекватные решению коммуникативных задач;*
- выражать свою точку зрения в соответствии с нормами этикета;*
- осуществлять продуктивное взаимодействие, в том числе с представителями других культур, приверженцами других точек зрения, позиций, вступая в диалогическое общение, разрешая конфликтные ситуации;*
- строить коммуникацию в группе с людьми, стоящими на различных позициях, для получения общего результата.*

Проблема коммуникации и речевой деятельности опирается на теоретико-методологические основы общей теории деятельности.

Деятельность - форма активного целенаправленного взаимодействия человека с окружающим миром (включающим и других людей), отвечающего вызвавшей это взаимодействие потребности, как «нужде», «необходимости» в чем-либо (С.Л.Рубинштейн). Деятельность человека направлена на освоение социокультурного опыта, накопленного человечеством и т.д. Другими словами, деятельность определяет то, на что направлена вызвавшая ее потребность человека, т.е. на ее предмет. Деятельность является источником развития личности человека. По утверждению Б.Г. Ананьева личность является эффектом конвергенции основных видов деятельности: общения, познания и труда [2]

Именно в общении и происходит процессе познания и подключения человека к трудовой деятельности, потому что передача общественно исторического опыта (обучение) может осуществляться только в общении. В некоторых источниках общение рассматривается как коммуникация. По сути, это слова синонимы. Но «коммуникация» имеет более глубокий смысл, чем общение, отражая общность целей субъектов общения.

В психолого-педагогической литературе, вопрос о речевой деятельности разработан в основном в плане развития речи обучающихся, речевого общения, мастерства устной речи, которые решаются на основе принципа существующей связи между языком и познавательными процессами. Однако проблема речевой деятельности имеет и статус самостоятельного феномена, хотя она включена в любой вид деятельности человека. Ведь существуют множество вариантов речевого общения педагога и обучающихся, которые ставят их в активную позицию в процессе обучения.

Содержательная основа речевой деятельности: восприятие речи другого, которое должно быть адекватным, ее выражение в собственной речи, требующее определенных речевых умений, что особенно ценно для становления личности обучающегося, ее воздействие на других. Ее преобразующий характер занимает особое место в педагогическом процессе. В педагогическом процессе, речевая деятельность определяется как совокупность процессов восприятия, выражения и воздействия, обеспечивающих познание и общение, способствующих проявлению отношений школьников как субъектов деятельности, определяющих их позицию. В широком смысле речевая деятельность — это форма жизнедеятельности человека, проникающая в его образ жизни, поведение и в любую деятельность через коммуникацию.

Коммуникация или общение это форма деятельности, осуществляемая между людьми как равными партнерами и приводящая к возникновению психического контакта, проявляющегося в обмене информацией, взаимовлиянии, взаимного переживания и взаимопонимании.

Критерием оценки речевого общения в педагогическом процессе является общение на занятиях, имеющие определенную логику, содержательность, экспрессивность в выражении мысли, грамотность. Существуют и негативные стороны, затрудняющие процесс речевого общения. К ним можно отнести, неумение выражать свои мысли, нежелание говорить на занятиях, отсутствие должной речевой практики, недостаточность наполняемости предметным терминологическим аппаратом.

Наблюдаются определенные причины, способствующие снижению желания высказываться. Ими могут быть бедный словарный запас, малая начитанность, узкий кругозор,

неумение выразить свои мысли, сложность выбора слов и нужных словосочетаний. Таким образом, получается замкнутый круг, когда человек, испытывающий трудности в общении, в силу своей замкнутости еще больше замыкаются в себе и не тренируют свое умение общаться. Получается, что иногда опытные партнеры по общению, не создают речевой практики.

В современных условиях проверки знаний обучающихся в основном через тестирование все больше ограничивается круг возможностей по развитию речевой деятельности. И получается, что слабые обучающиеся из-за отсутствия речевых умений обнаруживают все большее отставание по многим предметам, на занятиях отсиживают, отмалчиваются, и в жизнь входят, не обладая «даром речи», так и не став «Цицеронами».

Неумение выражать свои мысли, нежелание говорить на занятиях отсутствие должной речевой практики приводит к снижению уровня общения с педагогами, со взрослыми. Потребность в общении восполняется разговорами со сверстниками, часто далеко не соответствующими уровню культурной речи.

Обучающиеся часто довольствуются речевыми обрывками, особым жаргоном, в котором признают «особый шик» Здесь и возникает глухота к своей речи, речевая неряшливость, засоренность речи жаргонными словами, которыми сначала бравируют, а потом они становятся постоянными спутниками человека. Если вовремя не исправить отношение к культуре речи, то привычки неряшливой речи остаются.

В образовании сложилось представление, что основную нагрузку по формированию всей системы речевых умений несут на себе филологи и педагоги языковеды. Однако речевая деятельность не может быть сведена только к лингвистике. Учить проникать в слово, воспитывать речевую чуткость - первоочередная задача любого педагога - предметника, так как слово - инструмент глубокого и тонкого процесса познания и выражение знания любого обучающегося. Работа над развитием речи, над речевой культурой - важнейшая педагогическая задача межпредметного характера.

Рассматривать речевую деятельность в учебном процессе как педагогическую ценность – это необходимо любому и каждому педагогу, потому что развитие познавательной деятельности и общения сопряжено с развитием речевой деятельности, они взаимообусловлены. От понимания педагогом задач об организации речевой деятельности, своей и обучающихся, многое зависит и в совершенствовании учебного процесса, и в воспитании общей культуры обучающихся, и в формировании личностных образований.

Педагогам, особенно преподавателям вуза необходимо рассматривать организацию речевой деятельности в учебном процессе своим прямым делом, одной из основных задач формирования коммуникативных и профессиональных компетенций.

Эффективности работы по формированию коммуникативных компетенций можно добиться через использование личностно-деятельностного подхода.

Опираясь на концепцию А.Н.Леонтьева о деятельности, общение, является важным видом деятельности и как любая деятельность подлежит структурному анализу [3].

Предметом деятельности является другой человек, субъект и партнер по общению.

Потребность в общении - часто выражена в стремлении человека к познанию и оценке других людей, а через них и с их помощью - к самопознанию, к самооценке.

Коммуникативные мотивы - обусловлены тем, ради чего предпринимается общение.

Действия общения — это единицы коммуникативной деятельности, целостный акт, адресованный другому человеку, (две основные категории действий общения - инициативные и ответные).

Задачи общения — это та цель, на достижение которой в конкретной коммуникативной ситуации направлены разнообразные действия, совершаемые в процессе общения.

Продукт общения, результат - знания, полученная информация образования материального и духовного характера, полученная в итоге общения.

Следовательно, исходя из позиции личностно-деятельностного подхода к коммуникативной деятельности, в работе с обучающимися по формированию речевой деятельности и коммуникативных компетенций, педагогам необходимо придерживаться определенных требований:

- работать над ее целеполаганием, совершенствованием речевых умений, над речевой деятельностью как средством многозначного выражения идей, мыслей, чувств, переживаний, отношений, как средством воздействия на других, преобразования собственных побуждений и действий;

- предъявлять требования к своей речи как эталону речи;
- использовать речевую деятельность в целях организации активной самостоятельной работы обучающихся, способствовать становлению их субъективной позиции;
- пристальное внимание оказывать вопросам задаваемых обучающимися, их характеру, побуждать их к вопросам-размышлениям.
- всесторонне изучать, направлять и корректировать речевую деятельность обучающихся, при ее помощи определять степень развития их знаний, познавательных процессов, коллективных отношений.
- вести систематическую борьбу с засоренностью в речевой деятельности словами-паразитами, примитивностью, совершенствовать речевую культуру обучающихся, в области своей дисциплины [4].

В совершенствовании речевой деятельности особое место занимает создание учителем целенаправленных ситуаций для максимального проявления всех его возможностей.

Многие речевые ситуации побуждают мыслительные процессы обучающихся, их эмоции, воображение, заставляют их доступно выразить то, что они поняли, изучили, стимулируют речевую активность, раскрывают возможности, создают атмосферу непринужденных отношений, еще большего доверия и расположенности между педагогом и обучающимися, требуют посильной самостоятельности мышления.

Мы полагаем, что наиболее значимыми ситуациями общения являются те, которые позволяют более основательно проникать в процесс познания с помощью речевой деятельности и развивать познавательные процессы.

Рассмотрим некоторые из них. Это, прежде всего проблемные ситуации, в которых оказываются обучающиеся, противоречия вынуждающие найти выход. Совершается поиск наиболее эффективных форм выражения как самих противоречий в научном движении, так и тех решений выхода из них, которые позволили бы предельно ясно и доказательно выразить в речи полученные знания.

Ситуации, способные активизировать речевую деятельность и ее совершенствование, - дискуссии по вопросам, не имеющим единого решения, обнаруживают различные взгляды, выражающие различные суждения, по поводу чего обучающимся следует высказать свою точку зрения, суметь обосновать ее, рассчитывая на воздействие речевой деятельности на других [5].

Ситуации, в которых может быть принято не одно, а несколько решений, здесь требуют рассуждения обучающихся по поводу того, что же является критерием выбора этих решений.

Ситуации, требующие выразительности речевых форм, поиска наиболее впечатляющих средств воздействия на чувства, переживания слушателей, собеседников.

Ситуации речевой деятельности выражаются в игровых формах (ролевые игры): где обучающиеся выступают в роли защитника, обвинителя, мудреца с присущей, им форме речевой выразительности.

В общении часто возникают стихийно ситуации речевой деятельности, поскольку они связаны непосредственно мотивами участников общения. И вместе с тем для успешности в учебном процессе они также требуют специальной организации. Это ситуации рецензирования ответов товарищей, в которых следует высказать не только суждение, но и дать критическую оценку; в них развиваются также качества речевой деятельности как особая, тактичная форма выражения, которая способна доказать правильность суждений оппонента, не вызывая обиды, негативных эмоций, переживаний товарища. Ситуации взаимопроверки эссе, письменных работ, подготовленных к практическим занятиям.

Ситуации совместной деятельности обучающихся работающих в группе для нейтрализации недружественных отношений между взглядами на проблему.

Ситуации совместной подготовки сообщений, приветственных писем к знаменательным датам, выступлениям перед большой аудиторией, требующие совместных поисков выразительных средств речевой деятельности, применения опыта друг друга.

Очень часто возникают ситуации совместной коллективной деятельности, рассчитанной на общественную оценку общего труда, и этим создается своеобразное разделение труда в области не только познавательной, трудовой, художественной, но и речевой деятельности. В чем раскрываются потенции обучающихся с особыми талантами – «поэтов», «прозаиков», «критиков», «докладчиков» и т.д. [6].

Эффективность коммуникаций в большой степени зависят от содержания, функции, манеры и стиля общения.

Общение может иметь различное содержание, которое выражается в следующем:

- передача от человека к человеку информации;
- восприятие партнерами по общению друг друга;
- взаимооценка партнерами по общению друг друга;
- взаимовлияние партнеров по общению друг на друга;
- взаимодействие партнеров друг с другом;
- управление групповой или массовой деятельностью и т.д.

По функции общения, мы выделяем их в соответствии с содержанием коммуникации. Это четыре основные функции общения; инструментальная, которая характеризует общение как социальный механизм управления и передачи информации; интегративная, объединяющая людей; самовыражения, выражающая психологический контекст; трансляционная, передающая конкретные оценки.

В образовательном процессе эффективность коммуникации в большой степени зависит от манеры общения педагога, которая оценивается тоном в общении (спокойный, властный, взволнованный, вкрадчивый и индифферентный). В значительной степени эффективность общения тесно связана с дистанцией (личная, социальная, публичная и интимная). Немаловажное значение имеет и манера общения, которая проявляется в различных формах: уважительная, доброжелательная, серьезная, шутливая, пренебрежительная или озлобленная.

Особое место во взаимодействии между людьми занимает стиль общения. Он непосредственно влияет на эмоциональную атмосферу взаимодействия и выбор его средств.

Известно, что педагоги отличаются друг от друга не только своими знаниями, педагогическими способностями, но и стилем коммуникации с учащимися, выражающимся также и в оценках. На основе наблюдений за взаимоотношениями в процессе педагогического общения Н.А. Березовин и Коломинский Я.Л. выделяют пять стилей общения педагога с обучающимися. Это такие как: активно- ситуативный стиль, положительный, пассивно-положительный, активно-отрицательный, пассивно-отрицательный [7].

Независимо от индивидуального стиля коммуникации, речевая деятельность учителя должна содействовать привлечению обучающихся к размышлению над речью других и своей собственной. Педагог должен работать над активизацией речевой деятельности обучающихся. Наиболее эффективными являются постановка вопросов и заданий проблемного характера, решение познавательных задач, создание вербальных ситуаций и ролевых игр, комментирование упражнений, рецензирование и другие речевые ситуации. Необходимо развивать речевые умения, развивать способность воспринимать речь на слух, следить за формой речевых высказываний обучающихся, требовать точности выражений, последовательности и логики изложения.

Таким образом, стимулировать речевую деятельность можно путем частого обращения педагога с вопросами на использование приобретенных знаний, на решение проблемных вопросов, выявляющие суждения обучающихся, их отношения. Педагог в развитии речевой деятельности обучающихся, опираясь на их речевую активность, на их самостоятельность, творческие возможности сможет добиться больших успехов в формировании коммуникативных и профессиональных компетенций обучающихся.

Список литературы

1. State compulsory education standard of the Republic of Kazakhstan.
2. Ananyev B.G. On the problems of modern human knowledge / М., Nauka, 1977.
3. Leontiev. A.A. Psychology of communication. -3rd ed. М., Smysl, 1999.
4. Fundamentals of psychotechnology of manager communication: Textbook - М., infra-m: Novosibirsk: NGAEIU. 1998-180 pp. .
5. Ksenofontova A.N. Pedagogical theory of speech activity / Monograph / - М., 2014.
6. Lomakina, O.E. Professional competence of the future teacher as the goal of professional training in a pedagogical university. Volgograd, 1998.
7. Teacher and children's team: Psychological and pedagogical research./ N.A. Berezovin, Ya.L. Kolominsky. - Minsk. 1975.

Technical sciences

MOBILE MARKETING AT THE AIRPORT AS A CHANNEL FOR INCREASING COMFORT, PASSENGER AND CUSTOMER LOYALTY

Mailova Inara Ruslan gizi
Master of Technical Sciences
Kerimov BalaAga Asad
Associate Professor,
National Aviation Academy
Baku, Azerbaijan

МОБИЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ В АЭРОПОРТУ КАК КАНАЛ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КОМФОРТА, ЛОЯЛЬНОСТИ ПАССАЖИРОВ И КЛИЕНТОВ

Маилова Инара Руслан гызы
магистр технических наук
Керимов БалаАга Асад
Доцент,
Национальная Академия Авиации
Баку, Азербайджан

Abstract

In the last decade, the consolidation of the position of mobile devices as a means of communication has favoured the creation of a new marketing channel, namely mobile marketing as a new business communication tool. However, over the last few years, this marketing model has established itself as a product more than a means of communication; thanks to its multifunctionality, which adds value to the content offered, the level of satisfaction in meeting the needs of customers at airports has become higher. If these infrastructures are to have long-term success, their benefits must be more than just image. This study mainly aims to fulfil three objectives. Firstly, to evaluate the impact of mobile marketing on passenger satisfaction at airports. Secondly, to analyse the impact of mobile marketing on passenger behaviour at the airfield; and finally, to examine the impact of this tool on the perceived image of the airport. Tourism is one of the most important sectors in terms of online demand, and air travel is one of its biggest manifestations.

Аннотация

В последнее десятилетие укрепление позиций мобильных устройств как средств коммуникации способствовало созданию нового маркетингового канала, а именно мобильного маркетинга как нового инструмента бизнес-коммуникаций. Однако за последние несколько лет эта маркетинговая модель зарекомендовала себя как продукт больше, чем просто средство коммуникации; благодаря своей многофункциональности, которая придает дополнительную ценность предлагаемому контенту, уровень удовлетворенности в удовлетворении потребностей клиентов в аэропортах стал выше. Если эти инфраструктуры хотят иметь долгосрочный успех, их преимущества должны быть не только имиджевыми. Данное исследование в основном направлено на решение трех задач. Во-первых, оценить влияние мобильного маркетинга на уровень удовлетворенности пассажиров в аэропортах. Во-вторых, проанализировать влияние мобильного маркетинга на поведение пассажиров на аэродроме; и, наконец, изучить влияние этого инструмента на воспринимаемый имидж аэропорта. Туризм является одним из наиболее важных секторов с точки зрения онлайн-спроса, а авиабилеты - одним из самых больших его проявлений.

Keywords: marketing, airport, mobile applications, passenger loyalty, new technologies.

Ключевые слова: маркетинг, аэропорт, мобильные приложения, лояльность пассажиров, новые технологии.

Наличие новых приложений для аэропортов помогает пассажирам эффективно распоряжаться своим временем в аэропорту, поскольку эти приложения предоставляют информацию в режиме реального времени. Результаты данного исследования подтверждают тот факт, что многофункциональность инструмента мобильного маркетинга способствует повышению эффективности процессов, осуществляемых пассажирами в аэропорту [1]. Основные задачи данного исследования сосредоточены на анализе основных понятий о мобильном маркетинге и мобильных приложениях, а также на оценке влияния этого инструмента на уровень удовлетворенности пользователей и улучшение имиджа/восприятия аэропорта благодаря приложению. Данное исследование поможет достичь лучшего понимания взаимодействия между аэропортом и пассажирами посредством использования смартфонов.

Аэропорты прибегают к мобильному маркетингу, чтобы улучшить опыт и удовлетворенность пассажиров в своих заведениях. Однако следует учитывать, что переход от теории к практике - непростая задача, особенно в указанной инфраструктуре, где компании сосуществуют в микросредах и осуществляют различные и разграниченные виды деятельности.

В настоящее время взаимодействие между аэропортами и авиакомпаниями и пассажирами отсутствует. Цепочка создания значимости аэропорта должна быть организована иерархически. Первое звено в этой цепочке - **пассажиры**, без них мы не смогли бы связать второе звено - **авиакомпания**; **аэропорт** - последнее звено, замыкающее цепочку. Аэропорты не могут напрямую общаться с пассажирами, чтобы предложить им услуги или товары, доступные в заведениях внутри терминала, уже менее десяти лет.

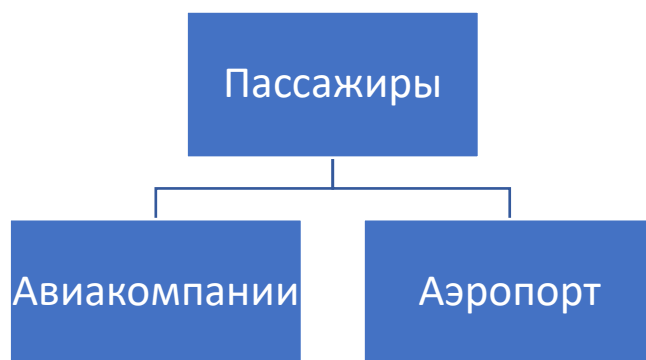

Таблица 1. Цепочка создания значимости аэропорта

Однако с этим придется подождать, пока аэропорты и концессионеры не внедрят соответствующие системы электронной коммерции. Если вы являетесь концессионером и хотите создать платформу электронной коммерции, вы должны создать такую платформу, к которой смогут подключиться и аэропорт, и партнеры, а не только вы сами. Она должна быть совместима, например, с приложениями авиакомпаний и аэропортов, чтобы другие люди могли использовать ваш инвентарь.

Таким образом, наличие приложения для аэропорта сегодня улучшает как впечатления пассажиров, так и коммерческие доходы от использования смартфонов, поскольку пассажирам предлагаются персонализированные продукты и услуги в соответствии с их потребностями [2]. Среди аэропортов, эффективно использующих приложения, можно обнаружить, что эти приложения приносят значительный доход, и число таких приложений будет только расти. Задача аэропортов и концессионеров - продолжать предоставлять более качественную информацию и обеспечивать жизнеспособность электронной коммерции.

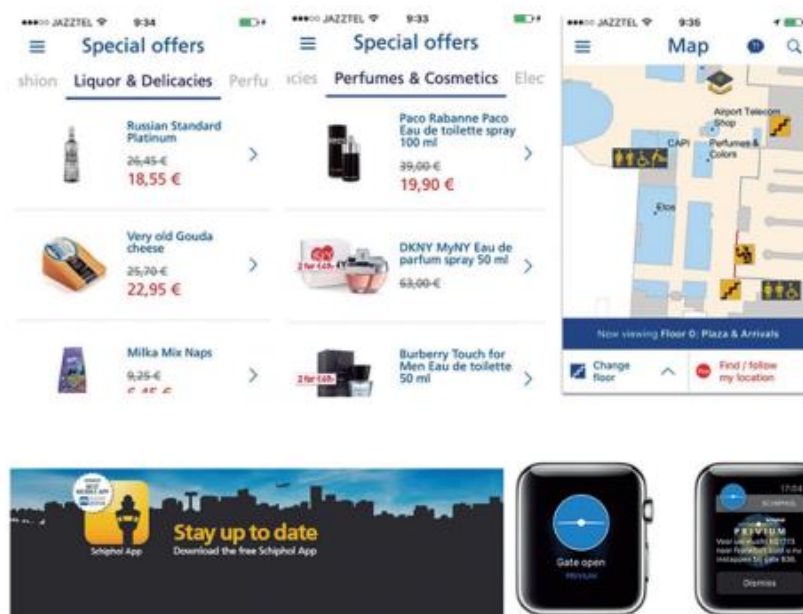
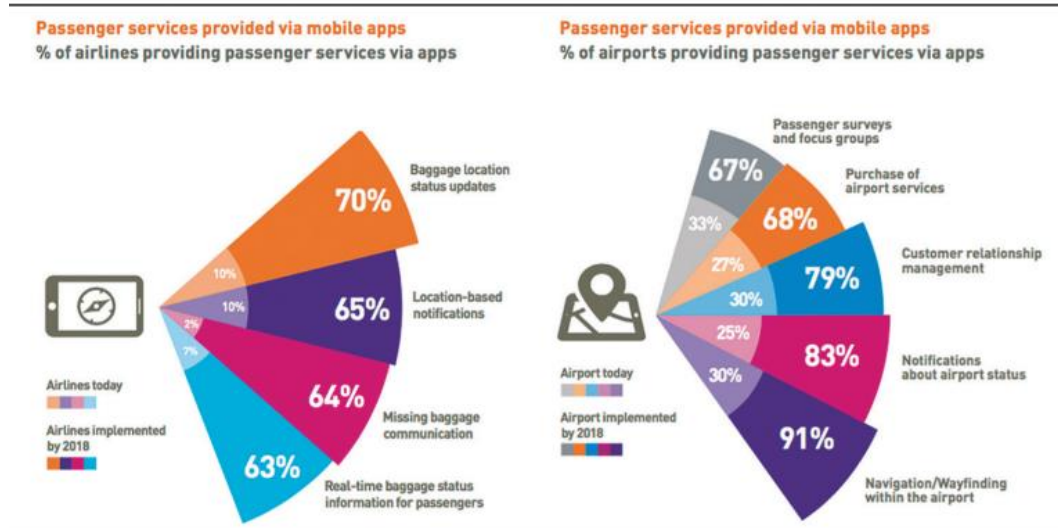

Рисунок 1. Приложение как канал продаж и имидж бренда (приложение Amsterdam Airport Schiphol)

Мобильный маркетинг как инструмент коммуникации.

Следующие гипотезы касаются информации, предоставляемой пассажирам или клиентам с помощью этого инструмента. Это наиболее изученный аспект в области информации о мобильных устройствах. Мобильный маркетинг предоставляет информацию в нужный момент и в нужном месте, взаимодействие и мгновенную обратную связь [3].

Пользователи, которые находят актуальную для них или других пользователей информацию и совершают конкретные действия по передаче электронных данных, не только выполняют эти действия: они идут дальше и ищут информацию о бренде, участвуют в рекламе и/или посещают его магазин [4].

Source: <https://es.sita.aero>

Рисунок 2. Услуги, предоставляемые пассажирам посредством мобильного приложения.

Несколько самых крупных аэропортов в мире используют мобильный маркетинг в качестве инструмента коммуникации, чтобы держать пассажиров в курсе информации о рейсах, пунктах регистрации и контроля, багаже, выходах на посадку и т. д. Кроме того, этот инструмент имеет виртуальный магазин, где они могут приобрести товары или услуги в зависимости от своих потребностей. Таким образом, мы выдвигаем **следующие гипотезы**:

Г1. Информация, предлагаемая приложением через мобильный маркетинг, положительно влияет на безопасность/контроль пассажиров в аэропорту.

Г2. Информация, предоставляемая приложением, улучшает восприятие пассажирами имиджа инфраструктуры аэропорта.

Такие аэропорты, как амстердамский Схипхол, увидели в мобильном маркетинговом инструменте отличную возможность не только повысить общую удовлетворенность пассажиров, но и улучшить их представление об аэропорте. Создание мобильного приложения аэропорта Схипхол в Амстердаме улучшило во всех областях опыт пассажиров в аэропорту. Согласно данным World Airport Awards (2019), в том году этот аэропорт получил награду как лучший аэропорт в Европе и третий в мире. Важно подчеркнуть, что главное в приложении не то, что оно может определить ваше местоположение, а то, что суть приложения в аэропорту заключается в персонализации опыта пассажира и возможности предложить ему микро сегментированные продукты.

На рисунке 3 показаны следующие факторы принятия (технологические и поведенческие) для уменьшения недостатков и недоверия к мобильному маркетингу пользователей.

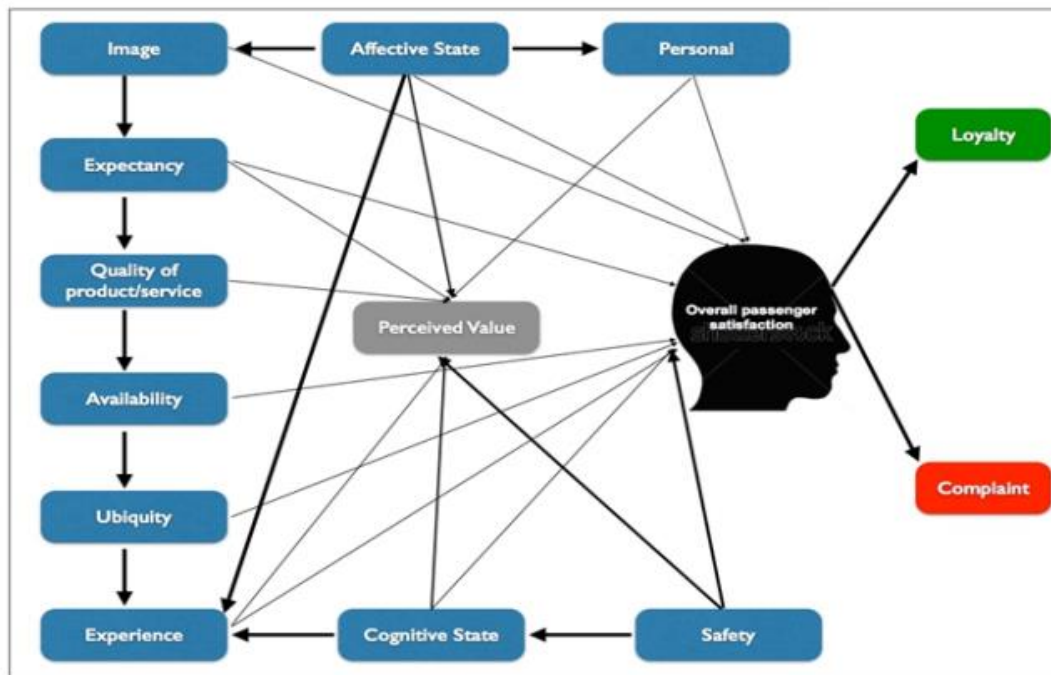

Рисунок 3. Модель удовлетворенности пассажиров инструментом мобильного маркетинга

Все мы согласны с тем, что аэропорты — это места, где мы часто чувствуем себя дезориентированными из-за обилия вывесок; мы часто обнаруживаем, что бесцельно ходим по незнакомым местам в надежде найти ресторан, кофейню, хорошую книгу для чтения или подарок для члена семьи или друга. Благодаря новым приложениям, разработанным для мобильных устройств, которые в режиме реального времени предоставляют нам информацию о рейсах, тарификации, контроле безопасности, багаже, выходах на посадку, питании и т. д. в пределах аэродрома, мы можем эффективно управлять собой в аэропорту. В совокупности идеи и инновации, высказанные экспертами в ходе конференции по дополнительным доходам, а также текущие оценки их использования и принятия, полученные в ходе исследования и вторичного анализа, ясно показывают, что, хотя дополнительные доходы становятся все более распространенными в авиационной отрасли, существует еще много путей для их дальнейшего развития и ряд критических подводных камней, которых следует избегать при разработке стратегий дополнительных доходов.

Перечень использованной литературы

1. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162517304596>
2. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0969699722001661>
3. <https://upcommons.upc.edu/handle/2117/88722>
4. Yu, T., & Dean, A. (2001). The contribution of emotional satisfaction to consumer loyalty. *International Journal of Service Industry Management*, 12(3), 234-250. <http://dx.doi.org/10.1108/09564230110393239>
5. SITA (2019). The airport IT Trends Survey. Retrieved November 26th, 2019 from: <http://www.sita.aero/content/airport-it-trends-survey-2019>

<https://sconferences.com>
info@sconferences.com

ISBN

